

ЕВРЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ИЕРУСАЛИМЕ
•
ЦЕНТР СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

•
ЦЕНТР ЧЕЙЗА ПО РАЗВИТИЮ ИУДАИКИ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

•
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР ЕВРЕЙСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

—•—
Институт Славяноведения РАН

•
ХАЗАРСКИЙ ПРОЕКТ

ХАЗАРЫ

Евреи и славяне Том 16

Редакционная коллегия
В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук,
А. Кулик, Д. Шапира

Гешарим / Иерусалим
Мосты культуры / Москва
2005

Jews and Slavs. Volume 16

Евреи и славяне. Том 16

ХАЗАРЫ KHAZARS

Редакционная коллегия

В. Петрухин, В. Москович, А. Федорчук, А. Кулик, Д. Шапира

Издатель **М. Гринберг**

Зав. редакцией *И. Аблина (Москва)*

М. Яглом (Иерусалим)

Книга издана при поддержке группы «Ариэль» и лично Евгения Сатановского

Мосты культуры, Москва

Тел./факс: (095) 684-3751

(095) 792-3856

e-mail: gesharim@e-slovo.ru

office@gesharim.ru

Gesharim, Jerusalem

Tel./fax: (972)-2-624-2532

Fax: (972)-2-624-2505

e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

© Еврейский университет в Иерусалиме, 2005

© Центр славянских языков и литературы, 2005

© Центр Чейза по развитию иудаики на русском языке, 2005

© Институт Славяноведения РАН, 2005

© Институт Яд Бен-Цви (Иерусалим), 2005

© Международный Центр еврейского образования
и полевых исследований, 2005

© Гешарим / Мосты культуры, 2005

AMERICAN JEWISH JOINT
DISTRIBUTION COMMITTEE

ДЖОЙНТ

ISBN 5-93273-196-6

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	11
От редколлегии	13
<i>Плетнева С.А.</i> Хазары и Хазарский каганат	17

Раздел I

<i>Голден Питер.</i> Достижения и перспективы хазарских исследований	27
<i>Петрухин В.Я.</i> Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей	69
<i>Калинина Т.М.</i> Ал-Хазар и ас-сакалиба: контакты. Конфликты?	101
<i>Рона-Таш Андраш.</i> Хазары и мадьяры	111
<i>Эрдаль Марсель.</i> Хазарский язык	125
<i>Швайд Элизер.</i> Хазарская тема в <i>Книге Кузари</i> р. Иегуды Галеви	140
<i>Флерова В.Е.</i> Сюжеты хазарской графики	153

Раздел II

<i>Михеев В.К., Тортика А.А.</i> Евреи и иудаизм в Хазарском каганате: к вопросу о формулировке современной научной концепции хазарской истории	175
<i>Флеров В.С., Флерова В.Е.</i> Иудаизм в степной и лесостепной Хазарии: проблема идентификации археологических источников	185
<i>Комаф А.В.</i> Исторические предпосылки возникновения легенды о полянской дани хазарам по археологическим данным	207
<i>Аксенов В.С.</i> К вопросу о существовании памятников этнических хазар в верхнем течении Северского Донца	219
<i>Науменко В.Е.</i> Византийско-хазарские отношения в середине IX века.	231
<i>Могаричев Ю.М.</i> К вопросу о хазарах в Крыму в начале VIII в.	245
<i>Калинина Т.М.</i> Ал-хазар и ат-турк в произведениях средневековых арабо-персидских ученых	251
<i>Кляшторный С.Г.</i> Азиатский аспект ранней истории хазар	259

<i>Ковалевская В.Б.</i> Возникновение местного производства стеклянных бус на Кавказе (к вопросу об алано-хазарских взаимоотношениях)	265
<i>Шнирельман В.А.</i> «Свирепые хазары» и российские писатели: история взаимоотношений (заметки о «народном хазароведении») ...	287
<i>Иванов С.А.</i> Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары	310
<i>Степанов Цветелин.</i> Развитие концепции сакрального царя у хазар и болгар эпохи раннего Средневековья	317
<i>Семенов И.Г.</i> К интерпретации сообщения «Кембриджского Анонима» о походах Хельгу, «царя Руси»	326
<i>Колода В.В.</i> К вопросу о наследии Хазарского каганата и его роли в истории восточных славян	338
<i>Чекин Л.С.</i> Самарха, город Хазарии	346
<i>Фонякова Н.А.</i> Черты иконографии и стиля изображений животных в художественном металле Хазарии VIII–IX вв.	372
<i>Гавритухин И.О.</i> Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры)	378
<i>Круглов Е.В.</i> Хазары – поиск истины	427
<i>Голден Питер</i> Тюрки-хазары – гулямы на службе у халифов	458
<i>Голб Норман</i> Значение древнееврейских рукописей для исторических исследований, в особенности, для истории хазар	483
<i>Shapira Dan</i> Judaization of Central Asian Traditions As Reflected in the So-Called Jewish-Khazar Correspondence, with Two Excurses: A. Judah Halevy's Quotations; B. Eldād ha-Dānī (Judaeo-Turkica VI), and an Appendix	503
<i>Бунарджич Радован</i> Челарево – некрополь и поселение VIII–IX веков	522
<i>Жирионкина О.Ю., Цитковская Ю.И.</i> Погребальные обряды в Хазарии (Несколько интерпретационных стереотипов в свете стратиграфических и иных наблюдений на Нетайловском могильнике)	532
<i>Ходжайов Т.К.</i> Краниологическая характеристика раннесредневекового населения Хумаринского городища (Карачаево-Черкесия)	545
Abstracts	562

List of Abbreviations	11
Foreword	13
<i>Pletneva S.</i> The Khazars and the Khazarian Qaganate	17

Part I

<i>Golden P.</i> The Khazars in Modern Research – Past Achievement and Future Goals and Prospects	27
<i>Petrukhin V.</i> Rus' and Khazaria: an Evaluation of Historical Connection	69
<i>Kalinina T.</i> Al-Khazar and As-sakaliba: Contacts. Conflicts?	101
<i>Róna-Tas A.</i> Khazars and Magyars	111
<i>Erdal M.</i> The Khazar Language	125
<i>Shweid E.</i> The Khazarian Theme in the Book <i>The Kuzari</i> by R. Judah Halevi	140
<i>Flerova V.</i> The Subjects of the Khazarian Drawings	152

Part II

<i>Mikheev V., Tortika A.</i> Jews and Judaism in the Khazarian Qaganate: on the Shaping of the Modern Scholarly Conception of the Khazarian History	175
<i>Flerov V., Flerova V.</i> Judaism in the Steppe and Forest-steppe Khazaria: the Problem of the Identification of Archeological Sources	185
<i>Komar A.</i> Historical Preconditions for the Emergence of the Legend on the Poljan Tribute to Khazars on the Basis of Archeological Data	207
<i>Aksenov V.</i> On the Existence of Old Relics of Ethnic Khazars Upstream the Severskij Donets	219
<i>Naumenko V.</i> Byzantine–Khazarian Relations in the Middle of the IX th century	231
<i>Mogarichev Ju.</i> On the Khazars in the Crimea at the Beginning of the VIII th c.	245
<i>Kalinina T.</i> Al-Khazar and At-Turk in the Works of Medieval Arabo–Persian Scholars	249

<i>Klyashtorny S.</i> The Asian Aspect of the Early History of the Khazars	259
<i>Kovalevskaja V.</i> The Emergence of the Local Production of Glass Beads in the Caucasus (on the question of Alani-Khazarian Relations)	265
<i>Shnirelman V.</i> «The Ferocious Khazars» and Russian Writers: the History of Relations (Notes on the Folk Khazar Studies)	287
<i>Ivanov S.</i> The Old Armenian Hagiography of Stephen of Surozh and the Khazars	310
<i>Stepanov Ts.</i> The Development of the Conception of the Sacral Ruler among the Khazars and the Bulgars during the Early Middle Ages	317
<i>Semjonov I.</i> On the Interpretation of the Communication of the «Cambridge Anonymous Author» on the Campaigns of Helgu «the King of Russia»	326
<i>Koloda V.</i> On the Legacy of the Khazarian Qaganate and its Role in the History of Eastern Slavs	338
<i>Chekin L.</i> Samarkha, City of Khazaria	346
<i>Fonjakova N.</i> Features of Iconography and Style on the Depiction of Animals in Decorative Metal Artefacts of Khazaria of the VIII th –IX th cc.	372
<i>Gavritukhin I.</i> The Chronology of the Epoch of the Establishment of the Khazarian Qaganate (Elements of Ornamental Belts)	378
<i>Kruglov E.</i> The Khazars – in the Quest for Truth	427
<i>Golden P.</i> Khazar Turkic Gulâms on Caliphal Service	458
<i>Golb N.</i> The Value of Hebrew Manuscripts for Historical Research, with Special Reference to the Khazars	483
<i>Shapira Dan Y.</i> Judaization of Central Asian Traditions as Reflected in the So-Called Jewish-Khazar Correspondence with two Excurses: A. Judah Halevy's Quotations; B. Eldâd ha-Dânî (Judæo-Turkica VI) and an Appendix	503
<i>Bunardžić R.</i> Čelarevo – the Necropolis and the Settlement of the VIII th –IX th cc.	522
<i>Zhironkina O., Tsitkovskaja Ju.</i> Funeral Rites in Khazaria (Some Interpretative Stereotypes in the Light of Stratigraphic and Other Observations at the Netailovo Burial Ground)	532
<i>Khodzajov T.</i> A Craniological Evaluation of the Early Medieval Population in the Khumarin Ancient Settlement	545
Abstracts	562

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДСВ – Античная древность и Средние века.
АДУ – Археологічні дослідження на Україні.
АИА НАНУ – Архив Института археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
АИА РАН – Архив Института археологии Российской академии наук. Москва.
АКМЗ – Астраханский краеведческий музей-заповедник.
АО – Археологические открытия. Москва.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси.
ВВ – Византийский Временник.
ВДИ – Вестник древней истории.
Вісник ХДУ – Вісник Харківського Державного Університету.
ВОКМ – Волгоградский областной краеведческий музей.
ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИБИ – Гръцки извори за българската история.
ДА – Донская археология. Ростов-на-Дону.
ДВДС – Древности Волго-Донских степей. Волгоград.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ЗООИД – Записки Одесского Общества истории и древностей.
ИАИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону.
ИАК – Известия Археологической комиссии.
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры. Ленинград (Санкт-Петербург).
ИИМК – Институт истории материальной культуры. Санкт-Петербург.
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь.
КЕС – Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара.
КИСЭПИ – Калмыцкий институт социально-экономических и правовых исследований.
КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР.

- КСИА АН УССР – Краткие сообщения Института археологии Украинской академии наук.
- КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва, Ленинград.
- ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение института археологии Академии Наук СССР.
- МАД – Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАЭСУ – Музей археологии и этнографии Слободской Украины. Харьков.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- НАР – Новое в археологии Киева.
- НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов.
- ПВЛ – Повесть временных лет.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
- ПХАПСССК – Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.
- РА – Российская археология.
- СА – Советская археология.
- САИ – Свод археологических источников.
- СНСП – Сказания о начале славянской письменности.
- СЭ – Советская этнография.
- ТЮТАКЭ – Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции.
- ЭКУ – Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков.
- ААН – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.
- АЕМА – Archivum Eurasiae Medii Aevi.
- АЕ – Archaeologiai értesítő.
- ВГА – Bibliotheca geographorum arabicorum.
- СКСО – Corpus scriptorum christianorum orientalium. Louvain.
- GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies.
- HUS – Harvard Ukrainian Studies.
- REB – Revue des Études Byzantines. Paris.
- SIA – Slovenská archaeologia.
- SBS – Studies in Byzantine Sigillography. Washington.
- SPAW – Sitzungberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaft. Berlin.
- VA – Vita Antiqua. Київ.

Очередной том серии *Jews and Slavs* выходит одновременно в рамках издательских серий «Хазарский проект» (при поддержке группы «Ариэль») и «*Bibliotheca Judaica*» (Ассоциация «Гишрей Тарбут» и Центр Чейза) и содержит материалы двух международных коллоквиумов, посвященных хазарам.

Первый коллоквиум, состоявшийся в Иерусалиме (Институт Бен-Цви) в мае 1999 г., стал важным начинанием в международном и междисциплинарном исследовании практически всего спектра проблем, связанных с историей Хазарского каганата, его места в раннесредневековой Евразии и в истории еврейского народа (см. о Первом коллоквиуме – Флеров, 2000; Петрухин, Федорчук, 2000). Материалы коллоквиума готовятся к печати проф. Питером Голденом в англоязычной версии. Русскоязычная версия материалов Первого коллоквиума была подготовлена к печати частично, при этом часть их была опубликована его участниками в виде отдельных статей (Афанасьев, 2001; Флеров, 2001; Петрухин, 2000 а, б). В первой части предлагаемого тома публикуются некоторые статьи российских участников коллоквиума, а также переведенные на русский язык статьи, характеризующие разные аспекты хазарской проблемы, наиболее интересные для отечественного читателя, в первую очередь – обобщающая статья Питера Голдена о достижениях и перспективах в хазарских исследованиях.

Вторая часть тома содержит материалы Второго международного коллоквиума по хазарам, проведенного в Москве в 2002 г. в рамках IX Международной конференции по иудаике, устраиваемой Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер» (оргкомитет – И. Аржанцева, В. Петрухин, А. Федорчук). Коллоквиум проходил при поддержке Российского Еврейского конгресса в рамках «Хазарского проекта»

Еврейского университета в Москве (ныне – Высшая гуманитарная школа им. С. Дубнова). Участники коллоквиума, в частности, смогли познакомиться с хазарской археологической коллекцией Еврейского университета, с результатами раскопок на городище Самосделка в дельте Волги (предварительная публикация материалов этих раскопок вышла в 2003 г. – Васильев, Гречкина, Зиливинская, 2003).

Второй коллоквиум в основном продолжил проблематику Первого. Его открыла ведущий хазаровед С.А. Плетнева, вводное слово которой открывает и весь том¹. Специфика московского коллоквиума – в преобладании докладов по археологической тематике. Это естественно: именно археология ежегодно расширяет и обновляет источниковую базу для исследования проблем, связанных с историей Хазарии в том широком евразийском контексте, в котором только и может рассматриваться история и культура этой «кочевой империи». Неслучайно самыми объемными статьями тома оказываются статьи по проблемам систематизации археологического материала (И. Гавритухин, Е. Круглов). Все более определенно вырисовываются центральноазиатские (туркестанские) аспекты этой истории (и ее завершения с вторжением огузов), конкретизируются балканские, восточно- и центральноевропейские – венгерские – ее связи. В частности, находки иудейских символов (знаков на кирпичах) в некрополе Челарево (Воеводина), иногда напрямую ассоциировавшиеся с хазарскими каварами – союзниками венгров, не относятся к эпохе обретения венграми родины в Паннонии, а датируются позднеаварским периодом (VIII – начало IX в.), что делает эти находки еще более интригующими. Вообще проблема иудаизма в Хазарии и поисков его археологических свидетельств была одной из главных тем коллоквиума. Актуальными являются и поиски «этнических хазар» – выделение подкурганых погребений в междуречье Нижней Волги и Дона.

Одной из традиционных оказывается и тема отношений Хазарии со славянами, Русским государством и ближайшими соседями-«вассалами»: аланами, волжскими болгарами. Рассматриваются проблемы, связанные как с традиционными (данные Константина Багрянородного, Жития Константина Философа, еврейско-хазарской переписки, восточных источников), так и с вновь вводимыми и редкими письменными источниками – таковы древнееврейские рукописи, которым посвящена статья Нормана Голба, армянская версия Жития Стефана Сурожского (статья С. Иванова), данные картографии по исторической географии Хазарии (Л. Чекин) и др. К редким материалам относятся данные краниологии, полученные с одной из крупнейших хазарских крепостей – Хумаринского городища в Прикубанье (Т. Ходжайов).

Финансовые проблемы не позволили оперативно издать материалы коллоквиумов², что, естественно, негативно сказывается прежде всего на публикации археологических материалов, которые «устаревают» с каждым

сезоном. Вместе с тем проведение коллоквиумов способствовало интенсификации исследований в области хазарских проблем. При этом особая роль принадлежит региональным исследованиям, которые проводятся в Самаре, Волгограде, Астрахани, в последнее время – в Донецке³. В Болгарии участником московского коллоквиума д-ром Цветелином Степановым был издан сборник, посвященный болгарам и хазарам в раннем Средневековье (Степанов, 2003). Одной из целей московского коллоквиума была координация междисциплинарных исследований по проблемам Хазарии в евразийском контексте.

На московском коллоквиуме состоялась договоренность о проведении международного хазарского семинара в Харькове и Верхнем Салтове: он состоялся осенью 2002 г., к его открытию в Харькове был издан «Хазарский альманах», т. 1 (2 том издан в 2004 г., М.: Мосты культуры–Гешарим). На семинаре особенно остро встал вопрос о спасении памятников археологии, подвергающихся разрушению, как само городище Верхний Салтов, и разграблению. Была разработана программа срочных мер по охранным исследованиям на Верхнем Салтове, Правобережном Цимлянском и Семикаракорском городищах на Дону, которые начались в рамках Хазарского проекта в 2003 г. Необходимость финансирования этих работ⁴ задерживала подготовку к печати трудов московского коллоквиума.

В результате издатели при составлении «Трудов» должны были по возможности отобрать для издания наиболее актуальные из поступивших текстов и не имели возможности включить работы всех участников хазарских коллоквиумов.

Примечания

- 1 Книга С.А. Плетневой «Очерки хазарской археологии» была выпущена издательством «Мосты культуры–Гешарим» в 1999 г. к Первому коллоквиуму по хазарам; второе издание 2000 г. и книга В.С. Флеровой «Образы и сюжеты мифологии Хазарии», выпущенные тем же издательством в серии «Хазарский проект» в 2001 г., распространялись (при поддержке РЕК) среди участников коллоквиума.
- 2 К началу второго коллоквиума были изданы тезисы докладов: Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.
- 3 В Донецке под редакцией А.В. Евглевского издаются важные труды по археологии степей, в том числе второй том – «Степи Европы в эпоху Средневековья» (Донецк, 2001) – посвящен хазарскому времени.
- 4 Предварительные результаты опубликованы: Флеров, Петрухин, 2004.

Литература

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2. С. 43–54.

Петрухин 2000а: Петрухин В.Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2000. С. 222–229.

Петрухин 2000б: Петрухин В.Я. Хазария и Русь в современной историографии: традиционные проблемы и новые решения // Jews and Slavs. V. 7. Jerusalem, Kyiv, 2000. С. 365–275.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка – памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 3. Донецк, 2003.

Петрухин В.Я., Федорчук А.М. Хазары. Международный коллоквиум // Вестник еврейского университета. 2000. № 2. С. 398–402.

Степанов Ц. (составитель). Българи и хазари през ранното средневековие. София, 2003.

Флеров В.С. Коллоквиум «Хазары» (Иерусалим) и «Краткая Еврейская энциклопедия» о хазарах // РА. 2000. № 3. С. 229–234.

Флеров В.С. «Семикаракоры» – крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. 2001. № 2. С. 56–70.

Флеров В.С., Петрухин В.Я. Экспедиция «Хазарский проект» и проблема сохранения городищ каганата на Дону // ИАИАИАНД. Вып. 20. С. 172–189.

ХАЗАРЫ И ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ

Упоминания этнического названия «хазары», а немного позже возглавляемого ими государственного образования «Хазарский каганат» почти тысячелетие не сходят со страниц средневековых рукописей: византийских и латиноязычных, грузинских, армянских, арабских, персидских, древнееврейских и древнерусских. Ряд разноязыких авторов дает в своих сочинениях, как правило, беглую характеристику особенностей этого народа и государства, упоминает важнейшие эпизоды их политической истории — описания побед и захватов чужих земель или (реже) поражений, потерь, изгнания. Все дошедшие до нашего времени отрывочные данные благодаря их многочисленности позволяют составить об этом затерянном в веках государстве сравнительно ясное представление. Сотни историков, лингвистов, историков религии в Европе, России, Америке, уже более 150 лет работая над осмыслением фактов, полученных из нарративных источников, изредка дополняя уже давно известные сведения новыми находками, к настоящему времени значительно расширили наши знания не только о Хазарском каганате, но и о многих этносах и народах, проходивших в I тыс. н.э. по южнорусским степям или живших в непосредственной близости от каганата и нередко плативших ему дань или находившихся в вассальной зависимости от этого мощного государства.

Таким образом, в результате неустанных изысканий историков мы можем с большей или меньшей долей уверенности считать установленными следующие факты хазарской истории:

1. Время и обстоятельства образования ядра хазарской государственности (примерно первая половина VII в.) и первую попавшую под власть хазар сравнительно небольшую территорию (современный Дагестан).

2. Начало завоевательных походов на западные кавказские предгорья, Тамань и Крым, разгром Великой Болгарии (в Прикубанье) и переселение (откочевка) значительной части болгар на Запад (Дунай) и, возможно, в донские степи (вторая половина VII в.).
3. Долгая война с арабами, полное поражение хазарских войск и отступление хазар из обжитых предгорий и прикаспийских пастбищ в волжские степи (первая половина VIII в.).
4. Походы на славян, наложение на них дани, захват новых земель – возможно, в бассейне Дона и левобережья Днепра.
5. Принятие хазарской верхушкой (правительством) иудейской религии в качестве государственной идеологии и, вероятно, связанные с этим внутренние раздоры в Хазарии.
6. Заселение в VIII в. хазарского города Фанагории большим количеством евреев.
7. Во многих исследованиях подчеркивается «веротерпимость» хазар, что объясняется скорее всего полным равнодушием народа к чуждым религиям.
8. Заселение земель Нижнего Поволжья аилом (или куренем?) самого кагана повлекло строительство там его укрепленной ставки, переросшей довольно быстро в большой город – столицу Хазарии город Итиль, раскинувшийся на обоих берегах Волги (Итиля).
9. Каждое лето весь аил кагана и его приближенные и охрана отправлялись на летние кочевья, находившиеся, по-видимому, в современной Калмыкии.
10. Многие богатые аристократы также оставляли Итиль летом, но отъезжали, вероятно, не на кочевку, а к своим пашням и садам, что являлось свидетельством оседания кочевников на землю и перехода их к земледельческому труду.
11. Существенным событием в Хазарии было строительство на берегу второй (после Итиля) магистральной реки каганата – Дона – кирпичной крепости Саркел. На первом этапе строительства им руководили византийские архитекторы, возглавляемые Петроной Каматира. Цели Петроны были скорее шпионские, чем строительные: важно было знать о реальных силах и возможностях Хазарии и донести эти сведения до императора. Дружественный шаг византийцев был прикрытием более серьезных задач.
12. С принятием каганом и царем хазар иудаизма Византия фактически потеряла союзника, и с учетом этого империи необходима была серьезная рекогносцировка на восточных окраинах своих провинций.
13. В конце IX в. Хазария потеряла власть над многими своими соседями и подверглась опустошительному нашествию печенегов, занявших своими пастбищами степи бассейнов Дона и Днепра. С начала X в. даже Итиль стал подвергаться разорительным набегам кочевавших по левому берегу Волги гузов.

14. В 965 г. пошел на каганат русский князь Святослав Игоревич, победил войско, возглавленное самим каганом, взял и разорил Итиль, затем взял Саркел и сжег его.
15. После этого похода Хазария не смогла восстановиться, хотя Итиль отстроился, а крымские и таманские порты продолжали функционировать, заселенные тем же населением, что и во времена расцвета каганата (среди них, как известно, было много евреев, по-прежнему, видимо, занимавшихся в городах в основном торговлей).
16. К началу XI в. Крым стал вновь византийской провинцией, а Тамань и Приазовье – русским княжеством (Тмутараканью) с далекой донской «факторией» – Белой Вежей, городком, выросшим на развалинах крепости Саркел.
17. Заключая это краткое (тезисное) изложение наших знаний о хазарах по нарративным источникам, добавлю, что согласно сведениям ряда источников хазары, как и большинство степных народов Средневековья, были тюркским, тюркоязычным народом. Известны образцы их рунической письменности, крепко связывающей хазар с восточными, также тюркоязычными, каганатами.
18. Столь же типично именно для тюркских сообществ так называемое «двоевластие»: кагану помогал править, а чаще, тихо отстранив кагана, правил сам «царь» (*шад, бек* – в разных источниках этот титул назван различно). Он даже назначал сроки правления кагану и имел право в известных обстоятельствах умертвить его. Это один из жесточайших обычаев древней религии, очевидно преобладавшей над всеми «новыми» и непонятными канонами чуждых религий.

Как бы ни были подробны описания событий современниками (а они, как правило, наоборот, излишне кратки), их явно недостаточно.

Совершенно очевидно, что необходимо было привлечь какой-то новый, обладающий большей информативностью блок источников, оставшихся нам в наследие от этого крупного первого в Восточной Европе феодального государства, просуществовавшего более 300 лет (середина VII – конец X в.).

Такой источник мог быть получен только в результате археологических исследований памятников и древностей, обнаруженных на землях, где исторически были зафиксированы следы хазарского владычества. Таким образом, ряд русских археологов уже в первые десятилетия XX в. пришли к выводу о принадлежности открытых в лесостепном и степном Подонье нескольких городищ и могильников хазарам или – более осторожно – культуре хазарского каганата.

Так начиналось хазарское археологоведение. Культура, памятники которой привлекли особенное внимание ученых, получила чисто археологическое наименование – «салтово-маяцкая» – по первым двум открытым в бассейне Дона памятникам – городищу, селищу и могильнику у с. Верх-

нее Салтово на Донце и столь же представительному «Маяцкому» комплексу на Дону при впадении в него речки Тихая Сосна. Оба располагались в лесостепи, и, очевидно, это в какой-то мере стало причиной неутраченного интереса археологов к данному обширному региону. Чем больше было открыто памятников, чем интенсивнее они раскапывались, тем яснее становилось, что «салтово-маяцкая культура», возможно, и связана с хазарами, но собственно хазарской она не являлась, поскольку ближайшие аналоги ей были уже в начале XX в. хорошо известны и деятельно изучались на Северном Кавказе. Уже тогда не возникало сомнения в их аланской принадлежности. Этому способствовали факт скопления их могильников в местах, где и сейчас живут их потомки – осетины, их характерная долихокранность и не менее характерный катакомбный обряд погребения. Разрешение вставших перед археологами вопросов этнических связей двух отделенных сотнями километров народов требовало как тщательных исследований материалов уже открытых памятников, так и поисков новых больших комплексов и их исследования и, что самое важное – поисков и изучения аналогичных и синхронных памятников в наиболее вероятных хазарских регионах.

Этим и занялся М.И. Артамонов, обследовав и обобщив все ранее известные в краеведческой литературе памятники на Нижнем Дону, попутно обнаружив несколько новых и, главное, обратив внимание на остатки развалин единственного собственно хазарского городка – Саркела.

Работы М.И. Артамонова в Саркеле и проводившиеся под его руководством широкомасштабные раскопки Волго-Донской экспедиции (1949–1951) стали мощным импульсом для дальнейшего развития хазароведения. Многолетние исследования – разведки по рекам и речушкам, вдоль морских берегов и в Кавказских предгорьях, раскопки нескольких десятков поселений и сотен погребений в степях и лесостепях Волго-Днепровского междуречья, в Крыму, в Дагестане – дали в настоящее время громадный материал, позволяющий нам при обработке его получить полноценный и абсолютно новый и объективный исторический источник, значительно расширивший наши знания о Хазарском каганате, сложившиеся только по нарративным источникам.

Попытаемся далее рассмотреть, что же дали нам археологические источники для пополнения известных сведений о фактах, о которых сообщают средневековые авторы.

Хазарское государственное объединение, возникшее на фундаментах распавшегося савирского племенного союза, было изначально полиэтничным. Это подтверждается значительным разнообразием и смешением погребальных обрядов в Дагестане VII–VIII вв. Преобладали в этом новом объединении родственные хазарам тюркоязычные савиры, барсилы, болгары, а также довольно значительное количество алан. Хазар был немногочислен, погребения их концентрировались, видимо, только у городов. Судя по

наличию в предгорьях остатков разрушенных крепостей и городов с прекрасными оборонными сооружениями, следами оросительных каналов вокруг них, жизнь при новой власти процветала.

Расцвет экономики привел к необходимости прорыва к морским торговым черноморским портам. «Пласт» этого прорыва прослеживается на многих памятниках (городищах и поселениях) Тамани и Крыма. Вместе с хазарскими войсками пришли сюда купцы, ремесленники, строители, принеся с собой свои производственные навыки, улавливаемые археологами, в частности, выкладка панцирей стен «елочкой», характерные горшки с глубоким рифлением и пр. Изредка попадались в Крыму и погребения богатых воинов-всадников, вполне возможно – хазарских.

Добавлю, что археологически установлен факт большого количества болгар, продолжавших жить и хозяйничать в крымских и таманских степях: поселения их не были разрушены, а погребения попадаются много чаще хазарских.

Арабские войны слабо отражены в археологических памятниках Дагестана. Видимо, это только развалины городов и крепостей, так и не восстановившиеся с VIII в. Бывшая густонаселенная страна опустела, хотя возможно, что в некоторых городах жизнь продолжалась, но археологических подтверждений этому нет.

Зато мы можем уверенно связывать с арабами отход населения в богатые черноземом и травостоем степи Донского бассейна. Так, примерно в середине VIII в. эти несколько веков почти пустые степи начали заселяться жителями разбитого арабами государства. Земледелие и пастушеское скотоводство стали основой экономики каганата: остатки сгоревших в пожарах злаков и многочисленные кости домашних животных характерных для пастушества видов свидетельствуют об этом. Антропологически население степей фактически идентично Прикаспийско-Предгорному региону и Крыму.

Стремящаяся к обогащению военизированная аристократическая верхушка постоянно участвовала в военных действиях – в чужих войнах в качестве союзников, а также в своих завоевательных походах. Были захвачены земли в лесостепи и в степях на Днестре. Жившие там славяне платили дань кагану. Чтобы обеспечить ее своевременную выплату и предотвратить возможные набеги славян на захваченные и еще полупустые земли, хазарский каган переселил часть своих кавказских вассалов – алан – в лесостепные верховья Дона, Оскола и Донца. Таким образом хазарские лесостепные владения стали аланским вассальным уделом и четко определилась северная и северо-западная границы государства.

Судя по тому, что в VIII в. с Центрального Предкавказья исчезло подавляющее большинство аланских могильников, логично предположить, что именно из этого района пришли в бассейн Дона аланские военизированные «пограничные» отряды. Вдоль всей границы каганом были постав-

лены крепости. Их малая заселенность может быть объяснена двояко: во-первых, они функционировали как крепости-убежища и, во-вторых, крепости были замками феодалов, возглавлявших аланские отряды и обязанных следить за спокойствием в регионе.

Практически не улавливается археологически принятие хазарскими властями иудейской религии. Очевидно, очень сильны были в каганате древние языческие верования, обряды и обычаи. Они прослеживаются всюду: в поселениях, крепостях и, конечно, особенно ярко – в погребальной обрядности: людей хоронили в традиционных могилах в сопровождении более или менее богатого инвентаря, могущего пригодиться на том свете.

Только редкие находки надгробных стел с изображением иудейской символики, встречающиеся на Тамани (в Фанагории и Таматархе и в их окрестностях), свидетельствуют о том, что в этом регионе иудеи присутствовали. Поскольку на обратной стороне погребальных стел иногда попадаются глубоко врезанные тамгообразные знаки, возможно, что стояли они над могилами хазарских прозелитов. Попадают иудейские надгробия и в самом Боспоре, около которого где-то располагалось и иудейское кладбище. Однако оно до сих пор еще не локализовано и не раскапывается.

Многократно упоминающаяся в работах историков «веротерпимость» хазар скорее всего объясняется, как уже говорилось, равнодушием населения каганата к чуждым религиям, что вполне убедительно демонстрируют археологические материалы. Прозелитов и самих евреев было в этой громадной стране мало, и их могилы обнаружить, вероятно, почти невозможно.

Несомненно, и храмы, и кладбища были бы обнаружены в Итиле, но археологи не могут открыть его развалины, хотя в последнее десятилетие поиски этого города, стоявшего в низовьях Волги, явно активизировались. Не слишком деятельно ведется исследование и земель, бывших когда-то доменом самого кагана, хотя именно там могут ждать нас самые неожиданные открытия.

Давно уже развеян миф о кочевничестве хазар и их подданных. В степях открыты сотни поселений, оставленных земледельческим населением, соорудившим крепкие дома, загоны для молодняка и другие надворные постройки. Вдоль границ и торговых путей возводились крепости, перераставшие в города. Одна из них – Саркел – была поставлена по приказу кагана на скрещении водной магистрали (Дона) и сухопутных дорог. Крепость была кирпичной, другие строились из меловых блоков, сырца или глинобита. В настоящее время все они разрушены и почти стерты с лица земли, а Саркел лежит на дне так называемого «Цимлянского моря».

Для укрепления своих границ и торговых путей каганские власти, видимо, примерно в начале IX в. переселили с предгорий Кавказа дополнительные отряды воинов с семьями. Так появились на Северском Донце совсем не обычные для того времени и территории трупосожжения, нередко с богатым воинским убором, украшениями и многими деталями обрядности

(помимо кремации), резко отличающиеся от обрядов соседей, также входивших в состав подданных каганата. Сходство синхронных предкавказских и донецких захоронений настолько разительно, что привело ряд русских ученых к выводу об их едином этническом происхождении – не исключено, что это были «касоги» – столь же воинственные и умелые воины, какими были аланы. Однако решение этого вопроса еще далеко до завершения.

Также пока остается не вполне решенным и вопрос этнической интерпретации так называемых «курганов с ровиками». Под этими небольшими насыпями, разбросанными по степи, захоронены в подбойных могилах воины в сопровождении убитых коней, оружия, украшений и пр. Нередко в могилах попадаются золотые солиды VII–VIII вв. Могила рыли в центре площадки, окруженной круглым или квадратным ровиком с перемычками для прохода внутрь площадки. После погребения ров, совершив в нем одно или несколько жертвоприношений, тщательно забивали глинистым материковым грунтом и только после этого насыпали над всем сооружением курган.

Аналогичные могилы встречались и в насыпях предыдущих эпох, но ни рва, ни дополнительной насыпи над ними, естественно, не было, и поэтому только условно мы можем считать их типологически близкими погребениям под курганами. Такие захоронения обычно попадают в крымских или причерноморских степях, и поэтому нельзя отрицать и гипотезу об их болгарской принадлежности. Однако основной «массив» хазароведов и кочевниковедов склонен считать подкурганские погребения с ровиками, а иногда и без ровиков, но под курганами – хазарскими. Это тоже гипотеза, и для доказательства ее потребуется еще много сил, средств и открытий.

Разорительно-завоевательный поход на Хазарию князя Святослава прекрасно «проиллюстрирован» раскопками в Саркеле. Город был сожжен, западная стена снесена, остальные стены сильно разрушены. Все это прослежено стратиграфически, так же, как и незамедлительное восстановление и заселение этого городка местными жителями, славянами-боршевцами и гузо-печенегами.

После похода Святослава жизнь в Хазарии не замерла. Значительно больший ущерб принесли каганату вторгшиеся в его степи печенеги. Следы их разрушительной деятельности также иногда удается зафиксировать археологам: на их пути лежали сгоревшие поселения, иногда среди пожарищ открываются «живые» картины побоищ: скелеты непогребенных людей, разрушенная в процессе работ керамическая печь, купол которой нарочито пробит каменными глыбами, разбившими все обжигаемое в печи содержимое (горшки, кувшины и пр.).

Мы знаем благодаря письменным свидетельствам, что население каганата было полиэтнично. В большой степени это подтверждается значи-

тельными различиями в погребальных обрядах, а также антропологическими различиями черепов из разнотипных погребений. К сожалению, антропологические исследования проводились только на нескольких памятниках. Огромное количество скелетов до сих пор остаются неопределимыми и постепенно разрушаются в хранилищах. Тем не менее на обработанном материале, как говорилось, давно установлено, что катакомбный обряд свойственен долихокранам-аланам, а ямный – европеоидам-брахикранам с некоторой примесью монголоидности. На территории донских степей, в Крыму, в Волжской и Дунайской Болгариях их считают праболгарскими. Подобные черепа соответствуют и черепам из «курганов с ровиками» (правда, в них более заметна примесь монголоидности), но полной уверенности в этом пока нет – исследована очень небольшая серия. Интересно, что в настоящее время выделяется значительная серия метисированных черепов (долихо-брахикранных). Этот процесс слияния этносов внутри каганата, постепенно активизируясь, мог привести к сложению единого народа (по-видимому, народа хазар). Таким образом, археологические и антропологические источники позволяют проследить сложнейшие этнические процессы, протекавшие идентично во всех странах и государствах древности и Средневековья.

Несмотря на беды и разорения, обрушившиеся на страну, окрепшая в IX в. экономика каганата не могла исчезнуть внезапно. Многие поселения, датирующиеся по материалу почти до конца X в., продолжали существовать, а в крупных городах сохранились и развивались самые сложные изделия, особенно в кузнечных и ювелирных мастерских, вещи из которых расходились по всей европейской степи. Не исчезла, видимо, даже распространенная в Хазарии руническая письменность. В Волжской Болгарии в слое XI в. обнаружен обломок сосуда с выцарапанным по сырому тесту рунами словом – явно мастером-керамистом. На окраинах хазарского мира культуре, видимо, удавалось просуществовать дольше, чем хазарскому государству.

Гибель сильного и развитого экономически и культурно государства не дала ничего положительного ни одному из окружающих его и плативших ему дань народов и соседних государств.

Хлынувшие в степи кочевнические орды печенегов, а затем и половцев принесли новые испытания, разорения, пожары, неволю и смерть. Вплоть до татаро-монгольского нашествия каждое из возникших в Восточной Европе государств: Русь, Алания, Волжская Болгария, а также юго-восточные европейские государства – Византия, Дунайская Болгария, Венгрия – вынуждены были постоянно бороться с этой новой напастью и нередко терпеть от кочевников жестокие поражения.

Железный хазарский щит рухнул, и каждому государству приходилось собирать все свои силы на борьбу с ними, причем, как правило, редко заключая между собой военные союзы.

РАЗДЕЛ I

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ХАЗАРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В сочинении «Фарс-наме» историка и географа XII в. Ибн аль-Балхи, жившего в сельджукинский период и пользовавшегося покровительством одного из иранских Сельджукидов, повествуется о том, что сасанидский шах Хосров I Аноширван (531–579) поместил справа от своего престола «золотой трон и два (других) золотых трона слева и позади (своего престола). Один из тронов предназначался для китайского императора, второй – для византийского, а третий – для царя хазар, когда те придут. И эти троны стояли там постоянно, и никто другой не мог на них сесть»¹. Хотя и можно предположить, что этот поздний источник передает легенду искаженно и что трон предназначался для кагана западных тюрков (Аноширван был женат на дочери тюркского кагана² (согласно другой рукописи, речь идет о правителе эфталитов), это не столь важно. Далее мы увидим, что между правящим хазарским домом и властителями западных тюрков существовали, вероятно, родственные связи. И что еще более важно, вне зависимости от того, анахронизм это или нет, хазарский каган считался достойным по праву занять место рядом с другими величайшими императорами Евразии³.

Хазарский каганат был одним из колоссов средневековой Евразии, государством, чьи границы на западе протянулись до Днепра и Средней Волги, на севере до заволжских степей, до Хорезма на востоке, включая Крым и степи Северного Кавказа на юге; он просуществовал 300 лет (ок. 650 – ок. 965) – дольше, чем почти любая другая империя Степи. Его этнически разнообразное население включало тюркские, иранские, финно-угорские, славянские и палеокавказские народы, а также древние еврейские общины Крыма и Кавказа. В экономический ареал Хазарии входили кочевники,

полукочевники, земледельцы, виноградари, так же, как и население, занимавшееся рыболовством, охотой и собирательством. Имелось и довольно значительное городское население, состоявшее из купцов и ремесленников, как местных, так и пришлых. Система судопроизводства предполагала возможность следования законам евреев, мусульман, христиан и язычников, как это позже было и в системе *миллетов* Оттоманской империи. Религиозная терпимость Хазарии, типичная для многих ранних кочевых тюркских образований, снискала ей устойчивую и завидную репутацию. Обладая каганат и мощной военной машиной, на которой, как на фундаменте, зиждилось все здание империи. Постоянная, на жалованье, армия правителя насчитывала от 7000 до 10000 всадников. Во время церемониальных выходов кагана все простиралось ниц перед его всееляющим священным трепетом величием.

И действительно, Хазарский каганат был одной из главнейших держав той эпохи. Он играл важную роль в истории Руси (вопрос о том, насколько велика была эта роль, горячо обсуждается до сих пор⁴) и в ранней истории венгров. Каганат остановил продвижение растущего Омейядского халифата в приволжские и причерноморские степи. Он был одним из важнейших участников международной торговли как между западом и востоком, так и между севером и югом, став одним из главных торговых партнеров Аббасидского халифата и посредником в торговле с ним, внося тем самым вклад в примечательный расцвет Багдада в IX веке. Хазарию можно определить как одну из «торгово-данныческих империй» периода 551–907 гг., собиравших дань со своих оседлых соседей и торговавших с ними. К этому же типу относились тюрки, предшественники Хазарии, и современные ей Уйгурское, Тибетское и Китанское (Киданьское) государства⁵ (за исключением Тибета все эти государства выделились в свое время из Тюркской империи). Не упоминая хазар, невозможно в полной мере понять экономическую историю Восточной Европы и земель халифата. *Гулямы* хазарского происхождения, или люди, попадавшие в халифат через Хазарию, становились ведущими фигурами в аббасидской политике. Среди них был Буга Старший (Buḡā al-Kabīr), один из наиболее могущественных командиров этих *гулямов*; его деятельность разворачивалась на Кавказе в середине IX в., и в какой-то момент он был заподозрен в том, что «вошел в сношения со своими сородичами, хазарами»⁶. Обращение правящих кругов хазар в иудаизм и роль хазарского еврейства (общины, состоявшей из людей самого разного происхождения) в формировании современных восточноевропейских еврейских общин остается предметом острой полемики. Эта полемика, в частности, породила целый ряд «научно-популярных» неоднозначных работ, таких, как сочинения Артура Кестлера и Бориса Альтшулера, с их огульными притязаниями относительно хазарского наследия и влияния⁷. В последнее время предметом дискуссии стала роль хазар в этногенезе казахов⁸, поскольку молодая казахская республика переосмысливает сейчас свое прошлое.

Несмотря на явно отраженную в источниках важную роль хазар для их современников в Евразии и на Ближнем Востоке, они едва упоминаются в исследованиях по всемирной истории⁹. Не лучше обстоит дело и в некоторых работах, посвященных Средней Азии или Степи¹⁰. В недавно вышедшей при поддержке ЮНЕСКО «Истории цивилизаций Центральной Азии» (*History of Civilizations of Central Asia*) много нашлось что сказать об Индии (Южная Азия), оказывавшей (часто опосредованно) весьма сильное культурное влияние на Центральную Азию, но все же периферийной для этого региона, в то время как западноевразийское расширение степей Центральной Азии в значительной степени проигнорировано, а хазары упоминаются только вскользь¹¹. Около полувека назад в своем замечательном труде «Империя Степи» (*L'Empire des Steppes*) Груссе уделил хазарам чуть более трех страниц¹². К счастью, в некоторых других современных исследованиях общего характера, таких, как «Кембриджская история Древней Центральной Азии» (*Cambridge History of Early Inner Asia*)¹³, хазарам по справедливости уделяется больше внимания. Впрочем, чаще всего в работах, особенно посвященных происхождению Руси и Венгрии, хазарам отводилась лишь второстепенная роль: о них кратко упоминали, но они не были главным предметом исследования.

Возможно, одна из проблем состоит в том, что о хазарах мало что можно сказать безоговорочно. Они были и остаются проблемой. Пятьдесят лет назад в своей рецензии на книгу Ананиаша Зайончковского «Исследования хазарской проблемы» (*Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim*) Омелян Прицак отмечал, что «wie bekannt, gehört das chazarische-Problem zu den schwierigsten, vor allem aus den Grunde, weil die in vielen Sprachen verfassten Quellen sehr dürftig, heterogen und vielfach kaum autentic sind» («как известно, хазарская проблема является одной из сложнейших, прежде всего потому, что написанные на разных языках источники очень бедны, разнородны и зачастую едва ли аутентичны»)¹⁴. Хотя мне представляется, что сегодня он захотел бы уточнить это «едва ли аутентичны», но кроме этого мало что изменилось. Дени Синор в своем библиографическом введении к истории Центральной Азии все еще (в 1963 г.) заявлял, что «les études Khazares sont d'une complexité peu ordinaire» («хазарские штудии необычайно сложны»)¹⁵. Нерешенными остаются фундаментальные вопросы. Как отмечала Ирэн Сорлен в своем обзоре советских исследований до 1960 г. по этому вопросу, происхождение и исчезновение этой когда-то могущественной империи остается покрытым тайной¹⁶. Обладавший талантом к сочинению афоризмов русский историк Л.Н. Гумилев окрестил Хазарию «Степной Атлантидой»¹⁷, и она, как Атлантида, тоже оказалась и реальностью, и вымыслом, предметом ученого исследования и романтических спекуляций. Сейчас в Интернете существует несколько сайтов, посвященных хазарам, что указывает на растущий интерес к Хазарии вне научных кругов.

Я не предполагаю представить полный, детальный обзор хазарских исследований в течение последнего века или более. Сейчас не время для такого обзора – да он сейчас и не нужен. В своей новаторской работе о Кирилле и Мефодии Фрэнсис Дворник дал обзор литературы вплоть до 1933 г.; Дьюла Моравчик в своей необходимой для любого исследователя работе *Byzantinoturcica* отмечает наиболее важные работы за 1822–1957 гг. Авраам Ярмолинский опубликовал в 1938 и 1959 г. две подробные библиографии; в 1963 г. последовала избранная аннотированная библиография Бернарда Вайнриба¹⁸. Уже в то время библиография насчитывала около 550 наименований. Наиболее важные и полезные из этих работ отмечены в главных исследованиях по хазарской тематике, появившихся после 1930-х гг. Моя задача главным образом состоит в том, чтобы дать некоторое представление о достижениях хазароведения к настоящему моменту и, возможно, предложить некоторые направления дальнейших исследований. Даже беглый взгляд, брошенный на это поле исследований, покажет, что ученые далеки от единодушия по многим фундаментальным вопросам, хотя, я полагаю, есть и большие области исследования, в которых соглашение достигнуто. Следует добавить, что любое представление такого рода достижений хазарских исследований по определению спорно, поскольку отражает личные интересы автора, его способности к языкам, его политическое и культурное воспитание и т.д. Я не претендую на то, что мои комментарии будут какого-то другого рода.

ВЕНГЕРСКАЯ ШКОЛА

Я начну свой обзор с того, что может быть названо *венгерской школой*. Некоторым эта отправная точка может показаться странной, но как раз логично начать с венгерских ученых, чей давний интерес к алтайским и уральским языкам Евразии весьма понятен. Необходимой вводной работой к хазарским штудиям был вышедший в 1912 г. новаторский труд о болгаро-тюркских заимствованиях в венгерском Золтана Гомбоца¹⁹ (1877–1935), равно как и несколько других, менее важных исследований, таких, как работа Йожефа Тури, который предлагает идентифицировать *ṣā* Ибн Руста как тюркский титул *šad*²⁰. Крайне важна основополагающая работа великого венгерского тюрколога Дьюлы Немета (1890–1976) «Формирование венгерского народа эпохи Завоевания родины» (*A honfoglaló magyarok kialakulása*), появившаяся в 1930 г. и посвященная происхождению венгров. Более чем через десять лет после смерти автора, в 1991 г., вышла долгожданная переработанная и дополненная версия этого труда²¹; второе издание, так же, как и первое, стало библиографической редкостью. Немет пытался проследить и выделить зарождение венгров в широком контексте евразийских процессов этногенеза; угорский племенной союз был вытес-

нен к краю Степи и там подвергся глубокому влиянию тюркских народов (и действительно, большинство венгерских названий племен могут быть этимологизированы на основе тюркского языка²²), став постепенно частью степного мира. Этот процесс отражен в тех наименованиях, под которыми венгры раннего Средневековья, или протомадьяры, были известны в окружающем мире (савиры, тюрки – византийцы называли их *Toúrkoí*), в структуре их институтов власти (речь идет о двоецарствии *дьюлы* и *кенде*, где оба эти титула – степного происхождения) и в их союзе с Хазарией. Когда протомадьяры еще жили в Понтийских степях, к ним присоединились хазарские мятежники, известные как кабары, которые пришли с мадьярами в их новый дом в Паннонии. Из знаменитого рассказа Константина Багрянородного мы знаем, что кабары научили венгров хазарскому языку, на котором те продолжали говорить еще во времена Константина (середина IX в.). Кабары, в свою очередь, выучили венгерский, и их статус среди венгров был весьма высок²³. Судя по всему, этот хазарский язык кабаров был источником некоторых тюркских заимствований в венгерском языке²⁴.

Мы начали наш обзор с Немета, потому что его труд, важный и по существу, и с точки зрения методологии, равно как и работы некоторых других венгерских ученых, неизбежно связан с любой дискуссией о происхождении и этимологии имени *хазары*. Это и есть наш первый вопрос: кто такие были хазары? Немет, опираясь на давно уже существовавшую традицию, выдвинул верное предположение о том, что вопрос венгерского этногенеза не будет удовлетворительно разрешен, если не соотнести его с историей формирования народов восточноевразийской степи. Немет уделял особое внимание вопросам этнонимии и, основываясь на своих познаниях в области тюркской филологии, смог реконструировать историю миграции ранних венгров (протомадьяр). В ходе этого исследования он должен был затронуть и проблему хазар, сыгравших, как и европейские гунны, различные огуро-булгарские народы, савиры и тюрки, важную роль в истории венгров, когда те еще жили в Степи. В особенности он интересовался хазарским языком и, исследовав противоречивые данные источников и лингвистические следы хазарского, пришел к выводу, что указания на некий язык, на котором говорили в Хазарии и который не был похож ни на какое другое наречие (Аль-Истахри, Ибн Хаукаль²⁵), вряд ли могут относиться к какому-либо другому языку, кроме венгерского.

Немет предположил, что, кроме носителей венгерского, в этом многоязычном государстве были люди, говорившие на булгаро-тюркском, тюркском, савирском (который он рассматривал как общетюркский язык) и различных других языках (например, славянском). Во втором издании его работы появляется следующее вводное замечание, отсутствующее в первом: «упрощенно говоря, хазарский язык был идентифицирован как булгарский»²⁶. Именно такой точки зрения, судя по всему, придерживаются

многие венгерские тюркологи, как это и отражено в работах Л. Лигети²⁷. Андраш Рона-Таш, однако, отмечая немногочисленность лингвистических данных о хазарском языке, хотя и не отрицает его возможной близости с чувашским (то есть огурским/ болгарским), но призывает к осторожности в этом вопросе²⁸.

Огурские народы (напр. сарагуры, огуры [Обр̄ωοι, γεγε Οβ̄ωροι = Uğor возможно искажение *ώουροι = Oğur], оногузы, болгары и др.), чье существование в степях Восточной Евразии засвидетельствовано по крайней мере с 463 г. н. э., года, когда (как мы знаем из Приска²⁹) они отправили послов в Константинополь, были частью большой конфедерации племен, арочным сводом растянувшейся сквозь Евразию и названной в китайских источниках Тиелэ (T'ieh-lê); Тиелэ включала в себя и элементы уйгурской конфедерации³⁰. Эта связь с уйгурами потенциально релевантна для нашей темы (см. ниже).

Сам по себе этноним Oğuz – это, конечно, огурская/булгарская форма термина *Oğuz*, первоначально означавшего «племя» или «родня» и именно в этом значении переведенного на китайский (ср. Toquz Oğuz = Kao-hsing). Полная история Тиелэ еще не написана, но остается одной из многих задач, столь важных для исследований Евразии и ранней истории хазар. В работе Кароля Цегледи «Эпоха переселения кочевых народов», исследовании миграций в Степи от эпохи Hsiung-nu (гуннов) и до появления тюрков в зоне Понта, мы находим важное введение к обсуждавшимся выше и другим вопросам; книга была издана по-венгерски в 1969 г., в 1983-м увидело свет переработанное английское издание³¹. Тюрки-огурсы говорили на некой разновидности тюркского, уже в те времена отличавшейся от стандартного тюркского; количество характерных фонологических черт (напр. ротацизм и ламбдаизм) со временем возрастало. По сию пору продолжают споры о месте огурского среди тюркских языков и о хронологии изменений, происходивших в огурском, изученных в значительной мере на материале фрагментов дунайского и волжского булгарского, огурских заимствований в венгерском и истории чувашского языка, единственного живого среди этой лингвистической группы³². Решение вопроса о том, принадлежит ли хазарский язык к огурской или нормативно-тюркской группе, прольет важный свет на вопрос происхождения хазар.

Немет, вслед за Гомбоцем, выводит этноним *Nazar*/Козар и т.д. = **Qazar* из тюркского *qaz* – «бродить, скитаться» (ср. *Qazaq*), что предположительно является велярным вариантом общетюркского *kez-*. Я принял открытия Немета, поскольку они вписываются в широкую семантическую категорию имен, отражающих кочевой образ жизни³³. Однако же впоследствии опубликование фрагментарных надписей Теса (Tes) и Терхина (Terkhin) из Уйгурской империи (744 – 840), в которых появляется имя (непонятно, собственное или название племени) *Qasar*, дало толчок к появлению новых гипотез³⁴. Базэн (Basin), опираясь на то, что фонетически это имя совпада-

ет с названием уйгурского племени *Qasar*, предположил, что оно происходит от тюркского *qas* – «тиранить, терроризировать, угнетать»³⁵. Рона-Таш связывал это имя со среднеперсидской формой римского титула *Caesar*: *Kesar* (ср. тибетское *dru-gu Ge-sar* «Тюрок Гесар») > *Qasar*. Огурский *Qasar* мог превратиться в *Qazar* > *Hazar*³⁶. Таким образом, этноним **Qazar* окажется связанным с *Qasar*, и сами хазары, соответственно, – с потомками Тю-ре/уйгурской группы. Эта идея не нова. Д.М. Данлоп (о котором см. ниже) уже делал попытку связать К’о-са и Но-са «хазары» китайских источников с имеющими сходное название Ко-са; он также склонен был рассматривать *Ὀβροῦι* Приска (см. ниже) как искажение этнонима *Uyğur*³⁷.

Эти построения также проблематичны. Живущий в Венгрии японский ученый Тору Сенга (*Toru Senga*) пришел к выводу, что уйгурское *Ко-са/ Qazar* – это не название племени, а родовое имя вождя племени Сикари (*Sikari*) – подразделения токуз огузов (*Toquz Oğuz*) и что любые попытки поисков происхождения хазар в уйгурской конфедерации «неубедительны»³⁸. Другая сложность состоит в том, что антропоним *Qazar* существует не только у уйгуров и монголов, но и, в форме **Qasar*, – Чат касар (*Č’at’ Kasar*), отмечено Мовсесом Дасхуранци³⁹ (*Movsēs Dasxuranci*) у гуннов Северного Кавказа, которые сами были вассалами хазар. Более того, в позднейшем кыпчакском слово *qasar* является термином для обозначения определенного вида собак (кинонимы, то есть имена людей, содержащие элемент «пес», – не редкость у тюрков и монголов), и оно вполне может происходить от корня **qas*, который ассоциируется со словами «челюсть, скулы»⁴⁰. Вопрос, таким образом, остается открытым, мы же вернемся к нашей дискуссии о происхождении хазар.

Следует отметить, что, по понятным причинам, венгры весьма интересовались восточными источниками по венгерской/протомадьярской истории. В 1990 г. была опубликована работа, включавшая фрагменты и переводы наиболее важных арабских и персидских авторов по истории венгров эпохи Завоевания Родины⁴¹. Михай Кмошко (1876–1931) опубликовал в 1920-х гг. ряд важных работ по арабским и персидским источникам о хазарах⁴². Однако первый том его труда «Мусульманские авторы о народах Степи» вышел в свет только недавно⁴³. Кмошко провел также важное исследование о народах Степи в сирийских источниках, которое по сей день остается неопубликованным⁴⁴. Обращение хазар в иудаизм привлекло к себе внимание исследователей в трудные годы Второй мировой войны⁴⁵. Вопрос о хазарах неизбежно затрагивается в той или иной мере и в современных исследованиях, посвященных происхождению венгров. Например, Дьюла Кришто указал на вклад хазарских институтов власти, таких, как, например, дуумвират и сакральный статус царя, в ранневенгерскую политическую структуру⁴⁶. В своей более поздней, переведенной на английский работе он затрагивает эту и другие релевантные темы, представляя свои взгляды на хазарско-венгерские отношения. Кришто считает, что эти от-

ношения начались не ранее 830-х гг.; отнеся восстание кабаров (которых он считает оногуро-булгарами) к 810-м гг., он датирует период тесного венгеро-хазарского союза как относительно короткий отрезок времени между 840 и 860 г. (в этом утверждении он следует предположению, высказанному Марквартом)⁴⁷. Итак, вклад венгерских исследователей в хазарские штудии относится в значительной степени к области лингвистики и анализа источников, и сделан он в рамках исследований по смежной дисциплине – венгерской протоистории. Интересно отметить, что ни одной книги, посвященной собственно хазарам, венгерскими учеными до сих пор написано не было.

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ХАЗАРСКИЙ ВОПРОС

В то время как венгерская школа была строго нацелена на столь важные для методологии, применяемой ими при реконструкции венгерской протоистории, проблемы лингвистики, русские и советские ученые, находившиеся в полном смысле на передней полосе хазарских штудий, были в чистом виде историками, причем особенное внимание уделялось тем восточным источникам, которые были также важны для освещения вопроса о происхождении Руси и окружающих народов России и Советского Союза. Археологический компонент был, естественным образом, существенной составляющей этих исследований, поскольку территории, на которых были основаны эти кочевые объединения и ранние государства, находились в границах Российской империи и Советского Союза. И действительно, русские и советские ученые имели уникальные преимущества при открытии и разработке этого материала.

Одна из самых ранних попыток показать то, что было известно на тот момент о хазарах, была сделана В.В. Григорьевым (1816–1881), который посвятил хазарским политическим институтам и истории серию статей, появившихся в 1830-х гг.; позднее эти статьи вошли в его книгу «Россия и Азия»⁴⁸. Вскоре после этого, в 1840 г., появилась монография Д.И. Языкова о хазарской истории⁴⁹. Сорок восемь лет спустя П.В. Голубовский, который опубликовал в 1883 г. работу о постхазарских домонгольских кочевниках – соседях Руси и в чьем распоряжении были переводы наиболее важных восточных источников, рассматривал вопрос о булгарах и хазарах. Однако, как позже заметил Артамонов, он не сказал почти ничего нового⁵⁰.

Хазарские штудии неизбежно стали частью более широкой темы исследований, которую можно обозначить как «Русь и Степь» и которая по сей день является одним из ключевых вопросов русской историографии по Средним векам. Вклад кочевников в формирование государств, политическую организацию, религию, язык и культуру восточноевропейских на-

родов, в особенности русских и украинцев, был предметом постоянных дискуссий, и о нем существует многочисленная сложная литература⁵¹. Для дачингизидского периода большое внимание уделялось политическим вопросам, то есть вопросу о роли Хазарского каганата и более поздних кочевых политических образований в развитии или разрушении экономики Киевской Руси. Редко кто проявлял интерес к взаимодействиям и заимствованиям в области культуры; в основном это были маргинальные ученые, независимые, то есть не являвшиеся членами научных институтов, и часто имевшие свои собственные политические воззрения. Здесь я имею в виду работы русских еврейских ученых Юлия Давидовича Бруцкуса (1870–1951) и Германа Марковича Бараца (1835–1922), которые пытались найти еврейские влияния на культуру Древней Руси, переданные при посредстве хазар⁵². Несколько нееврейских ученых, таких, как Никита Александрович Мещерский (1907–1987), также позднее разрабатывали эти темы⁵³.

Российская наука очень рано ввела в оборот восточные источники, подготовив издания наиболее важных из них и переводы (на латинский, немецкий и русский языки), часто с учеными комментариями. Краткое описание этих компиляций следует порядку, в котором они формировали базу для значительной части последующих исследований. Первой из них было издание Х.Д. Френом (1772–1851) в 1823 г. *Путешествия Ибн Фадлана*⁵⁴. Важные тексты были опубликованы в 1842–1844 гг. Б.А. Дорном (1805–1881) в его работе *Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen* («Введение в историю стран и народов Кавказа по восточным источникам»), четвертая часть которой содержала выдержки из ат-Табари, Хафиза-и-Абру и ибн-А'сама ал-Куфи⁵⁵. Несколько лет спустя азербайджанский ученый Мирза А. Казем-бег опубликовал важную местную, написанную по-тюркски северокавказскую хронику *Дербенд-Наме* с английским переводом⁵⁶. С 1869 по 1880-е гг., обычно с интервалом в несколько лет и не всегда в духе дружеского состязания, издавали свои сочинения Д.А. Хвольсон (1819–1911) – исследование и перевод Ибн Русте (чье имя он ошибочно прочел как Ибн Даста) – и А.Я. Гаркави (1835–1919) – сборники исламских источников по Руси и славянам и еврейских источников по хазарам. Оба они участвовали в жарких спорах по поводу еврейских надписей в Крыму и коллекций караимского ученого А.С. Фирковича (1787–1874), фигуры весьма неоднозначной⁵⁷.

Кульминационным пунктом этого этапа хазарских штудий были публикация и перевод П.К. Коковцовым (1861–1942), ленинградским семитологом и учеником Хвольсона, в 1932 г. знаменитой еврейско-хазарской переписки, а также релевантных отрывков из некоторых других еврейских источников. Эта требовавшая огромной эрудиции работа была призвана обеспечить текстологическую и историческую базу для решения проблемы подлинности переписки. Сдержанно и осторожно Коковцов, однако, склоняется к тому, чтобы считать переписку Хасдая ибн Шапрута с царем Иосифом

подлинной, хотя эти тексты, несомненно, и пострадали от времени и возможных более поздних искажений. Он, однако, выразил значительно меньше оптимизма в вопросе о том, относился ли к этому же периоду, то есть к X в., уже изданный к тому времени С. Шехтером кембриджский текст⁵⁸. Коковцов скорее усматривал в нем разнообразные параллели с книгой *Иосиппон* и предположил, что источником для части информации, содержащейся в этом документе, могло быть византийское литературное сочинение⁵⁹.

Традиция русской школы уделять особое внимание изданию, переводу и развернутому комментированию ключевых текстов была продолжена и в работах ученых, эмигрировавших после крушения Российской империи. Например, перевод В.Ф. Минорского (1877–1966) *Худуд аль-Алам*, обнаруженного в 1882 г. русским исследователем А.Г. Туманским, сопровождался подробнейшим комментарием. Полный текст на персидском языке был издан иранским ученым Манучиром Сотудэ (Manučīhr Sotūdeh) только в 1962 г.⁶⁰; первое издание перевода Минорского вышло в 1937 г. *Худуд* – это анонимная персидская компиляция по географии, датируемая 982 г., которая содержит важные заметки о хазарах и их соседях⁶¹. В ходе работы над переводом и комментарием к *Та'рих аль-Баб*, местной северо-кавказской хронике, элементы которой сохранились в *Джами'а ад-Дувал* оттоманского историка Мюнеджим Баши (Münecsimbaşı) (ум. в 1702 г.), Минорский обнаружил до тех пор неизвестную информацию по ономастике хазар и их миграции в 1064 г. на Кавказ⁶².

В 1939 г. башкирский эмигрант, историк и политический деятель Ахмед Зеки Валиди Тоган (189–1970) выпустил издание и немецкий перевод мешхедской рукописи *Путешествия* Ибн Фадлана. Это описание путешествия Ибн Фадлана через Евразию в Волжскую Булгарию содержит уникальную информацию о хазарах и других народах этого района (огузах, русах, булгарах и т.д.). Здесь текст также снабжен обширными, иногда неоднозначными комментариями и отступлениями, равно как отрывками из тогда еще не изданных источников, таких, как Ибн А'сам ал-Куфи⁶³. В том же году вышел русский перевод, снабженный хотя и менее выверенным, но столь же эрудированным комментарием украинского ученого А.П. Ковалевского (1885–1969); в 1956 г. появилась более полная версия этой работы⁶⁴.

Эти сборники и издания/переводы имели огромное значение не только для хазарских штудий, но и для исследований по средневековой русской и восточноевропейской истории в целом. Традиция издания таких сборников источников была продолжена польским ученым Тадеушем Левицким в его корпусе арабских источников по истории славян⁶⁵, который содержит весьма много информации о хазарах и снабжен очень тщательным и эрудированным комментарием. Б.Н. Заходер (1898–1960) проделал очень полезное исследование корпуса мусульманских источников, так называемого «Каспийского свода»; он приводит переводы некоторых важнейших

текстов, помещая их в широкий историографический контекст⁶⁶. Заходер попытался проследить в этой подборке мусульманских авторов, писавших о Восточной Европе, источники некоторых часто повторяемых и иногда искаженных утверждений. Третья глава первого тома является самостоятельной 112-страничной монографией по хазарам, в которой на основании в основном арабо-персидских источников исследуются вопросы о происхождении хазар, религиях, распространенных в Хазарии, развитии урбанизации и политической структуры государства. В работе умело используются более ранние исследования, а также предлагаются некоторые новые перспективы.

Возвращаясь к вопросам русской и советской историографии, мы можем отметить, что европейские историки XIX в. в целом склонялись к весьма негативному взгляду на кочевников и их политическое и культурное влияние⁶⁷. С.М. Соловьев (1820–1879) и В.О. Ключевский (1841–1911), столпы русской исторической науки XIX и начала XX вв., рассматривали русскую историю как борьбу Леса (то есть славян и, в конечном счете, Европы) против Степи (кочевников и, шире, Азии), где Руси отводилась роль защитников Европы от варваров⁶⁸. Однако Ключевский в своей «Истории сословий в России» рассматривает Хазарский каганат более позитивно, очевидно отделяя его от тех негосударственных кочевых образований, которые за ним последовали. Он отмечает, что «хазарское иго» – широко обсуждаемый и эмоционально заряженный ярлык – имело положительное влияние на хозяйственное (Ключевский употребляет термин «промышленное») развитие днепровских славян. Пользуясь «мирными средствами», «хазары открыли славянам доступ к понтийским и каспийским рынкам»⁶⁹. Таких же взглядов придерживался Михайло Грушевский (1866–1934), основатель современной украинской исторической науки⁷⁰, который также рассматривал Хазарский каганат скорее позитивно, считая его «защитной стеной (забороло) Восточной Европы от азиатских орд»⁷¹. Этот взгляд разделял и М.К. Любавский (1860–1936)⁷². Вкратце говоря, хазары обеспечивали защиту, сделавшую для славян возможной колонизацию и торговлю с могущественными экономическими зонами юга средиземноморского бассейна. Этот взгляд был также типичным для ученых евразийской школы. Ученый и эмигрант Г.В. Вернадский (1887–1973) видел в 30-х годах в хазарах «защитников торговых путей на Нижней Волге», распространивших к IX в. свою власть вплоть до Киева⁷³. Этот подход нашел своих приверженцев также и в новой советской науке. Ю.В. Готье (1873–1943) в своей вышедшей в 1925 г. статье «Хазарская культура» изображал хазар не столько как завоевателей, сколько как объединяющую силу, чья политика терпимости превратила весь регион в *Pax Chazarica*⁷⁴.

Этот доброжелательный взгляд на хазар и сегодня разделяют некоторые современные русские и украинские ученые⁷⁵. Другие, такие, как известный украинский медиевист академик П.П. Толочко, полагали, что Русь

была поглощена «постоянной борьбой» с Хазарией⁷⁶. Кочевников, в том числе и хазар, он считает разрушительной силой, которая в конце концов «отрицательно повлияла на экономическое развитие сопредельных государственных формаций»⁷⁷.

Хотя некоторые ученые и оценивали роль хазар как в значительной мере положительную, в целом кочевники рассматривались как негативный фактор в истории восточных славян; такой подход был типичен для многих ведущих исследователей русской и украинской истории, писавших в XIX и начале XX в. (таких, как Н.И. Костомаров, П.В. Голубовский, Н.Я. Аристов, П.Н. Милюков, Г.В. Плеханов и другие)⁷⁸, и продолжал доминировать в советскую эпоху (ср. работы Б.Д. Грекова, В.Т. Пашуто, В. В. Каргалова)⁷⁹. В начале 1950-х гг. в дискуссию вмешалась внутренняя политика, что еще более обострило хазарский вопрос в советской науке. Подписанная неким «Ивановым» краткая статья в газете «Правда» за 1951 г. содержала критику якобы преувеличенно положительной роли, которую, согласно некоторым ученым, например, Артамонову, сыграли хазары в ранней истории Руси. Б.А. Рыбаков, один из главных функционеров советской науки в области средневековой русской истории, написал после этого несколько резко негативных статей о роли хазар в истории Руси, намеренно уменьшив их и низведя до роли незначительного ханства. Собственно, хазарская тема стала почти табу. В значительной степени это было связано с политическими событиями в Советском Союзе, со слегка завуалированно антисемитским «делом врачей» и «борьбой с космополитизмом»⁸⁰.

В такой атмосфере и учитывая еврейский компонент в хазарском вопросе, хазарским исследованиям, которые теперь стали почти полностью прерогативой археологов во главе с М.И. Артамоновым, был нанесен, как замечает в своей вышедшей в 1990 г. статье С.А. Плетнева, «сокрушительный удар». В сходном духе писал в своей книге, вышедшей в том же году, и покойный А.П. Новосельцев (о котором см. ниже); он в частности заметил, что Данлоп (см. ниже) смог опубликовать свою книгу (1954) раньше книги Артамонова «в значительной мере из-за ситуации, сложившейся в нашей исторической науке в конце 40-х – начале 50-х гг.». К 1958 г. эта атмосфера до некоторой степени изменилась. Артамонов, который в 1958 г. опубликовал статью о Саркеле, уже мог написать, что «Хазария была в то время большим государством, включавшим различные племена, населявшие южную половину европейской части нашей страны». Плетнева считала это замечание важным знаком того, что хазарские исследования все же продолжают⁸¹. Тем не менее в своей обсуждаемой ниже книге «История Хазарии», опубликованной в 1962 г., Артамонов, хотя и критикуя тех, кто отрицал историческое значение хазар, все же считал необходимым сказать, что «выступление в “Правде” сыграло положительную роль: оно обратило внимание историков на бесспорную идеализацию хазар в буржуазной науке и на преувеличение их значения в образовании Русского государ-

ства...» Хазарская веротерпимость была в значительной мере объявлена «мифом»⁸². Новосельцев отмечает, что несмотря на «оттепель» эта «фундаментальная работа» могла быть издана только в Ленинграде издательством Эрмитажа, директором которого тогда был Артамонов⁸³.

Эта проблема и ныне ни в коей мере не потеряла своей актуальности, и по-прежнему продолжают живые дебаты о природе отношений и степени влияния между хазарами и Русью. Новосельцев, соглашаясь с Грушевским и Любавским в том, что хазарское присутствие делало возможной славянскую экспансию, предполагал, что в VII и VIII в. славяне были «естественными союзниками хазар»⁸⁴. Л.Н. Гумилев подошел к проблеме совсем иначе. Он считал, что куманы (половцы), тюркская племенная конфедерация, традиционно считавшаяся до того черной овцой (*bête noire*) русской истории, были автономной, но интегральной частью Руси, причем два этих политических образования сформировали «единую русо-половецкую систему», часть общего «полицентрического государства»⁸⁵. В роли злодеев куманов заменили теперь евреи, хазары и другие⁸⁶. На самом деле идеи этой антихазарской школы советской эпохи (ассоциирующиеся с именами Рыбакова и Гумилева) достигли такого накала, что, как отмечал В.Я. Петрухин, Хазария приобрела «черты почти метафизической империи зла, принесшей иго более страшное, чем татарское»⁸⁷. Так Петрухин отвечал на замечания В. Кожина, писавшего, что «хазарское иго было, без сомнения, куда страшнее для Руси, чем иго татаро-монгольское, в частности потому, что Русь еще только развивала свою народность, государственность и культуру». И однако же, по его мнению, эта борьба только способствовала усилению Руси. Кожин заявлял, что хазарская проблема оставалась для Руси острой вплоть до правления Ярослава Мудрого (единолично властвовавшего в 1036–1054), то есть уже значительно позднее разрушения русами хазарской столицы и срединных земель на Нижней Волге и на Дону в 965 г.⁸⁸

Более современное, постсоветское, исследование Р.Г. Ланды о месте ислама в истории России, однако же, вновь поднимает вопрос о важной роли Хазарии в том, что в VIII–IX вв. Русь вошла в контакт с Арабским халифатом, одним из величайших центров мировой культуры. От хазар, полагает автор, Русь переняла важный опыт управления полиэтническим и мультиконфессиональным государством⁸⁹; дебаты продолжаются.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ХАЗАРАМ

После этих необходимых предварительных замечаний мы можем обратиться к современным исследованиям, касающимся хазарской истории и культуры во всей широте. Мы можем сказать, что, если следовать хронологическому порядку, современное хазароведение, по сути, начинается с появления в 1936 г. исследования М.И. Артамонова по ранней истории

хазар⁹⁰. Это, однако, была лишь разминка перед написанием его основного труда, «Истории хазар», публикация которого, в связи со Второй мировой войной и сложными политическими обстоятельствами последних лет сталинизма, была отложена и состоялась только в 1962 г. В этом промежутке между написанием и выходом книги появилось несколько важных работ, с которыми Артамонов был знаком и чьи данные и выводы он мог использовать.

Израильский ученый А.Н. Поляк, известный своими исследованиями о мамлюках и арабском мире, издал в 1942 г. статью об обращении хазар в иудаизм. В переработанном виде она вошла в его монографию по Хазарии, вышедшую в 1942 г., а затем (с дополнениями) переизданную в 1944 и 1951 г. Эти работы остались в значительной мере неизвестными. Затрагивая самые различные вопросы, Поляк предположил, что хазарское государство просуществовало до XIII в.; он искал корни восточноевропейских евреев в Хазарии и выдвинул гипотезу о том, что идиш происходит из крымского готского языка⁹¹.

Польский тюрколог А. Зайончковский издал в 1947 г. свой труд «Исследования хазарской проблемы» (*Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim*), который является реконструкцией части его «Хазарской библиографии» (*Bibliografia chazarska*), уничтоженной в 1944 г. в Варшаве. Важнейшей чертой этой работы является акцентирование тюркских черт хазар, а также некоторая полемика о хазарских лингвистических фрагментах, которые он рассматривал как кыпчакские по своему характеру. В этом исследовании и в особенности в других своих работах Зайончковский пытался показать, что караимы Восточной Европы, говорящие на кыпчакском тюркском диалекте, были «наследниками» хазар⁹². Эта теория, придуманная не Зайончковским, и до сих пор еще имеет некоторых приверженцев, в основном среди караимских ученых⁹³.

Гораздо более важна вышедшая в 1954 г. книга английского ученого Дугласа Мортон Дэнлопа «История еврейских хазар» (*The History of the Jewish Khazars*). И через 50 лет после ее публикации книга Дэнлопа остается одной из фундаментальных работ по хазарам и может считаться истинным началом современного хазароведения; это скрупулезное и честное исследование. Оно частично построено на материалах, собранных немецким семитологом Паулем Кале (Paul Kahle) и бельгийским византинистом Анри Грегуаром (Henri Grégoire), которые предполагали совместно написать книгу о хазарах; Вторая мировая война разбила эти надежды, и Кале предложил написать эту книгу Дэнлопу. Дэнлоп перевел наиболее важные относящиеся к хазарам мусульманские источники, провел подробнейший анализ еврейско-хазарской переписки и воссоздал стройное течение хазарской истории, в особенности арабо-хазарских войн и отношений с Византией и Русью. Его в особенности интересовало время обращения хазар в иудаизм, и он перевел и проанализировал все мусульманские и еврейские источники

по этому вопросу. Данлоп также исследовал причины упадка Хазарского государства, придя к заключению о том, что хазарская экономика была «в высшей степени искусственной» и находилась в сильной «зависимости от политического престижа и военной мощи», благодаря которым обеспечивался сбор дани и налогов с товаров, следовавших через области, подконтрольные Хазарии. Когда хазарская военная мощь ослабла, «должна была рухнуть и вся экономическая система». Как и в случае со многими другими «далекими от самообеспечения» кочевыми государствами, эта экономическая ахиллесова пята и то, что Хазарское государство существовало за счет поборов, сделало его «непригодным для долгого процесса формирования стабильной политической и экономической единицы»⁹⁴.

Артамонов считал книгу Данлопа «главным событием хазарской историографии», поскольку она охватывает все доступные данные, собранные за предыдущие 100 лет исследований, но критиковал ее за то, что она не открывала «новых горизонтов»⁹⁵. В действительности же Данлоп сказал много нового⁹⁶, хотя и всегда в спокойном тоне. Данлоп был, вне всякого сомнения, осторожен, и, возможно, это было к лучшему. Было довольно много всевозможных умозрительных спекуляций о хазарах, и Данлоп вернул их с небес на землю. Он твердо установил факты, которые можно было подтвердить на основании письменных источников, предложил разумную реконструкцию хазарской политической истории, проанализировал наиболее серьезные из существовавших теорий и гипотез. То есть была подготовлена солидная база для будущих исследований. Эта книга прошла испытание временем.

Кроме этих работ, Артамонов мог опираться также на уже весьма существенную к тому времени традицию хазарских исследований в России и за рубежом⁹⁷. И однако же он лишь мимоходом⁹⁸ упомянул работу украинского востоковеда А.Е. Крымского (1871–1942) «Введение в историю хазар», вышедшую в 1941 г. В этой книге, ныне являющейся библиографической редкостью, исследуются также и вопросы, связанные с хазарским языком. Я ее никогда не видел, и она не упомянута в двух биографиях Крымского, вышедших в 1971 и 1980 гг. Очевидно, она была частью большой двухтомной работы по хазарам, написанной на украинском языке и оставшейся неопубликованной⁹⁹. Новосельцев отмечает интерес Крымского к хазарскому языку, не цитируя ни одной из его работ¹⁰⁰. Публикация этого исследования выдающегося ученого или его частей (поскольку в некоторых вопросах оно, вероятно, устарело) все еще может представлять интерес.

«История хазар» Артамонова содержала общий обзор истории степей Западной Евразии и в этом смысле в некоторой степени наследует традиции евразийцев¹⁰¹. Было очевидно, что правильное понимание хазар возможно только внутри более широкого евразийского контекста, и Артамонов эффективно этим воспользовался. Помимо подробного обращения к

письменным источникам, Артамонов, как руководитель археологических экспедиций на Дону и в Дагестане, то есть на территории Хазарского государства, привнес в свою работу много информации по археологии региона, чем, как правило, пренебрегали большинство его предшественников. И однако же его «История хазар» гораздо больше ориентирована на истолкование письменных источников, которыми, к сожалению, Артамонов мог пользоваться только в переводах. За советом по истории тюрков он обратился к Л.Н. Гумилеву, ученому, склонному к слишком широким и необоснованным обобщениям и, как и Артамонов, несведущему в области восточных языков¹⁰². Артамонов пришел к заключению о том, что многие тюркские народы Западной Евразии были тюркизированными уграми – для какого тезиса у нас нет никаких надежных подтверждений. На самом деле история венгров, самого известного из угорских народов, вступивших в тесный контакт с тюркским миром, показывает, что, несмотря на большое влияние тюркской культуры и языка, их язык остался угорским. Артамонов также предположил связь правящего дома хазар с A-shih-na (Ашина) – правителями западных тюрков; некоторые исследователи (например, Новосельцев¹⁰³) подвергали это утверждение критике, другие же (например, Голден¹⁰⁴) приняли его более положительно. Артамонов верно понял сложную полиэтническую структуру Хазарского государства, сочетавшего в себе несколько разных типов экономики. Хазарию он объявил «первым феодальным государством» Восточной Европы. Несмотря на то что существует много определений феодализма, я не уверен, что хотя бы одно из них подходит к Хазарскому государству. Наличия постоянной наемной армии (или, по крайней мере, воспринимаемой как таковая) – *al-'rsiyya* = *Ors* – едва ли достаточно для определения государства как феодального. Это скорее напоминает институт *comitatus* в государствах Евразии – потенциальный зародыш феодализма. Следуя уже разработанной линии, Артамонов видел позитивную роль хазар в истории Руси в том, они являлись щитом против вторжений других евразийских кочевников. Войны Хазарии с расширяющимся халифатом Омейядов способствовали также и выживанию Византии и привели к заключению союза между ней и хазарами. Так же, как и Данлоп, он видел в хазарах силу, сдержавшую арабов на пути в Западную Европу. Начало обращения хазар в иудаизм Артамонов датировал 730-ми гг. В начале IX в., предполагал он, «царь» Овадия захватил власть, заставил правящую верхушку и кагана принять иудаизм в качестве государственной религии, чем предотвратил гражданскую войну и сакрализовал династию каганов, создав хазарское двоецарствие¹⁰⁵. Эта гипотеза основана на замечании Константина Багрянородного о том, что кабары присоединились к венгерскому союзу после поражения в гражданской войне в Хазарии, и на указании в письме правителя Йосефа, что один из его предшественников, Овадия, преемник Булана, которому приписывают обращение в иудаизм, «обновил царство и укрепил веру... построил синагоги и дома

учения и собрал мудрецов Израиля»¹⁰⁶. Эту теорию продолжила и развила Плетнева¹⁰⁷, которая, в свою очередь, повлияла на работы Прицака и других¹⁰⁸. И вся эта конструкция зиждется на одних только предположениях и догадках¹⁰⁹. Мы не знаем, ни когда жил Овадия, ни какие именно реформы он проводил. Константин ничего не сообщает о дате восстания кабаров – хотя оно, по всей очевидности, и имело место до венгерской миграции в Паннонию. Мы не знаем, были ли кабары иудаизированы или нет. Лишь в случае, если недавние находки в Челарево (Сербия) действительно относятся к кабарам, у нас появляется свидетельство того, что они, возможно, следовали практике иудаизма¹¹⁰. Не нужно искать причину происхождения двоецарствия и сакрального статуса правителя в каком-то религиозном споре: подобное можно найти по всей Евразии. Более того, как могла сакрализация языческой династии кагана соотноситься с программой еврейских реформ? К сожалению, нам очень мало известно о динамике внутреннего развития религии и государственности в Хазарии; необходимо знать гораздо больше, прежде чем подобные гипотезы смогут стать установленными фактами.

Артамонов завершил свою работу неудачным замечанием. Указав на то положительное, что привнесли хазары, *Pax Chazarica*, он заканчивает тем, что принятие иудаизма было «роковым шагом». Оно отделило власть от народа, заместило кочевание и обработку земли посредничеством в торговле и привело к «паразитическому обогащению правящей верхушки», чья власть держалась на копьях их наемной мусульманской охраны. «Талмудическая образованность не затрагивала массы, оставаясь привилегией немногих. С этого времени роль Хазарского каганата стала резко отрицательной...» Он заканчивает словами: «Все богатство, собранное иудейскими купцами в Итиле, не могло купить сердец заселявших лесостепи славян, степных народов Причерноморья – печенегов, кочевников зауральской равнины – огузов, аланов, живших в горных ущельях Среднего Кавказа, и обитавших по Азовскому побережью булгар». То есть, согласно Артамонову, Хазарию погубил иудаизм¹¹¹. Принятие той или иной универсальной, монотеистической религии – важный аспект истории различных народов Евразии. В некоторых случаях принятие новой веры первоначально вызывало значительное сопротивление изнутри, но нигде оно не приводило к упадку и падению государства. И наоборот, часто было верно обратное. Ни в одном другом случае, в контексте современных исследований по истории народов Евразии¹¹², мы не найдем утверждений о том, что переход от язычества к монотеистической религии стал причиной распада государства. Развитие аналогичных религиозных и интеллектуальных институтов у других тюркских народов, таких, как появление класса ученых, функционального эквивалента раввинства (ср., например, исламский институт улемов), не отдаляло правящий класс от народа, не приводило к потере военной мощи и не вызвало социального распада. Непосредственный сосед Хазарии, Вол-

жская Булгария, как раз является примером обращения (в данном случае в ислам), с установлением всех исламских религиозных и религиозно-интеллектуальных институтов. Волжская Булгария процветала, пока не была поглощена волной завоеваний монгольских Чингизидов. Слабость Хазарии была типичной для стареющих кочевых государств, сталкивавшихся с энергичными пришельцами (в данном случае – с печенегами и Русью) и с растущей враждебностью со стороны могущественных оседлых соседних государств, в случае Хазарии – ее бывшего «партнера», Византии. Возможно, также сыграло свою роль уменьшение доходов, вызванное сменой торговых партнеров или появлением новых. Гипотеза Артамонова не основана на фактах, а ее антисемитский подтекст накладывает прискорбный отпечаток на эту обладающую многими важными достоинствами работу.

В 1966 г. вышла в свет книга Л.Н. Гумилева «Открытие Хазарии», местами полная фантазий и снискавшая любовь массового читателя. Она включала результаты работы археологических полевых экспедиций на Дону, в дельте Волги и на Северном Кавказе. Хотя исследования на Дону и на Северном Кавказе и дали положительные результаты, но относительно хазарской столицы, Итиля, Гумилев пришел к выводу, что она была затоплена в дельте Волги из-за произошедших гидрологических изменений¹¹³.

В 1967 г. ученица Артамонова С.А. Плетнева выпустила свою в основном основанную на археологических источниках книгу «От кочевий к городам», в которой она рассматривала переход кочевников в понтийско-каспийских степях от кочевого к полуоседлому или оседлому образу жизни в хазарскую эпоху¹¹⁴. Плетнева различает три различные формы, или стадии кочевого образа жизни: 1) постоянное, почти непрекращающееся кочевье в течение всего года (таборное кочевание); 2) кочевье с постоянным зимним лагерем, при котором население мигрирует от весны до осени; 3) кочевническую систему, при которой часть населения кочует, а другая часть живет на месте оседло. Анализируя салтово-маяцкую культуру, которая ассоциируется с частью Хазарского царства, Плетнева показывает, что население этой территории прошло все три эти стадии. Она приходит к заключению о том, что арабо-хазарские войны оказали отрицательное влияние на кочевников, побуждая многих из них, кто потерял свои стада, осесть на земле. Мы не располагаем никакими свидетельствами, подтверждающими это утверждение. Происхождение хазарского двоецарствия Плетнева видела в то время в конфедеративной природе Хазарского союза и в вере в божественное происхождение кагана, что привело к табуированию его персоны. Власть «царя» росла медленно, и переход реальной власти к царю, бывшему феодальным правителем, произошел мирно. Третья фаза, которая влекла за собой отход значительной части населения от кочевого образа жизни, привела к феодализации государства. В целом вопрос о «степном феодализме» остается в лучшем случае весьма неясным, и никаких,

помимо догадок, аргументов для подтверждения приведенных утверждений не приводится. Тем не менее это очень важная работа, вносящая большой вклад в изучение некоторых степных государств Западной Евразии. В частности, она уделяет гораздо больше внимания аланам и понтийским булгарам, бывшим под властью хазар, нежели самим хазарам.

В 1976 г. Плетнева издала краткую научно-популярную работу «Хазары», которая была переиздана с некоторыми изменениями в 1986 г. В этой работе она продолжила развивать идеи Артамонова об Овадии и об отрицательных последствиях обращения в иудаизм, которое отделило небольшую, по ее мнению, клику иудаизированных хазар, кагана и итильскую аристократию от остального хазарского общества и ослабило и так уже расшатанные основы государства. Последовавшая гражданская война между иудаизированной итильской и нееврейской провинциальной (которая включала в себя христиан и мусульман) аристократией породила «хазарскую фронду». Плетнева заключает, что гражданская война сильно ослабила Хазарское государство¹¹⁵. Опять же все эти выводы основаны на догадках и произвольных допущениях.

Попытка суммировать и обобщить имеющийся материал по хазарам была предпринята, в значительной мере по следам работ советских ученых, польской исследовательницей Тересой Нагродской-Майхжик в ее небольшой монографии «Хазары», включенной в большую работу, изданную в 1975 г. и посвященную изучению европейских гуннов, протобулгар, а также печенегов. Внутри этой большой работы есть интересные и полезные разделы, посвященные тому немногому, что нам известно о социальной и экономической жизни Хазарии, о здоровье и гигиене, материальной культуре, повседневной жизни, условиях жизни и т.д. Однако, некритически следуя за Артамоновым, автор также видит в иудаизации «глубинную причину падения Хазарского государства»¹¹⁶.

Некоторый интерес для хазарской темы представляет совместная работа Я.А. Федорова и Г.С. Федорова «Ранние тюрки на Северном Кавказе», вышедшая в 1978 г.¹¹⁷ Они совершенно правильно относят к хазарским временам развитие тюркского ядра на Северном Кавказе, полагая, что оно происходит от племен, которые вливались в этот регион со времен гуннских вторжений. Кроме того, в работе прослеживаются, по крайней мере частично, корни кумыков (также развившихся из местных кавказских элементов) и карачаево-балкарцев (последние скорее ведут свое происхождение от кыпчакизированных алан). Все эти вопросы, однако, ни в коей мере не могут считаться решенными, и тема хазарского наследия среди тюркоговорящих народов Северного Кавказа требует дальнейшего серьезного изучения.

В том же 1978 г. появилась статья Омельяна Прицака об обращении хазар в иудаизм¹¹⁸. В ней автор кратко изложил свои взгляды на происхождение хазар, обещая более основательно рассмотреть эту проблему в

следующих томах своего «Происхождения Руси». Он также предположил происхождение хазарского дома каганов от западнотюркского правящего клана Ашина (A-shih-na), но выдвинул теорию о том, что они овладели территорией ранних акациров (Akatzir), от имени которых он и производит этноним «хазар». Будущий «царский», то есть некаганский клан, Барч/Вараз/Болчан (Barč/Waraz/Bolčan) – соответствующий династии Ихшад/Бег/Йиллиг (Ihšed/Beg/Yillig) мусульманских источников, – так же, как и кабары и другие народы, пришли, по его мнению, из Западнотюркского государства. Он считает, что где-то между 799 и 833 г. бек (бег) становится реальным соправителем государства. В тот же самый период бек принимает иудаизм (как это отмечено у ал-Масуди), а затем, в результате кабарского восстания или гражданской войны (вероятно, между 833 и 843 г.), каган потерял всю свою реальную власть и каганы были также иудаизированы. Впоследствии, в своих более поздних статьях, Прицак выдвинул теорию о том, что русский каганат происходит от хазарского кагана, который в 830-х гг. «был вынужден эмигрировать» из-за «религиозных противоречий», то есть из-за попытки Барча/Вараза/Болчана (которых автор теперь именовал иранским торговым кланом) обратить его (кагана) в иудаизм¹¹⁹. По мнению Прицака, важную роль в обращении хазар в иудаизм играла еврейская международная торговая группа раданитов (Rādāniyya). Само же по себе обращение в иудаизм следует рассматривать в более широком контексте обращений «военизированных степных сообществ Евразии» в монотеистические религии средиземноморского бассейна. Кроме этого последнего пункта, все остальное относится к сфере домыслов. Купцы, вместе со своими предметами торговли приносившие религии, алфавиты и другие элементы культуры, безусловно, играли некоторую роль в продвижении монотеистических религий средиземноморского бассейна в степи Евразии. Возможно, они играли подобную роль и в этом случае, но у нас нет никаких тому прямых свидетельств.

В двух работах А.В. Гадло по этнической истории Северного Кавказа с IV по XIII в., первая из которых вышла в 1979 г., а вторая – в 1994 г., содержится много информации о хазарах, хотя, строго говоря, эти исследования посвящены более общим темам¹²⁰. В этих работах есть несколько новых идей относительно различных сторон хазарской истории и исторической географии. Гадло, например, выдвигает теорию о том, что Семендер (который, возможно, надо идентифицировать с Тарки) в действительности был не хазарской столицей, а просто базой для набегов в Закавказье¹²¹. Однако в смысле общего подхода его работа не особенно отклоняется от общей линии трактовки хазарской истории, заданной Артамоновым, и представляет собой попытку отследить различные этнические процессы, происходившие в этот период на Северном Кавказе. Это весьма важная тема. Что же касается самого Хазарского государства, автор приходит к выводу, что оно было «лоскутной» империей, послужившей основой для

дальнейшего экономического и этнического объединения горных и степных районов.

С ростом числа публикаций на хазарские темы 1980-е гг. стали периодом расцвета хазарских штудий. В 1980 г. Питер Б. Голден опубликовал свои «Хазарские исследования» (*Khazar Studies*) – переработку его докторской диссертации 1970 г. Эта работа была пересмотрена и значительно дополнена в 1972 г., но публикация была отложена. Мои замечания об этой работе будут краткими и общими, поскольку оценку своей работы я должен предоставить другим. Дав краткое описание хазарской истории и общества, Голден в основном сосредоточился на разбросанных по разным источникам фрагментах хазарского языка. Том, содержащий собственно исследования, сопровождался томом факсимиле, взятых из различных рукописей, в которых встречаются хазарские слова. Из этих данных очевидно следует, что хазары были тюрками и что их титулатура и структура управления были очень близки к параллельным структурам Тюркского каганата, который Голден рассматривал как предшественника Хазарского. Отсутствие текстов на хазарском языке исключает более четкую его идентификацию с какой-либо из тюркских лингвистических подгрупп. В то время как некоторые ученые, как мы уже видели, убеждены в том, что языком хазар был огурский или «гуннский», Голден пришел к заключению, что за исключением, возможно, топонима Саркел (*Sarkil) лингвистический материал в значительной мере нейтрален. Анализ еще осложняется тем, что область влияния хазар включала множество тюркских (не говоря уже о других) народов, как огурских, так и говорящих на общетюркском языке. В сущности, источники могут именовать «хазарским» практически любой язык, на котором говорили в этом регионе¹²². В 1983 г. Голден опубликовал статью о Хазарии и иудаизме, в которой вкратце рассматривается вопрос о еврейском прозелитизме. В этой статье он указывает эпохи и регионы, в которых иудеи проявляли в этом смысле наибольшую активность, и выдвигает гипотезу о том, что в приграничных зонах, таких, как Хазария, евреи могли практиковать и практиковали прозелитизм, не опасаясь жестокого наказания со стороны христианского или мусульманского общества. Автор также критикует теорию Артамонова–Плетневой, которая пыталась представить как установленный факт то, что двоецарствие в Хазарии было следствием иудаизации. Голден продемонстрировал, что институт двоецарствия с сакральным правителем был явлением, известным многим обществам, и не имел ничего общего с принятием любой монотеистической религии¹²³. В 1993 г. в статье, посвященной политической власти хазарских правителей, он вновь обратился к этим вопросам, и в частности – к проблеме двоецарствия у хазар¹²⁴.

Между тем в 1982 г. вышла давно ожидавшаяся совместная работа Нормана Голба и Омельяна Прицака «Хазарско-еврейские документы X века»¹²⁵, в которой Голб привел новое убедительное доказательство

аутентичности еврейско-хазарской переписки. Он пересмотрел и переиздал «Письмо неизвестного хазарского еврея» (т. н. «Письмо Шехтера») из Каирской генизы, а также опубликовал письмо хазарской еврейской общины Киева, датируемое началом X в., обнаруженное им в 1962 г. в кембриджской коллекции документов Каирской генизы. Голб показал, что эти хазарские евреи были скорее раввинистами, чем караимами, и что они к тому моменту уже вполне освоились с новой верой, создав миф о своем «возвращении» к иудаизму. Далее он предположил, что люди, именуемые в документе кознами, могли быть потомками хазарских шаманов (камов), которые приняли иудаизм, сохранив свой жреческий статус в приемлемой еврейской форме. Этот процесс Голб назвал «метаморфозой жрецов». Кроме того, в документе содержатся имена людей, подписавшихся под ним; некоторые из этих имен – очевидно нееврейские, откуда вытекает вероятность того, что их носители были прозелитами. Помимо этого, документ содержит надпись, сделанную одним из широко распространенных по всей Евразии рунических тюркских шрифтов. Для хазарских исследований это было событием экстраординарным. Прицак предпринял дешифровку этого уникального лингвистического материала (рунической надписи и имен несемитского происхождения) и пришел к заключению, что хазары говорили на огурском языке. Прицак же выдвинул теорию о том, что топоним Киев следует возвести к имени хазарского хорезмийского клана визирей Куяа (Kūya), и предложил новую хронологию развития Руси. Незачем и говорить, что эта столь богатая новыми и часто провокативными идеями и гипотезами работа вызвала разнообразнейшие критические отзывы¹²⁶. Было подвергнуто критике утверждение о тюркском происхождении нееврейских имен¹²⁷, а прочтение рунической надписи объявлено «произвольным»¹²⁸. И несмотря на критику работа остается важнейшей в своей области.

В том же году вышла докторская диссертация Дитера Людвиг, посвященная социальной и экономической структуре Хазарского государства¹²⁹; это тщательное исследование доступных письменных источников (на языке оригинала) и всей предшествующей литературы, содержащее много новых интерпретаций или уточнений частных вопросов хазарской истории, географии и социальной организации. Людвиг нашел несколько вероятных дополнительных лингвистических единиц для «Хазарского словаря» Голдена и выдвинул новую версию происхождения хазар. Он пришел к заключению о том, что первое заслуживающее доверия свидетельство о хазарах локализует их в районе Хорасана (то есть в восточных землях Ирана), и предположил, что они были частью эфталитского кочевого союза («белых гуннов»)¹³⁰. По каким-то «неизвестным причинам» на рубеже V и VI вв. они мигрировали в «предгорья Кавказа», где встретили уже давно обосновавшееся там алано-булгарское население. Приблизительно в то же самое время или чуть ранее в этот регион пришли сабиры, которые были, вероятно, присоединены к Хазарскому союзу. Сначала доминирующим элементом

были сабиры, но позже лидерство перешло к хазарам в результате некоего «кризиса» неясного свойства. Распад государства эфталитов, скорее всего («с уверенностью») датируемый временем до 567 г., привел к еще одной миграции болгар и хазар на запад, причем последние появляются теперь в Северном Дагестане. В то время как многие хазары пошли дальше на запад, значительная их часть осталась теперь под властью западных тюрков. Именно эти тюрки/хазары заключили около 626 г. союз с Ираклием и воевали против Ирана¹³¹. Многие (если не все) из этих предположений, однако, проблематичны и, весьма вероятно, анахроничны. Безусловно, на восточной и северной границах Сасанидского Ирана были некие тюрки-кочевники. Некоторые из них, несомненно, были отброшены на запад военными походами Сасанидов и бурными событиями, начавшимися в Степи в результате распада сначала государства жуанжуаней, а потом государства эфталитов. Тем не менее мы не располагаем никакими надежными свидетельствами, которые помогли бы связать хазар с эфталитами. Высокоученая реконструкция Людвига, как и многие другие, остается в высшей степени предположительной.

В 1970-х гг. Томас С. Нунан опубликовал ряд глубоких статей по экономической истории Восточной Европы, основанных на данных нумизматики и археологии. Интерес к появлению на Руси диргемов неизбежно привел его к хазарскому вопросу, что и нашло отражение в серии исследований, появившихся в 1980-х гг. и посвященных различным аспектам хазарской экономики. Нунан всегда задавал важные вопросы и давал ответы, отличавшиеся новизной и подталкивавшие к дальнейшим исследованиям. Так, в своей статье 1982 г. после тщательного изучения данных он дает отрицательный ответ на вопрос о существовании у хазар денежной экономики, несмотря на то что «изначально был склонен полагать, что у хазар была денежная или, по крайней мере, частично денежная экономика»¹³². В работе, опубликованной в том же году и в том же журнале, Нунан попытался проследить, каким путем сасанидские и византийские товары 500–650 гг. н.э. попадали в район средней Камы. Он пришел к выводу о том, что прямых контактов не было и что скорее византийские и сасанидские товары в Поволжье привозили народы Степи, в особенности ранние хазары, участвовавшие в войнах Ираклия с Сасанидами в Закавказье. Хазары использовали эти товары для покупки мехов, и те попадали дальше на север¹³³. Продолжая эту тему в статье о нумизматических свидетельствах о Хазарии IX в., Нунан, все еще не считавший, что хазары чеканили свою собственную монету, приходит к выводу о том, что основная масса хазарского экспорта происходила из богатых мехами северных стран: из Волжской Булгарии и Руси, и именно туда текли арабские диргемы в IX и X вв. Он замечает, что если большинство монет шло туда, то «историческая нумизматика поднимает некоторые фундаментальные вопросы о хазарской торговле и хазарской экономике в IX в.»¹³⁴.

Торговля между хазарами и исламским миром, указывает Нунан в статье 1984 г., началась только после окончания арабо-хазарских войн. К 800 г., в создавшихся более мирных условиях, мусульманские купцы проложили дорогу в Хазарию, привозя назад меха, рабов и богатства северных лесов; это подтверждается фактом перемещения хазарской столицы в столь важный теперь район Волги. Хазарская экономика «все более зависела от доходов от этой торговли, и хазары начали создавать данническую империю в лесостепи и лесной зоне...» В конце концов это привлекло и викингов, и так было основано государство Руси¹³⁵. В другом своем исследовании Нунан продемонстрировал, что русские купцы прибывали в Хазарию уже в 820-х гг.¹³⁶ Еще в одном исследовании он проследил изменения в притоке диргемов (870–900 гг.) и в торговых путях в годы, когда стали уже заметны признаки упадка Хазарии, а печенеги стали грозной силой в понтийских степях¹³⁷. В своем важном и провокативном исследовании об отношениях между Хазарией и Византией Нунан доказывает, что попытки Византии использовать религию или торговлю в качестве инструмента политического влияния на степных кочевников были в значительной степени безуспешны. Скорее, с точки зрения Константинополя, наиболее эффективным оказался известный принцип «разделяй и властвуй». Византийская торговля с Хазарией была, согласно Нунану, «незначительной». Он полагает, что хазары считали византийцев «второстепенным народом, иногда периферийного значения». Несколько известных нам примеров тесного контакта между ними (то есть брачный союз 733 г. или строительство Саркела в 833 г.) были важны исключительно символически и – в случае с Саркелом – приносили совершенно незначительную пользу. К X в. отношения стали откровенно враждебными¹³⁸. Анализ нумизматических и письменных источников, предпринятый в 1992 г., показал, что влияние раданитов на северном пути через Хазарию было вероятнее всего в конце VIII – начале IX вв. прервано «и даже, возможно, замещено» русско-хазарско-исламской осью мировой торговли. К началу X в. происходит, по всей вероятности, изменение караванных путей и первостепенную роль приобретает торговля между Волжской Булгарией и саманидской Средней Азией. Теперь Волжская Булгария становится «потенциальным конкурентом хазар». Нунан считает, что к 940 г. волжские булгары стали независимы от хазар, что может быть связано с их новыми успехами в торговле¹³⁹. Это определенно необходимо принимать во внимание при любом обсуждении вопроса об исламизации волжских булгар и непосредственных причинах падения Хазарского государства.

Совсем недавно (в 1997 г.) Нунан издал важную обобщающую статью, в которой свел воедино весь материал, касающийся хазарской экономики, и проанализировал сферы сельского хозяйства, виноградарства и садоводства, скотоводства, охоты, рыболовства, ремесленного производства, гончарного дела, работ по металлу, ювелирного дела, обработки кож и т.д. Письменные источники, отмечает он, относительно мало сообщают нам о

кочевом образе жизни хазар (который, возможно, сохранялся в основном среди элиты) и гораздо больше – о сельском хозяйстве. Интересно отметить, что археологические данные об этом последнем аспекте отнюдь не так многочисленны, как можно было бы ожидать. Тем не менее Нунан заключает, что при обобщении всех материалов в целом не остается сомнений в том, что сельское хозяйство, виноградарство и связанные с ними занятия были хорошо развиты в Хазарии. Весьма значителен объем данных по ремеслам; керамической продукцией для повседневного использования Хазария полностью обеспечивала себя сама; производилось также и оружие. Хазария была главным центром торговли ювелирными изделиями и предметами роскоши, часть из которых ввозилась в каганат из других стран, а многое производилось на месте; большая часть поступала из мастерских в Салтове. Нунан считает, что именно сильная, централизованная власть в Хазарии позволяла ей расширяться и присоединять нестепные зоны. Так был заложен фундамент «экономического разнообразия», обеспечившего Хазарии относительно продолжительное, для степного государства, существование. Нунан отмечает, что остается нерешенным вопрос о том, сложились ли эти развитое сельское хозяйство и ремесло в результате оседания кочевников на землю и перехода к этим видам занятий или как следствие перемещений населения, что привело обладающие соответствующими навыками народы в такие места, как район салтово-маяцкой культуры¹⁴⁰.

В 1983 г. проблема происхождения хазар рассматривалась еще в одной диссертации, на этот раз дагестанского археолога М.Г. Магомедова. Основываясь на полевых археологических работах в Дагестане в конце 1960-х гг., которые показали наличие в этом районе интересной смеси кочевых и местных культур, автор предположил, что хазары берут свое начало от смешения пришедших на Северный Кавказ кочевых народов, в частности от сабино-огурских групп, и что Хазарское государство сформировалось под эгидой западных тюрок, с которыми они смешивались¹⁴¹. Он также объявил Хазарию «первым феодальным государством Восточной Европы» и отметил, не входя в дальнейшие детали, что оно «оставило глубокий след на страницах мировой истории». Магомедов критикует Артамонова за недостаточное использование археологического материала для восстановления более полной картины хазарской истории и атакует Данлопа за «безосновательные попытки продемонстрировать еврейское происхождение хазар»¹⁴². Это абсурдное обвинение показывает полное непонимание автором того, чему, собственно, посвящена книга Данлопа. Точно так же и замечания о возвращении неких хазар в Дагестан после падения Хазарского царства основаны на неверном понимании текстов (напр., Plano Carpini)¹⁴³. Каковы свидетельства того, что хазары не находились постоянно в этом регионе в течение всего этого периода? Более убедительны попытки автора связать хазарский городской центр в Баланджаре с Верхне-

чирьюртовским городищем на реке Сулак и то, что он вносит необходимые коррективы в волгоцентристские теории Гумилева о Хазарии как «степной Атлантиде». Дагестан также был важной территорией.

Работой меньшего масштаба, но отчетливо сфокусированной, была вышедшая в 1985 г. книга В.К. Михеева, которая посвящена исследованию полуоседлого и оседлого аланского, угорского и болгарского населения района Дона хазарского периода (VIII–X вв.). Автор дает подробный анализ материала, касающегося сельского хозяйства в этом районе, разновидности аридного земледелия, типичного для полукочевого населения. Михеев приводит доводы в пользу того, что кочевники все больше оседали на землю; государственность у кочевников он рассматривает как результат завоевания земель с оседлым населением и оседания на землю самих кочевников – политики, которую, по его мнению, активно проводили власти. Этот процесс усилился, когда в сфере хазарского влияния оказался район Дона. Набеги печенегов в конце IX в. вынудили часть оседлого населения переместиться, в поисках относительной безопасности, в лесостепную зону. Оставшиеся вошли в печенежский союз и вновь стали кочевниками; потеря этих сельскохозяйственных земель способствовала упадку Хазарии¹⁴⁴. Михеев привлек внимание к некоторым очень интересным проблемам, которые можно интерпретировать по-разному. Переход к оседлости не всегда окончателен. Бывшие кочевые народы могут возвращаться и часто возвращаются к кочевому образу жизни. Кочевая государственность часто связана с контролем над определенными оседлыми территориями, и чем теснее эта связь, чем сильнее стремление властей посадить на землю иначе трудно управляемое население. Применительно к этой теме есть много не принятого автором во внимание богатого сравнительного материала по другим степным обществам. Тем не менее перед нами ценное и содержательное исследование.

Последняя из главных общих работ по хазарам принадлежит А.П. Новосельцеву (1990 г.)¹⁴⁵. Это большой и написанный с учетом тонких нюансов и широким использованием существующей литературы обобщающий труд, основанный на непосредственной работе с источниками, а не с переводами. Эта работа также открывает новые перспективы исследований. После основательного историографического обзора и анализа источников Новосельцев переходит к еще не решенным вопросам о происхождении хазар, формировании государственности, границах, экономике, городской жизни, государственной структуре, религии, и только в последней главе он затрагивает вопрос об отношениях хазар с Восточной Европой и Русским государством. Автор считает, что этнические группы, от которых произошли хазары, – это сплав древних иранских элементов, угров и тюрок, среди которых самую важную роль играли сабиры. Он полагает, что сабиры были финно-угорским народом, который подвергся тюркизации и постепенно попал под власть западных тюрок. По его мнению, независимое Хазарское

царство существовало уже в первой четверти VII в., еще до распада государства западных тюрков, а хазарский правитель получил титул кагана около 630–650 гг.¹⁴⁶ Новосельцев склоняется к мнению, что Святослав совершил два похода против Хазарии: первый – в 965 г., во время которого был захвачен Саркел (Белая Вежа), и, вероятно, второй в 968–969 гг., в промежутке между дунайскими походами. Оба этих похода (во время первого из них к нему присоединились огузы, атаковавшие хазар с востока, тогда как русы атаковали с запада) были направлены, как он считает, на обеспечение безопасности на волжских и дунайских торговых путях. Уцелевшие фрагменты Хазарского государства были позже сметены кыпчаками¹⁴⁷. По мнению Новосельцева, хазары говорили на некой разновидности болгарского языка.

Во всей своей работе Новосельцев придерживается умеренно критического тона. Он опровергает часто встречающееся утверждение о том, что хазары «спасли Восточную Европу от ислама», подчеркивая, что хазары не разбили арабов, а сами были разбиты ими в 737 г. и каган был вынужден принять ислам; следовательно, хазар нельзя сравнивать с франками. Кроме того, пишет он, у арабов не было намерения продвигаться так глубоко за Кавказ¹⁴⁸. Новосельцев совершенно прав, когда он утверждает, что хазары были разбиты в 737 г., но торжество Омейядов было преходящим. В 737 г. Марвану сопутствовала удача, и арабы не захотели снова испытывать судьбу. Война в Закавказье, в опасных степях, была дорогой и рискованной, и важной составляющей риска была военная мощь хазар. Хазары действительно не нанесли решительного удара, но их сопротивление и разорительные набеги во владения Омейядов в Закавказье, в сочетании с революцией, совершенной Аббасидами в 750 г., привели к появлению новых ориентиров и положили конец арабскому наступлению в этом регионе. Фактически хазары сыграли роль, весьма похожую на роль франков.

В работе Новосельцева красиво суммировано и подытожено все, что мы можем сказать о хазарской проблеме на основе известных сейчас письменных источников. Авторы ряда современных исследований неизбежно обратились к археологии.

В 1989 г. венгерский археолог Чанад Балинт, ранее издавший некоторые археологические дополнения к «Хазарским исследованиям» Гольдена¹⁴⁹, выпустил очень полезный обзор археологического материала из западноевразийских степей, который может многое рассказать о подконтрольных Хазарии районах¹⁵⁰.

В 1990 г. С.А. Плетнева, старейшина хазарской археологии и, на самом деле, археологии всей западноевразийской степи, издала важную и непредвзятую статью о состоянии археологических исследований Хазарии в бывшем Советском Союзе, на которую мы уже ссылались. В ней она суммировала все трудности и достижения (весьма значительные) ее коллег и учеников, а также результаты ее собственной работы со времен ранних

исследований Артамонова, в частности результаты обширных исследований салтово-маяцкого культурного комплекса. В работе подытожены и проанализированы все недавние работы на Днепре, Среднем Донце, Нижнем Дону, в Крыму, в районе Каспия – Волги, Азова и в Дагестане. Плетнева говорит о том, что много материала из всех этих районов остается неопубликованным; археологические работы публикуются со значительными задержками, и далеко не всегда издатели встречают их с энтузиазмом. Хотя уже несколько поколений ученых работает над объектами хазарской эпохи, в их работе сказывается научная разобщенность, чрезмерное увлечение вопросами методологии у одних, боязнь принятия новых методик – у других, боязнь обобщающих выводов и тенденция к простым, описательным, а не широко аналитическим работам. Мы можем отметить, что подобной же критике могут быть подвергнуты и другие научные дисциплины и что эти тенденции характерны не только для России. В обзоре Плетневой есть несколько интересных находок. Среди прочего она отмечает, что, как теперь выясняется, хазары были наиболее кочевой частью населения Хазарии. Они также были богаче других и, весьма вероятно, стояли выше в социально-политической иерархии. Плетнева осторожно предполагает, что на месте исчезнувшего Итиля может стоять сейчас какой-нибудь большой современный город (возможно, Волгоград/Царицын). Итиль еще предстоит отыскать.

Среди работ самых последних лет мы можем отметить мастерски сделанное Плетневой обобщение материалов по Саркелу, которые показывают, что в годы после завершения его строительства он был не только крепостью, но стал также важным связующим звеном хазарской торговли: Саркел был частью знаменитого «шелкового пути». После того как в 965 г. Саркел был завоеван Русью, он постепенно восстановил свою роль торгового города¹⁵¹. В 1999 г. Плетнева издала книгу, которую можно считать ее *opus magnum* в области хазарских исследований. «Очерки по хазарской археологии»¹⁵² – это подробный обзор работы русских и советских археологов над хазарскими находками. Много внимания в работе уделено материалам, происходящим из районов, бывших под контролем Хазарии, но только одна глава отведена собственно хазарским территориям (северокавказские – волго-каспийские степи). Во введении Плетнева предупреждает, что «эта работа не собственно о хазарах и не о культуре, ими созданной»¹⁵³, и отмечает, что идентификация хазарских объектов все еще проблематична и открыта для обсуждения. В заключении она пишет, что попыталась «представить иногда очень немногочисленные и потому спорные данные археологии, подтверждающие факт существования Хазарского каганата». На нынешней стадии возможно лишь исследование культурных особенностей различных этнических групп (в основном аланов и булгаро-огурских тюрок), входивших в состав Хазарии. Следовательно, основной доминантой исследований остается изучение салтово-маяцкой культуры и ее распростране-

ния на землях, подконтрольных хазарам. Однако разнообразие культур, ассоциирующихся с этими различными объединениями, «дает некоторые основания сомневаться в существовании единой государственной культуры, а следовательно, и в существовании самого государства, под патронажем которого она будто бы развилась». Здесь Плетнева практически отрицает, что хазарская общность может быть названа государством. Но в заключении своей работы она утверждает, что «можно считать доказанным единство повседневного культурного бытования на всей территории каганата как в ранний период, так и в эпоху расцвета». Предпосылкой этого единства, добавляет она, было политическое единство, достигнутое Хазарским государством. Также доказанной, по ее мнению, является преимущественно оседлая природа населения Хазарского государства, чья экономика держалась главным образом на сельском хозяйстве, хотя в некоторых районах все еще практиковалось сезонное кочевание¹⁵⁴. Относительно духовной жизни хазар Плетнева отмечает, что погребальные ритуалы на всем пространстве Хазарии демонстрируют «совершенно языческие представления, которые проникли во все хазарское общество, несмотря на этническую принадлежность или место обитания населения, совершавшего обряд, вне зависимости от того, происходило ли это в центральных районах огромной страны или на самых дальних ее окраинах». «Очерки» Плетневой богаты описательными деталями, которые дают полную картину различных археологических комплексов, но обобщения, которые могли бы непосредственно использоваться историками, появляются только в заключительной части работы. Эта предосторожность вызвана в значительной мере тем, что археологические исследования по хазарам продолжаются и сегодня. Многие археологические памятники, включая те, что находятся в центре территории Хазарии, еще целиком не обследованы; и не все отчеты по исследованным памятникам опубликованы¹⁵⁵. Конечно, очень печально, что это так, ибо в центре хазарских земель, возможно, кроются ответы на некоторые фундаментальные вопросы хазарских исследований. Интересны перспективы работ, проводимых в дельте Нижней Волги, возле деревни Самосделка Астраханской области. Но условия, в которых проводятся исследования, трудны, и, как отмечает Плетнева, Итиль все еще неуловим¹⁵⁶.

На самой ранней своей стадии находится и изучение духовной жизни народов Хазарии, о котором мы кратко упоминали выше. В 1995 г. Ричард Мейсн опубликовал статью, в которой попытался, в основном на основании письменных источников, реконструировать религиозную систему Хазарии¹⁵⁷. Хотя он не особенно продвинулся вперед по сравнению с ранее опубликованными работами, но в них эта тема была представлена бессистемно, по ходу обсуждения других вопросов. Мейсн же обратился исключительно к этой важной теме и попытался поместить ее в тюркский и более широкий евразийский контекст. Во многом следуя за Прицаком, он приводит параллели с индоевропейскими обычаями и верованиями. Далее, он

предполагает, что смешение народов в Хазарии внесло свой вклад в «расцвет и материальной, и духовной культуры хазар. Это смешение также стало основой для замечательного симбиоза различных систем религиозных верований и обрядов, который, оформившись, и сделал Хазарское государство столь уникальным...»¹⁵⁸ У нас нет ясного представления о том, действительно ли можно говорить о расцвете «духовной культуры» в Хазарии, однако кажется весьма вероятным существование различных типов религиозного симбиоза и синкретизма. Тем не менее в этой сфере по-прежнему необходимы новые данные.

Новая область исследования была открыта книгой В.Е. Флеровой, специалиста по граффити и другим выцарапанным знакам, рисункам и резьбе на предметах, происходящих из Хазарии и болгарских земель. Эти знаки весьма трудны для анализа: это не алфавитное письмо; некоторые почти определенно являются тамгами разного типа, другие, возможно, имели религиозно-магический смысл. Флерова считает, что по ним можно реконструировать духовный мир салтово-маяцкой культуры¹⁵⁹. Основываясь на этом, а также на следах духовной культуры народов Хазарии (описания мужчин, танцующих обнаженными, в масках и с копьями; использование различных талисманов, поклонение дубам, тотемизм и т.д.), Флерова указывает на доминирующую роль язычества в каганате¹⁶⁰.

К той же области исследований, что и работа Флеровой, относится исследование И.Л. Кызласова о рунических письменностях евразийских степей. При освещении этого очень сложного материала он уделил некоторое внимание и руническим шрифтам, найденным на территории Хазарии. Ранее мы уже отмечали его взгляды на руническую надпись на Киевском письме. Он также указывает на то, что виды письменности конца VIII–X вв. из районов Дона и Кубани имеют много общего с надписями с южного Енисея, и приходит к выводу о возможности вычленения особой донско-кубанско-южноенисейской письменности, отличия которой от орхон-енисейско-таласской письменности слишком велики, чтобы объяснять их орфографическими изменениями при передаче письменности от одной группы к другой¹⁶¹. Это действительно новая область в хазарских исследованиях. Плетнева, которая затрагивает эту тему в своих «Очерках», без колебаний идентифицирует донскую письменность с хазарской, а кубанскую – с болгаро-огурской¹⁶².

Мы можем также отметить здесь одну работу, которая публикуется в настоящее время. Это книга по исторической географии Хазарского каганата С.А. Ромашова, основанная на его кандидатской диссертации 1992 г.¹⁶³ Эта работа с большим запозданием сводит воедино разрозненные, зачастую противоречивые свидетельства письменных источников (которые автор читал на языке оригинала), касающиеся физических границ Хазарского государства, его регионов и городских центров.

Итак, чего мы достигли? Каковы наши знания, основанные на фактах, а не на домыслах и догадках? Многие важные вопросы остаются нерешенными. Первым и главным, еще не до конца решенным вопросом является вопрос о происхождении хазар.

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ХАЗАР

Относительно происхождения хазар было выдвинуто несколько гипотез.

- 1) Они происходят от 'Ακάτζιροι или 'Ακάτζιροι/Αcaτζρι/Agaziri – гуннского народа V в., который упоминают Приск, Иордан и Равеннский аноним¹⁶⁴, что, вероятно, является искажением названия *Aq Qazar (здесь имеются значительные филологические проблемы).
- 2) Они ведут свое начало от племенного союза, сформированного огурами, сабирами и тюрками, правящая группа которых происходит из Западнотюркского государства¹⁶⁵, как чингизиды были правящим элементом в Золотой Орде.
- 3) Они сабирского происхождения и были тюркизированными уграми¹⁶⁶.
- 4) Они имеют уйгурское происхождение (Qasar)¹⁶⁷.
- 5) Они происходят от эфталитов, мигрировавших на Кавказ (конец V – начало VI вв.) и создавших там союз с сабирами и другими кочевниками¹⁶⁸.

Я сам более всего склоняюсь к огуро-сабиру-тюркской теории, которая, по моему мнению, наиболее соответствует этническим данным, которыми мы располагаем. Тем не менее все версии остаются весьма гипотетическими, и у нас слишком мало твердо установленных данных, чтобы полностью их подтвердить.

Время первого появления хазар, которое является важным элементом этого вопроса, также остается весьма проблематичным. Как это часто случается в средневековых исторических сочинениях, имена могущественных народов переносились на подчиненные им или даже на враждебные им формирования, сходные с ними по жизненному укладу и т.д. Так, византийские историки постоянно называют евразийских кочевников «скифами». Существует некоторое количество источников, которые помещают хазар в район их проживания еще до середины VI в., но они, весьма вероятно, анахроничны. И Данлоп, и Артамонов пришли к заключению, что хазары определенно «вышли на сцену» ко времени правления Хосрова Ануширвана (531–579)¹⁶⁹. Однако Цегледи достаточно уверенно утверждал, что «казары и барсылы» пришли в каспийско-понтийские степные районы вместе с другими огурскими народами около 463 г. (Псевдо-Захария Ритор упоминает *касиров* [Kas(i)r] около 555 г., хотя это также может быть искажением названия акациров, и т.д.¹⁷⁰), а потом вместе с огурскими группами и саби-

рами (которые пришли около 506 г.) попали в 567 г. под тюркское верховенство. Затем, по его мнению, распространилась и стала известна тюркская форма их названия – хазары (Hazar)¹⁷¹.

Я не столь уверен в верности этой теории. Можно возразить, что до того, как они упоминаются в качестве союзников Ираклия во время его походов в Закавказье против Сасанидов, о хазарах мало что можно сказать. И даже в этом контексте византийские и армянские источники, возможно, используют их название анахронично. Может быть, имя Qazaq вошло в употребление во время их отделения от Западнотюркской империи где-то между 630–650 гг.? Не было ли оно первоначально описательным или социальным термином, как термин Qazaq, который позже стал этнонимом? Какую роль в развитии хазарской государственности в районе, где отсутствие государственности у кочевников было нормой, играла борьба с Арабским халифатом? Обнаружение текстов, которые недвусмысленно могли бы быть отнесены к хазарам, помогло бы решить вопрос о происхождении хазар. Как мы уже видели, хазарские слова (имена, титулы и топонимы), разбросанные в наших источниках, в значительной мере нейтральны и только указывают на их несомненный тюркский характер, но не говорят нам, к какой части тюркского мира они принадлежали. Несколько недавно вышедших статей, касающихся этой темы и в которых содержится анализ некоторых из этих терминов¹⁷², полезны и важны, но основной вопрос остается открытым.

Важной и много обсуждаемой темой является вопрос о влиянии хазар на развитие Руси, в частности вопрос о Русском каганате и о происхождении системы наследования на Руси. У нас нет возможности детально обсудить здесь этот важный вопрос, хотя это показательный и, вероятно, очень важный пример вклада Хазарии в политическое развитие Руси¹⁷³. Прицак, в частности, выдвинул теорию о хазарском происхождении многих аспектов политической структуры Руси¹⁷⁴. Недавно он сделал попытку показать хазарские корни в некоторых элементах системы мер и весов на Руси, придя также к заключению о том, что хазары действительно чеканили свою собственную монету¹⁷⁵. Но, как всегда, свидетельства слабы, и по этим вопросам нет согласия.

Вопрос о роли хазар в формировании восточноевропейского еврейства вызывает полемику по каждому своему аспекту. В 1962 г. Бернард Вайнриб довольно небрежно отбросил «большинство теорий и гипотез, касающихся происхождения восточноевропейского еврейства, которые есть не более чем фантазии»¹⁷⁶. Научно-популярные работы, такие, как «Тринадцатое колено» Артура Кестлера, только добавили противоречий. Сало Барон, который ошибочно считал хазар финно-уграми, полагал, что хазары «пустили много корней в не подчиненные им славянские земли, помогая в конечном итоге построить великие центры еврейства в Восточной Европе», и что «этот замечательный эксперимент по созданию еврейского

государства, несомненно, оказал большее влияние на еврейскую историю, чем нам пока кажется»¹⁷⁷. Спорные работы Пола Векслера об ашкеназских евреях объявляют их народом хазарского и западнославянского происхождения¹⁷⁸. В области методологии Векслер открыл несколько новых областей исследования, обратив внимание на элементы народной культуры, однако его выводы отстоят очень далеко от исторических свидетельств. Тем не менее эти темы должны быть разработаны в дальнейшем.

Неясным остается и время обращения хазар в иудаизм. В зависимости от того, на какой текст опирается исследователь, даты могут колебаться от 740 до 860 г.¹⁷⁹ Хотя меня самого работы Цви Анкори и Нормана Голба убедили в том, что хазары были приверженцами раввинистического иудаизма, но вопрос о караимизме, столь часто приписываемом хазарам, требует дальнейшего изучения. Караимы Восточной Европы являются примером интересного симбиоза еврейского народа и тюркского мира, точнее, кумано-кыпчакского населения средневекового Крыма.

Мы мало знаем о внутренней жизни хазар и располагаем только отрывочными намеками на их клановую и племенную систему, классовые отношения, отношения между полами и т.д. До сих пор ведутся споры о соотношении кочевого и оседлого населения внутри Хазарии. Остаются трудности в археологической идентификации различных групп, населявших каганат. При отсутствии письменных материалов мы не можем точно определить один из самых важных факторов идентификации – их язык.

Тем не менее многое уже достигнуто. Части рассыпавшейся мозаики, очевидно, складываются вместе. Что еще остается сделать? Среди самого необходимого – издание полного корпуса текстов, касающихся хазар. Полезным будет переиздание ключевых текстов, например, «Дербенд-Наме» и других северокавказских хроник, на языках оригинала с переводом¹⁸⁰. До сих пор почти не исследованы китайские источники, содержащие разрозненные ссылки на хазар, в частности, в связи с Хорезмом, который имел прямые контакты с Танской империей, а также упоминания о хазарской еде и питье. Очевидно, одной из важнейших задач является публикация данных археологических исследований наряду с новыми экспедициями на хазарские объекты. С хазарами все еще связано немало загадок; и хотя исследования продолжаются уже более ста лет, но многое еще предстоит сделать.

Примечания

- 1 Ibn al-Balkhī. *Fārsnāma*. Ed. G. LeStrange, R.A. Nicholson. London, 1921. P. 97; A. Christensen. *L'Iran sous les Sassanides*. 2nd ed. Copenhagen, 1944. Reprint: Osnabrück, 1971. P. 411–412. Об al-Balkhī см.: И.Ю. Крачковский. Арабская географическая литература в его «Избранных сочинениях». М.–Л., 1955–1960, IV. С. 322–323.
- 2 Al-Mas'ūdī. *Murūj ad-Dahab wa Ma'ādin al-Jawhar*. Ed. Ch. Pellat. Beirut, 1966, I. P. 307.
- 3 D. Sinor (ed.). *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge, 1990.

- 4 См., например: O. Pritsak. *The System of Government under Volodimer the Great and His Foreign Policy* // HUS, XIX, 1990. P. 573–593 и P.B. Golden. *Ascent by Scales: The System of Succession in Kievan Rus' in a Eurasian Context* // J. Duzinkiewicz (ed.). *States, Societies, Cultures East and West. Essays in Honor of Jaroslaw Pelenski*, New York, 2004. P. 229–258; O. Pritsak. *Nomads in the Sedentary World: The Case of the Pre-Cinggisid Rus' and Georgia* // A.M. Khazanov, A.Wink (eds.). *Nomads in the Sedentary World*, Richmond, 2001. P. 24–75.
- 5 N.Di Cosmo. *State Formation and Periodisation in Inner Asian History* // *Journal of World History*, 10/1, Spring, 1999. P. 30–32.
- 6 См.: al-Tabarī/ Ta'riḥ al-Tabarī. Ed. M.A. Ibrahim. Cairo, 1962–1967, IX. P. 192–193. (О деятельности на Кавказе см. также p. 238, 852–853. Но Müneccimbaşı, основываясь на местной хронике, Tariḥ al-Bab (см. V.F.Minorsky, *A History of Sharvan and Darband*. Cambridge, 1958. P. 25), изображает его ведущим войну против хазар и аланов. Более полный рассказ, связывающий его с его «родственниками» хазарами (tom't'a mist'a), содержится в грузинской хронике *Картлис Цховреба*, под ред. С. Кауцхшвили. Тбилиси, 1955, I. С. 256–257.
- 7 A. Koestler. *The Thirteenth Tribe. The Khazar Empire and its Heritage*. London, 1976; Б. Альтшулер. *Последняя тайна России*. Пер. С. Маркин., С. Буланин. М., 1996, исправленная и расширенная версия работы, первоначально вышедшей на немецком языке под названием: *Geheimerbericht aus der Grossen Steppe. Die Wahrheit über das Reich der Russen*. Saarbrücken, 1994. См. также: K.A. Brook. *The Jews of Khazaria*. Northvale, NJ, 1999.
- 8 См. недавно вышедшую работу Б.Б. Ирмуханова «Казахстан: историко-публицистический взгляд». Алма-Ата, 1996. С. 35–73 и его «Хазары и Казахи». Алматы, 2003.
- 9 William McNeill, один из основателей «Всемирной истории», в сущности, игнорирует хазар в своей *World History*. New York–London–Toronto, 1967 и дает лишь разрозненные ссылки на них в своем классическом труде: *The Rise of the West. A History of the Human Community*. Chicago, 1963. P. 420, 443, 447, 448, 477, 479, 650, 782. Однако он правильно контекстуализирует их в отношении Византии и Халифата и рассматривает принятие ими иудаизма как средство «противостоять ассимиляции в политическую структуру одного из их больших соседей». P. 479.
- 10 Ср.: G. Hambly (ed.). *Central Asia*. New York, 1966; L. Kwanten. *Imperial Nomads. A History of Central Asia 500–1500*. Philadelphia, 1979 и S.A.M. Adshad. *Central Asia in World History*. New York, 1993, которые не упоминают их. J.-P. Roux в своей более ранней *Histoire des Turcs*. Paris, 1984. P. 78–82, кратко говорит о них, но лишь походя упоминает их в своей *L'Asie centrale*. Paris, 1991. P. 39, 239, 219, 252, 270.
- 11 См.: V. Litvinsky et al. (eds.). *History of Civilizations of Central Asia*, vol. III. *The Crossroads of Civilizations A.D. 250 to 750*. Paris, 1996. P. 430, 473 и M.S. Asimov, C.E. Bosworth (eds.). *History of Civilizations of Central Asia*, vol. IV/1. *The Age of Achievement: A.D. 750 to the End of the Fifteenth Century*. Paris, 1998. P. 63, 68, 85, 145, 368.
- 12 R. Grousset. *L'empire des steppes*. Paris, 1939. Reprint: 1960. P. 235–238.
- 13 D. Sinor (ed.). *The Cambridge History of Early Inner Asia*. Cambridge, 1990, в особенности глава 10 и недавно вышедшая работа D.Christian. *A History of Russia, Central Asia and Mongolia*, I, Oxford, 1998, в особенности p. 282–298.
- 14 См. его резюме на: A. Zajaczkowski. *Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim*. Kraków, 1947 // *Der Islam*, 29 (194). P. 96.
- 15 D. Sinor. *Introduction à l'étude de l'Eurasie centrale*. Wiesbaden, 1963. P. 270.
- 16 I. Sorlin. *Le problème des Khazares et les historiens soviétiques dans les vingt dernières années* // *Travaux et mémoires du Centre de recherche d'histoire et civilisation byzantines*, 3, 1968. P. 423: «la destinée de l'Etat khazare pose un véritable énigme qui a depuis longtemps retenu l'attention des historiens... ses origines comme sa disparition demeurent obscures». («Судьба Хазарского государства представляет собой настоящую загадку, которая

- с давних пор притягивает внимание историков... его происхождение, как и исчезновение, остается неясным».)
- 17 Л.Н. Гумилев. Степная Атлантида. Том под названием «Открытие Хазарии» в его Сочинениях, VI, Москва, 1994, включает в себя «Открытие Хазарии», Москва, 1966, и различные статьи, объединенные под общим названием «Степная Атлантида», в том числе статью под тем же названием, написанную в соавторстве с А. Алексеевым и вышедшую в журнале «Азия и Африка сегодня», 1962, № 2.
 - 18 Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. 2nd ed., Berlin, 1958, I. P. 81–86; F. Dvornik. Les légends de Constantin et de Methode. Prague, 1933; A. Yarmolinsky. The Khazars, A Bibliography. // Bulletin of the New York Public Library, XLII, 1938. P. 695–710, и его же: The Khazars (an annotated) Bibliography 1940–1958 // Bulletin of the New York Public Library, LXIII, 1959. P. 237–241; B. Weinryb. The Khazars. Annotated Bibliography // Studies in Bibliography and Booklore. Library of Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion, VI, Spring, 1963. P. 111–129.
 - 19 Z. Gombocz. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, XXX, Helsinki, 1912. Это основано на его: Honfoglalás a Magyar előtti török jövevényszavaink // Nyelvtudományi Társaság Kiadványai, 7, Budapest, 1908.
 - 20 J. Thury. A Kazar isa meltosagnevrol // Keleti Szemle, №. 4, 1903. P. 1–4.
 - 21 Gy. Németh. A honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest, 1930. 2nd rev. ed., Budapest, 1991.
 - 22 Árpád Berta в своей работе: On the Turkic Origin of the Names of the Hungarian tribes // Turkic Languages, 2/1, 1998. P. 32–48, теперь предложил тюркскую этимологию даже для слов Magyar и Nyék, которые до сих пор считались финно-угорского или смешанного финно-угорского и тюркского происхождения.
 - 23 Constantine Porphyrogenitus. De Adminstrando Imperio. Ed. Gy. Moravcsik, trans. R.J.H. Jenkins // Dumbarton Oaks Texts, I. Washington, D.C., 1967. P. 174–175.
 - 24 О некоторых сложностях выделения тюркского слоя в венгерском языке см.: T. Halasi-Kun. Kipchak Philology and the Turkic Loanwords in Hungarian, I // АЕМА, I, 1975. P. 156–210.
 - 25 См.: al-Istakhṛī. Kitāb Masālik al-Mamālik. Ed. M.J. De Goeje. Leiden, 2nd ed., 1927. P. 222, 225, который сообщает, что хазарский язык не был тюркским или персидским и не напоминал никакой другой язык, а потом сам противоречит этому высказыванию, отмечая, что хазарский похож на болгарский. Ibn Ḥawqal. Kitāb Šūrat al-Ard. Beirut, 1992. P. 332, 335 содержит то же замечание. Al-Biruni. Al-Āṭar al-baqiyya ‘an Qurūn al-hāliyya. Ed. C.E. Sachau. Leipzig, 1878. Reprint: 1923, Baghdad, n.d. P. 41–42 говорит, что сувары (Suwar), бывшие частью союза волжских болгар, разговаривали на языке, который был смесью хазарского и тюркского.
 - 26 Németh // НМК. P. 209–215; НМК. изд. 2-ое. P. 166–170.
 - 27 L. Ligeti. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. Budapest, 1986, esp. p. 475–487.
 - 28 A. Róna-Tas. A honfoglaló magyar nép. Budapest, 1996. P. 100–101.
 - 29 Фрагменты из Приска см. в: R.C. Blockley (ed., trans.). The Fragmentary Classicizing Historians of the Later Roman Empire. Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus. Liverpool, 1981, 1983, II. P. 344–345.
 - 30 Это может быть немного более поздней версией названия Ting-ling, причем оба названия могут быть интерпретацией алтайского слова *tegreg – «колесо, колесница, повозка» = «народ колесниц». Китайские источники в более позднее время называли уйгурскую конфедерацию, также бывшую частью T'ieh-le, именем Kao-ch'ê – [народ] «высокой колесницы».
 - 31 K. Czeglédy. A nomád népek vándorlása Napkelettől Napnyugatig. Budapest, 1969. Rev. eng. trans. «From East to West: The Age of Nomadic Migrations in Eurasia». Trans.

- P. V. Golden // АЕМА, III (183). P. 25–125. Обзор проблем и литературы можно найти в книге: P. V. Golden. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples*. Wiesbaden, 1992. P. 92–104.
- 32 О болгарском языке см.: A. Parzymies. *Język protobułgarski*. Warszawa, 1994; M. Erdal. *Die Sprache der wolgabulgarischen Inschriften*. Wiesbaden, 1993 и работы Т. Текин. *Tuna Bulgarları ve Dilleri*. Ankara, 1987 и его *Volga Bulgar Kitabeleri ve Volga Bulgarca'sı*. Ankara, 1998. По более широком лингвистическом вопросам см.: A. Róna-Tas. *Bevezetés a csuvas nyelv ismeretébe*. Budapest, 1978, esp. p. 11–90; B. Scherner. *Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen. Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen*. Wiesbaden, 1977; A. Róna-Tas. *An Introduction to Turkology // Studia Uralo-Altaica*, 33. Szeged, 1991. P. 25ff. и цитируемая там литература, а также A. Róna-Tas. *The Reconstruction of Proto-Turkic and the Genetic Question // L. Johanson, E. Csaty (eds.). The Turkic Languages*. London, 1998. P. 67–80; L. Johanson. *The History of Turkic // Ibid.* P. 81–125 и вышедшая совсем недавно R. A. Miller. *Turkic s.z. : Chuvash I, r revisited // Turkic languages*. 3/1, 1999. P. 3–42.
- 33 Gombocz. *Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter // MSFOu*, XXX. Helsinki, 1912, p. 199. Nemeth // HNK, p. 37, HMK, p. 94. См. пространное обсуждение этого вопроса в: P. V. Golden. *Khazar Studies*. Budapest, 1980, I. P. 123–133.
- 34 О надписях см.: С. Г. Кляшторный. Терхинская надпись // Советская тюркология, № 3, 1980. С. 82–95; английский вариант: «The Terkhin Inscription» // *Acta Orientalia Hungarica*, XXXVI, 1982. P. 335–366; K. Czeglédy. *A terkhini ujur rovásírásos felirat török es magyar történeti és nyelvészeti vonatkozásai // Magyar Nyelv*, LXXVII, 1981. P. 461–462; T. Tekin. *Kuzey Mogolistan'da Yeni bir Uygur Anıtı: Tariat (Terhin) Kitabesi // Turk Tarih Kurumu Belleten*, XLVI, № 184, 1982. P. 795–838; L. Bazin. *Notes de toponymie turque ancienne // Acta Orientalia Hungarica*, XXXVI, 1982. P. 57–60; T. Tekin. *The Tariat (Terkhin) Inscription // Acta Orientalia Hungarica*, XXXVII, 1983. P. 43–86; С. Г. Кляшторный. Тэсинская стела // Советская тюркология, 1983, № 6. С. 76–90 и его «The Tes Inscription of the Iughur Böğü Qagan» // *Acta Orientalia Hungarica*, XXXIX/I, 1985. P. 137–156.
- 35 L. Bazin. *Pour une nouvelle hypothèse sur l'origine des Khazar // Materialia Turcica* 7/8, 1981–1982. P. 51–71.
- 36 A. Róna-Tas. *A kazár népnévről // Nyelvtudomá nyi Közlemények*, 84, 1982. P. 349–379.
- 37 D. M. Dunlop. *The History of the Jewish Khazars*. Princeton, 1954. P. 34–40.
- 38 T. Senga. *The Toquz Oghuz Problem and the Origin of the Khazars // Journal of Asian History*, 24/1, 1990. P. 57–69.
- 39 Golden. *Khazar Studies*, I. P. 173–174.
- 40 См. Sir Gerard Clauson. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish*. Oxford, 1972. P. 666: qasig; см. также P. V. Golden. *The Dogs of the Medieval Qırçaqs. Varia Eurasistica. Festschrift für Professor András Róna-Tas*. Szeged, 1991. P. 52–53.
- 41 Gy. Pauler, S. Szilágyi (eds.). *A magyar honfoglalás kútfoi*. Budapest, 1900.
- 42 M. Kmoskó. *Die Quellen Istachri's in seinem Berichte uber die Chasaren // Körösi Csoma Archivium*, I, 1921–1925. P. 141–148; «Araber und Chasaren». *Körösi Csoma Archivium*, I, 1921–1925. P. 280–292, 356–368 и его: «Gardizi a törökökről». *Századok*, 61, 1927. P. 149–171.
- 43 M. Kmoskó. *Mohamedán írók a steppe népeiről. Földrajzi irodalom*, I/1. Budapest, 1997.
- 44 См. K. Czeglédy. *Monographs on Syriac and Muhammadan Sources in the Literary Remains of M. Kmoskó // Acta Orientalia Hungarica*, 4, 1954. P. 19–91.
- 45 Zs. Telegdi. *A kazárok és a zsidóság // Az Izraelita Magyar Irodalmi Társaság Évkönyve*, 62, 1940. P. 247–287.
- 46 Gy. Kristó. *Levedi torzsszövetségétől Szent István államaig*. Budapest, 1980. P. 82. Хазарам посвящена большая часть первой главы книги: Antal Bartha. *Hungarian Society in the 9th and 10th Centuries*. Budapest, 1975.
- 47 Gy. Kristó. *Hungarian History in the Ninth Century*. Trans. Gy. Novak, rev. E. Kelly. Szeged, 1996, особенно глава XI; J. Marquart. *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*. Leipzig, 1903. Reprint: Hildesheim, 1961, p. 33.

- 48 В.В. Григорьев. О двойственности верховной власти у хазаров // ЖМНП, 1834, ч. III. С. 279–295; Обзор политической истории хазаров. Сын отечества и Северный архив, XLVIII, 1835. P. 566–595; О древних походах русских на восток // ЖМНП, 1845, ч. V. С. 229–287, переиздание в его: Россия и Азия. СПб., 1876.
- 49 Д.И. Языков. Опыт о истории хазаров // Труды Императорской Российской Академии, ч. I. СПб., 1840.
- 50 П.В. Голубовский. Болгары и хазары – восточные соседи Руси при Владимире Святом // Киевская старина, XXII, 1888; М.И. Артамонов. История хазар. С. 20–30. См. также: Sorlin. Le problème des Khazars. P. 425–426.
- 51 Ср.: Р.М. Мавродина. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). Л., 1983; и ее же: Русь и кочевники // Советская историография Киевской Руси. В.В. Мавродин и др. изд. Л., 1973. С. 210–221.
- 52 Ср.: Ю.Д. Бруцкус. Письмо хазарского еврея. Берлин, 1924; его же: Истоки русского еврейства. Париж, 1939; и The Khazar Origin of Ancient Kiev // Slavonic and East European Review, May, 1944. P. 108–124; Г.М. Барац. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности. Париж, 1927; см. также комментарий Данлопа: D.M. Dunlop. H.M. Baratz and his View of Khazar Influence on the Earliest Russian Historical Literature, Juridical and Historical // Salo Wittmayer Baron Jubilee Volume. Jerusalem, 1975. P. 345–367. Артамонов в «Истории хазар». С. 32 называет Бруцкуса «дилетантом и фантазером». Бруцкус, который был некоторое время министром по еврейским делам Литвы в период между мировыми войнами, часто упоминается в мемуарах самого известного русско-еврейского историка того времени С.М. Дубнова. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. СПб, 1998. С. 164, 210 и далее. Однако о Бараце в этой важной летописи русско-еврейской историографии ничего не сказано.
- 53 Н.А. Мещерский. Отрывок из книги «Йосиппон» в «Повести временных лет» // Палестинский сборник, 2 (64–65), 1956. С. 60–67. Эти взгляды нашли более широкое отражение в: A.N. Konrad. Old Russia and Byzantium. The Byzantine and Oriental Origins of Russian Culture // Philologische Beiträge zur Sudost- und Osteuropa-Forschung, I, Wien–Stuttgart, 1972. P. 26.
- 54 С.М. Fraehn (ed., trans.). Ibn-Foszlan's und Araber Berichte über Russen alterer Zeit, SPb., 1823. [Согласно библиографическому словарю Российской национальной библиотеки – Христиан Данилович Френ (1782–1851). – Прим. перев.]
- 55 Beiträge zur Geschichte der kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. Tabary's Nachrichten über die Chasaren, nebst Auszügen aus Hafis Abru, Ibn Aasem-El-Kufy // Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences de Saint-Petersbourg, VI serie, IV, 1840 (Nachrichten появилась в 1842). P. 445–601. См. также его «Известия о хазарах восточного историка Табари». Пер. П.Тяжелов // ЖМНП, XLIII, № 7, 8, 1844.
- 56 Mirza A.Kazem-Beg. Derbend-Nameh, or the History of Derbend: Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences de Saint-Petersbourg, VI, 1851. P. 435–711.
- 57 Д.А. Хвольсон. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн Даста. СПб, 1869. Сборник еврейских надписей. СПб., 1884; А.Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874. Altjüdische Denkmäler aus der Krim: Memoires de l'Academie Imperiale des Sciences de Saint-Petersbourg, VII serie, XXIV, 1877 (reprint: Wiesbaden, 1969). О Фирковиче см.: В.Л. Вихнович. Караим Авраам Фиркович. Еврейские рукописи, история, путешествия. СПб., 1997. Вихнович также дает краткие портреты Хвольсона (с. 131–133) и Гаркави (с. 163–165), которые также можно найти в: А.А. Вигасин и др. (ред.) История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1977. С. 466–473.
- 58 S. Schechter. An Unknown Khazar Document // Jewish Quarterly Review, n.s., III, 1912. P. 181–219.

- 59 П.К. Коковцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, особенно с. V–XXXVI.
- 60 Hudūd al-'Alam min al-Mašriq ila al-Magrib. Ed. M. Sūtūdeh. Tehran, 1340/1962.
- 61 V. Minorsky (trans.). Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography // E.J.W. Gibb Memorial Series, n.s. XI, London, 1937; 2nd rev. ed., London, 1970.
- 62 V.F. Minorsky. A History of Sharvan and Darband. London, 1958. Слегка исправленная версия вышла по-русски: История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М., 1963. О Минорском, который был учеником Крымского, см. ниже. См.: Вигасин и др. (ред.). История. С. 214.
- 63 A.Z.V. Togan. Ibn Fadlan's Reiserbericht // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes, XXIV/3, Leipzig, 1939.
- 64 А.П. Ковалевский. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. М.–Л., 1939. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.
- 65 T. Lewicki. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny. Wrocław-Kraków-Warszawa, 1956, 1969, 1977. В другую его книгу, на этот раз посвященную еврейским источникам, не включено ничего, связанного с хазарами. См.: F. Kupfer, T. Lewicki. Źródła hebrajskie do dziejów Słowian i niektórych innych ludów Środkowej i Wschodniej Europy. Wrocław-Warszawa, 1956.
- 66 Б.Н. Заходер. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, 1967.
- 67 Так, например, А.А. Куник в самом начале русского завоевания Средней Азии высказывал мнение о том, что кочевники были «низшими формами человечества», изучать которых следует по той же самой причине, по которой «естественные науки наблюдают и скрупулезно изучают низшие несовершенные организмы относительно наиболее развитых». См.: А.А. Куник. Исторические материалы и разыскания, 2: О Торкских Печенегах и Половцах по мадыарским источникам // Ученые Записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделению, 3, 1855. С. 714.
- 68 Оба недавно переизданы: С.М. Соловьев. История России с древнейших времен // Сочинения. М., 1988–1996, I/1–2. С. 352, 357, 383, 647–648; В.О. Ключевский. Курс русской истории // Сочинения. М., 1987–1990, I. С. 282 и далее.
- 69 См.: его Сочинения, VI. С. 252–253.
- 70 М.С. Грушевський. Історія України–Руси. Львов, 1904–1922, переиздание Киев, 1992–1996, I. С. 203 и далее; II. С. 505–506, 530, 533.
- 71 Грушевський. Історія України–Руси, I. С. 230.
- 72 М.К. Любавский. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М., 1918. С. 43–45.
- 73 Г.В. Вернадский. Опыт истории Евразии. Берлин, 1934. С. 51.
- 74 Н.Б. Готье. Хазарская культура. Новый Восток, 1925, кн. 8–9. С. 277, 292.
- 75 См.: В.Я. Петрухин. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М., 1995. С. 87.
- 76 П.П. Толочко. Киевская Русь. Киев, 1996. С. 39.
- 77 П.П. Толочко. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 159.
- 78 См. дискуссию в книге Мавродиной «Киевская Русь». С. 17–19, 21–23, 30–31, 34, 36, 38.
- 79 Б.Д. Греков. Киевская Русь в его «Избранных сочинениях», М., 1959, II. С. 373–375; В.Т. Пашуто. Об особенностях структуры Древнерусского государства. См.: А.П. Новосельцев, В.Т. Пашуто и др. (ред.). Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 98; В.В. Каргалов. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 57.
- 80 Ср. его: К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА, 18, 1953. С. 128–150.
- 81 М.И. Артамонов. Саркел–Белая Вежа // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I / МИА, № 62, 1958. С. 7; С.А. Плетнева. Хазарские проблемы в археологии // СА, 1990, № 2. С. 77–78. См. также ее недавнюю книгу «Очерки хазарской археологии». М.–Иерусалим, 1999. С. 9. Некоторые другие детали упомянуты Плет-

- невой в ее воспоминаниях об Артамонове: Вспоминая М.И. Артамонова // МАИЭТ, вып. VI, Симферополь, 1998, особенно с. 26–27.
- 82 Артамонов. История хазар. С. 37–38.
- 83 См.: А.П. Новосельцев. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 54.
- 84 Новосельцев. Хазарское государство. С. 185, 202; см.: подробный историографический обзор хазарско-русских отношений. С. 45–66.
- 85 См.: Гумилев. Поиски. С. 311–312 и его «Древняя Русь и Великая Степь», М., 1989. С. 327.
- 86 Основной темой глав его книги «Древняя Русь и Великая Степь», касающихся до-монгольской эры, является слегка завуалированный антисемитизм. Эта и некоторые другие работы приправлены этническими теориями, которые имеют большее отношение к расовой теории в Центральной Европе во время, предшествующее Второй мировой войне, чем к современной науке.
- 87 Петрухин. Начало этнокультурной истории. С. 83–84.
- 88 В. Кожин. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи. См.: Вопросы литературы, № 12, 1988. С. 140–141. Здесь Кожин следует тезису, выдвинутому Л.А. Плетневой в работе «Кочевники средневековья», М., 1982. С. 17, 120.
- 89 Р.Г. Ланда. Ислам в истории России. М., 1995. С. 32, 33.
- 90 М.И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1936.
- 91 А.Н. Poliak. Kazariyyah. Toldot mamlaḥa yehudit be-Eiropa. Tel-Aviv, 1942, 1944, 1951. Новосельцев в книге «Хазарское государство». С. 52–53, кратко описывает книгу Поляка, указывая, в частности, на интересное исследование хазарской экономики и ее роли в мировой торговле, распространения иудаизма, христианства и ислама в Хазарии и поисков ее наследников после 965 г.
- 92 Ср. его «O kulturze chazarskiej i jej spadkobiercach» // Mysl Karaimska, 1946. P. 5–34; Karaims in Poland. Warsaw-Paris-La Haye, 1961. P. 20–23.
- 93 Ср. различные работы: S. Szyszman. Le roi Bulan et le problème de la conversion des Khazars // Ephemerides Theologicae Louvanienses, 33, 1957; Les Khazars. Problèmes et controverses // Revue de l'Histoire des Religions, 152, 1957. P. 174–221; Les Karaites d'Europe Uppsala, 1989; Ş. Kuzgun, Türklerde Yahudilik ve Doğu Avrupa Yahudilerinin Menşei Meselesi Hazar ve Karay Türkleri изд. 2-ое Ankara, 1993, М.Э. Хафуз. Караимы // Народы и культуры. Вып. XIV. М. 1993. О перерабатывании караимского самосознания см.: R. Freund. Karaites and Dejudiaization // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Comparative Religion, 30, Stockholm, 1991.
- 94 Dunlop. History. P. 233–234.
- 95 Артамонов. История хазар. С. 34.
- 96 Более позитивную критику см.: Новосельцев. Государство. С. 53–54.
- 97 Мы не можем процитировать здесь всю литературу, но можем отметить, как это сделал Артамонов, исследование И. Берлина «Исторические судьбы еврейского народа на территории русского государства» (Петроград, 1919), которое Артамонов назвал «серьезной работой» и которое осталась почти не замеченной хазароведческой литературой. См.: Артамонов. История хазар. С. 32. Берлин проводит интересный анализ хазарской и еврейской топонимики в Восточной Европе.
- 98 Артамонов. История хазар. С. 34, прим. 151.
- 99 А. Кримский. Пролегомена до історії хазарів звідки вони взялися і яка їх мова. Мовознавство, Київ, 1941. См.: К. І. Гурницький. Кримський як історик. Київ, 1971. С. 30–31; и его же: Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980. С. 157–158.
- 100 Новосельцев. Хазарское государство. С. 50, 64, прим. 31.
- 101 Можно отметить здесь: George Vernadsky. Ancient Russia. New Haven, 1943; и его же: The Origins of Russia. Oxford, 1959.
- 102 В то время Гумилев работал над своей книгой «Древние тюрки», 1967.

- 103 Новосельцев. Хазарское государство. С. 55.
- 104 Golden. *Khazar Studies*, I. P. 59, 219–221. Клановое или племенное название, транскрибируемое китайскими источниками как A-shih-na, недавно было этимологизировано С.Г. Кляшторным как производное от иранского *Aššaina* «синий» = тюркское *Kök*. См.: С.Г. Кляшторный, Д.Г. Савинов. Степные империи Евразии. СПб., 1994. С. 13–14 и его же «The Royal Clan of the Turks and the Problem of Early Turkic-Iranian Contacts» // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, XLVII/3, 1994. P. 445–447.
- 105 Артамонов. История хазар. С. 278–280, 324 и далее.
- 106 Constantine Porphyrogenius. *De Administrando Imperio*. Ed. Gy. Moravcsik, trans. R. Jenkins. Washington, D. C., 1967. P. 174–175; П.К. Коковцов. Переписка. Евр. текст. С. 21–24, 28–31. Перевод: с. 75–80, 92–97.
- 107 С.А. Плетнева. Хазары. М., 2-е изд., 1986. С. 62 и далее.
- 108 O. Pritsak. *The Khazar Kingdom's Conversion* // *HUS*, II, 1978. P. 278–280. См. также: T. Nagrodzka-Majchrzyk / K. Dąbrowski, T. Nagrodzka-Majchrzyk, E. Tryjarski. *Hunowie europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie*. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1975. P. 400.
- 109 Критику этого тезиса см.: P. B. Golden. *Khazaria and Judaism* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, III, 1983. P. 144 ff.
- 110 Плетнева. Очерки. С. 216–217.
- 111 Артамонов. История хазар. С. 457–458.
- 112 Современные друг другу и враждующие религии, конечно, видели это в другом свете. Зороастрийское сочинение *Dēnkarā* (известное в поздней редакции X века) приписывает упадок Рима христианству, хазар – иудаизму, а уйгуров – манихейству. См.: M. Molé. *La légende de Zoroastre selon textes pehlevi*. Paris, 1967. P. 236–237.
- 113 См.: Гумилев. Открытие Хазарии. Сочинения, VI.
- 114 С.А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967. С. 180 и след.
- 115 Плетнева. Хазары, в особенности с. 62 и след. о гражданской войне в Хазарии. Немецкий перевод 1-го изд.: *Die Chasaren*. Leipzig, 1978.
- 116 T. Nagrodzka-Majchrzyk. *Chazarowie*. Dąbrowski et al. *Hunowie europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie*. P. 377–477, esp. p. 448–449.
- 117 Я.А. Федоров, Г.С. Федоров. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
- 118 O. Pritsak. *The Khazar Kingdom's Conversion to Judaism* // *Harvard Ukrainian Studies*, II, 1978. P. 261–281.
- 119 O. Pritsak. *The Pre-Ashkenazic Jews of Eastern Europe in Relation to the Khazars, the Rus' and the Lithuanians* // H. Aster, P. J. Potichnyj (ed.). *Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective*. 2nd ed. Edmonton, 1990. P. 3–21.
- 120 А.В. Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979; Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб., 1994.
- 121 Гадло. Этническая история. С. 152–153.
- 122 Golden. *Khazar Studies*, I. P. 112 ff. список хазарских слов.
- 123 P. B. Golden. *Khazaria and Judaism* // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, III, 1983. P. 127–156.
- 124 П.Б. Голден. Государство и государственность у хазар: власть хазарских каганов // Н.А. Иванов (ред.). *Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти*. М., 1993. С. 211–233.
- 125 N. Golb, O. Pritsak. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca, 1982. Русский перевод: *Хазарско-еврейские документы X века*. Пер. В.Л. Вихнович. М.–Иерусалим, 2003, с кратким комм. В.Я. Петрухина.
- 126 См. обзорную статью: P. B. Golden. *A New Discovery: Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century* // *Harvard Ukrainian Studies*, VIII. № 3–4, 1984. P. 474–486.
- 127 А.Н. Торпусман. Антропонимия и этнические контакты народов Восточной Европы в Средние века // *Имя – этнос – история*. М. Членов (ред.). М., 1989. С. 48–53.
- 128 См.: И.Л. Кызласов. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. С. 34.

- 129 Dieter Ludwig. Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Münster, 1982.
- 130 Ibid. P. 355–361.
- 131 Ibid. P. 24–68.
- 132 T.S. Noonan. Did the Khazars Possess a Monetary Economy? The Numismatic Evidence // AEMA, II, 1982. P. 219–267.
- 133 T.S. Noonan. Russia, the Near East and the Steppe in the Early Medieval Period: An Examination of the Sasanian and Byzantine Finds from the Kama-Urals Area // AEMA, II, 1982. P. 269–302.
- 134 T.S. Noonan. What Does Historical Numismatics Suggest About the History of Khazaria in the Ninth Century? // AEMA, III, 1983. P. 265–281.
- 135 T.S. Noonan. Why Dirhams Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest Islamic Trade with Eastern Europe // AEMA, IV, 1984. P. 151–282.
- 136 T.S. Noonan. When Did Rus/Rus' Merchants First Visit Khazaria and Baghdad? // AEMA, VII, 1987–1991. P. 213–219.
- 137 T.S. Noonan. Khazaria as an Intermediary Between Islam and Eastern Europe in the Second Half of the Ninth Century // AEMA, V, 1985. P. 179–204.
- 138 T.S. Noonan. Byzantium and the Khazars: A Special Relationship? // J. Shepard, S. Franklin (ed.). Byzantine Diplomacy. Aldershot, 1992. P. 109–132.
- 139 T.S. Noonan. Fluctuations in Islamic Trade Into Eastern Europe During the Viking Age // HUS, XVI/3-4, 1992. P. 237–259.
- 140 T.S. Noonan. The Khazar Economy // AEMA, IX, 1995–1997. P. 254–318.
- 141 М.Г. Магомедов. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 176–177.
- 142 Магомедов. Там же, с. 8.
- 143 См.: Магомедов. Там же, с. 174, где автор ложно истолковывает сообщения о загадочных брутасках (буртасы русских летописей, Вrutaxi) (которые, возможно, были в Волжском регионе). Единственной вероятной связью последних с хазарами может являться их иудаизм, что не подтверждается другими источниками.
- 144 В.К. Михеев. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- 145 Новосельцев. Хазарское государство, см. прим. 60.
- 146 Новосельцев. Там же, с. 83–91.
- 147 Новосельцев. Там же, с. 219–231.
- 148 Новосельцев. Там же, с. 187.
- 149 Cs. Bálint. Some Archaeological Addenda to Golden's Khazar Studies // Acta Orientalia Hungarica, 35, 1981. P. 397–412.
- 150 Bálint. Die Archäologie der Steppe. Wien-Köln, 1989.
- 151 С.А. Плетнева. Саркел и «шелковый путь». Воронеж, 1996.
- 152 См. прим. 80.
- 153 Плетнева. Очерки. С. 3–5, 207.
- 154 Плетнева. Там же, с. 207.
- 155 Плетнева. Там же, с. 205, 209–210.
- 156 Плетнева. Там же, с. 191–194.
- 157 R.A.E. Mason. The Religious Beliefs of the Khazars // Ukrainian Quarterly. LX/4, Winter, 1995. P. 383–415.
- 158 Ibid. P. 387.
- 159 В.Е. Флерова. Граффити Хазарии. М., 1997.
- 160 Плетнева. Очерки. С. 211–214.
- 161 Кызласов. Рунические письменности. С. 42, 65–78.
- 162 Плетнева. Очерки. С. 218.
- 163 С.А. Ромашов. Историческая география Хазарского каганата (V–XIII вв.) // AEMA, II (2000–2001). P. 219–338, 12 (2002–2003). P. 81–221. См. также автореферат: Исто-

- рическая география Хазарского каганата в период формирования и расцвета (V–IX вв.). М., 1992.
- 164 См.: W.B. Henning. A Farewell to the Khagan of the Aq-Aqataran // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, XIV, 1952. P. 501–522; Гадло. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. С. 59–66; Pritsak. The Khazar Kingdom's Conversion // *HUS*, 2, 1978. P. 261–263, допускающие также тюркский компонент. По поводу языковых форм названий см.: Gy.J. Moravcsik, *Byzantinoturcica*, II. P. 58–59.
- 165 Németh. НМК, p. 204, НМК изд. 2-ое. P. 162–163; Czeglédy. Age of Migrations // АЕМА, III, 1983. P. 104–106; Golden. *Khazar Studies*, I, p. 53.
- 166 Артамонов. История хазар. С. 43, 68, 76, 115, 127, за ним пошли Новосельцев и другие.
- 167 Dunlop. *History*. P. 34–40.
- 168 Ludwig. *Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches*. P. 24 ff.
- 169 Dunlop. *History*. P. 20–22; Артамонов. История хазар. С. 116–117.
- 170 Marquart, *Osteuropaische und ostasiatische Streifzüge*. P. 355–356; Dunlop. *History*, p. 7.
- 171 Czeglédy. Age of Migrations // АЕМА, III, 1983. P. 103–106.
- 172 М. Erdal. Ein unbemerkter chazarischer Eigenname // *Turk Dilleri Arařtırmaları*, 1991. P. 31–36; S.G. Klyashtorny. About One Khazar Title in Ibn Fadlan // *Manuscripta Orientalia* 3/3, Nov., 1997. P. 22–23.
- 173 На эту тему см.: А.П. Новосельцев. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. *История СССР*, № 4, 1982. С. 150–159; P.B. Golden. The Question of the Rus' Qaganate // АЕМА, II, 1982. P. 77–97; O. Pritsak. The Origin of Rus'. Cambridge, Mass., 1981, I. P. 26–28, 182, 583, а также Golb and Pritsak. *Khazarian Hebrew Documents*. P. 64–65.
- 174 O. Pritsak. The System of Government under Volodimir the Great // *HUS*, XIX, 1995. P. 572–593.
- 175 O. Pritsak. The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems. Cambridge, Mass., 1998, esp. p. 22–32.
- 176 В. Weinryb. The Beginnings of East European Jewry in Legend and Historiography // *Studies and Essays in Honor of Abraham A. Neuman*. M. Ben-Horin et al. (eds.). Leiden, 1962. P. 445–502. Новейшая литература и современные научные дискуссии отчасти освещены в: O. Pritsak. The Pre-Ashkenazic Jews of Eastern Europe. Aster, Potichnyj (eds.). *Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspective*. P. 3–21; L.S. Chekin. The Role of Jews in Early Russian Civilization in the Light of a New Discovery and New Controversies. *Russian History // Histoire Russe*, 17, № 4, Winter, 1990. P. 379–394.
- 177 S.W. Baron. *A Social and Religious History of the Jews*. New York, 1937–1983, III. P. 204–206.
- 178 P. Wexler. *The Ashkenazic Jews. A Slavo-Turkic People in Search of a Jewish Identity*. Columbus, Ohio, 1993.
- 179 На эту тему см. одну из новейших работ: С. Zuckerman. On the Date of the Khazars' Conversion to Judaism and the Chronology of the Rus' Oleg and Igor // *REB*, 53, 1995. P. 237–270.
- 180 Работа А.Р. Шихсаидова является важным шагом в этом направлении. См. его: Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи (к вопросу об изучении) // *Письменные памятники Востока*, М., 1972; Дагестанские исторические сочинения // *Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока*. М., 1984; и вышедшая недавно: А.Р. Шихсаидов, Т.М. Айтбеков, Г.М.-Р. Оразаев. *Дагестанские исторические сочинения*. М., 1993.

Перевод с английского Д. Васютинской и М. Эзера

ХАЗАРЫ И МАДЬЯРЫ

В основе этой статьи лежит моя книга «Hungarians and Europe in the Early Middle Ages»¹. Она рассматривает проблемы ранней истории венгров и Восточной Европы до середины X в. и в особенности контактов между венграми и тюрками, среди которых хазары играли доминирующую роль.

В дальнейшем я обращаю внимание на некоторые из моих результатов.

1. Хазарские исследования в Венгрии²

Основные этапы изучения хазар в Венгрии:

1. Хазары в латинских хрониках XII–XVII вв.
2. Хазары в исторических исследованиях XVIII – начала XIX вв.
3. Хазары в так называемой угорско-тюркской дискуссии по вопросу о происхождении венгров; работы Вамбери, который утверждал, что венгры были тюркского происхождения³, а также Буденца, Ханфолви, Полера, Мункачи и др.
4. XX век: Золтан Гомбоц, Юлиус Немет, Луис (Лайош) Лигети и другие.
5. Современные исследования.

Общепризнанно исключительное значение работы Гомбоца (*Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache*, 1912)⁴, менее известны изменения, которым подвергалась его точка зрения⁵. Остается совершенно неизвестным, что Луис Лигети, ключевая фигура⁶ в венгерской ориенталистике, прочел лекцию по хазарам в 1945 году в Венгерской академии наук, которая никогда не была опубликована⁷.

Статья Лигети о «Киевском письме» (1981 г., опубликована в 1984 г.) поднимает ряд проблем, связанных со словом, написанным руническим письмом, в связи с предыдущей его интерпретацией, предложенной Прицаком (Golb–Pritsak, 1982). Последняя, наиболее важная монография Лигети, опубликованная в 1986 г., *A magyar nyelv török Kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-Korban* («Тюркские связи венгерского языка в период до Завоевания Родины и во время Арпада»), не воспринята большинством ученых, и не только потому, что она была опубликована лишь на венгерском языке, но и из-за ее структуры и недостаточной аргументированности отдельных выводов⁸.

Если бы я был вынужден заключить в одном предложении историю хазарских исследований в Венгрии, я бы сказал: «Это история своего рода умалчивания “хазарский проблемы”»⁹.

2. Названия хазар

Названия хазар играют важную роль в определении их языка. В своей работе, опубликованной в 1912 г., Гомбоц предложил свой анализ имени хазар. Он утверждал, что

- а) это самоназвание;
- б) оно имеет корневое z-;
- в) оно является тюркским по происхождению.

Отсюда Гомбоц пришел к следующему выводу: «Aus der oben gegebenen Deutung des Namens **Kazar** kann nur gefolgert werden, dass das Chasarische eine z- sprache war, und folgedessen als Quelle der alttürkischen Lehnwörter der ungarischen Sprache nicht in betracht kommt» (1912, С. 199, приводится в авторской орфографии).

Это утверждение было принято поздними исследователями и оказало влияние не только на изучение тюркских заимствований в венгерском языке, но и на выводы по ряду исторических проблем, связанных с хазарами. Мы знаем из Приска, что около 463 г. н. э. огурские племена появились в Восточной Европе. Затем, после основания первого Тюркского каганата в 551 г., восточные тюркские племена также достигли Европы. Если хазары говорили на z-тюркском языке, они могли попасть на запад лишь после середины VI в., если же они говорили на огурском или г-тюркском языке, то они относятся к племенам, прибывшим в середине V в.

Открытие терхских надписей К. Доржшюреном и их публикации Шинехюю (1975), С. Кляшторным (1980, английская версия вышла в 1983 г.) и Т. Текином (1982) внесли решающее изменение в дискуссию. Терхская надпись¹⁰, выполненная тюркскими рунами и датированная 754 г. н. э., содержит тюркскую форму названия хазар (qasar). В двух последующих статьях, вышедших в 1982 и 1983 г. соответственно, я утверждал, что именно форма с интервокальным -s- является оригинальной. Я показал, что гла-

гол *qas*, на котором была основана этимология Гомбоца, никогда не существовал¹¹.

Я отметил, что форма *Qasar* появляется также и в других источниках (надписи Шине Усу и Теза, китайские и сирийские источники и др.). Наконец, я утверждал, что термин «хасар» через иранское посредничество восходит к титулу «*qasar*», который происходит от имени «кесарь», как и титулы «кайзер» и «царь». Существование в ираноязычном мире титула «кесарь» отмечается с конца III века н. э. Этот титул через иранское посредничество появляется в древней тибетской литературе как «гесарь». Позднее он становится центральной фигурой знаменитого тибетского эпического цикла.

Гесаритский эпос был передан от тибетских народов к монголам, где этот термин в соответствии с законом гармонии гласных изменился на «гесер», вследствие того, что ударение в монгольском языке падает на первый слог.

Он дошел также и до тюрков. Мы располагаем письменными источниками и нумизматическими свидетельствами о тюркском правителе династии Тюрк Шахи, которого звали Фромо Кесар – «Романский» Кесарь. В языке, где ударение падает на последний слог, как в тюркском, гласная гармония превращает слово в *qasar*. Титул может стать названием группы людей, если их лидер принимает этот титул. Так народ «ябгу» назывался ябгу или ябгуйя; народ «керал» (от имени Карла Великого, славянское «*kral*», венгерское «*királi*» – «король») стал «карел» (из «Тайной истории монголов»). Народ «тархана» дал имя венгерскому племени *Tarján*. Монголы также приняли тюркскую форму, давшую имя брату Чингисхана Касару. Если правильно утверждение Альтхейма (Altheim, 1959), недавно принятое и аргументированное Людвигом (Ludwig, 1982), что хазары, или по крайней мере их правящие роды, пришли из Хорасана, исторический фон для превращения титула ясен. Эта этимология также исключает столь долго обсуждаемую теорию уйгурского происхождения хазар и делает возможным то, что племя *Qasar*, упоминаемое в китайском сочинении Танг Шу (Hamilton, 1955), присоединилось к уйгурам позднее и пришло с запада.

К несколько иному выводу пришел Л. Базен (1981–1982, публикация 1983 г.), согласно которому имя «хасар» может происходить от глагола, зафиксированного в турецком языке как *Kas* – «натягивать», «сжимать», «укорачивать». Тогда существует и форма герундия *kasır kavur* – «притеснять», «угнетать»¹². Попытки предложить этимологии для этнических названий от похоже звучащих слов не новы. Мы находим такие этимологии уже в работах Исидора Севильского. Тем не менее с трудом представляется, чтобы народы в прошлом могли начать называть себя «мы, угнетатели».

Т. Сенга (Senga, 1990), анализируя китайские источники, упоминающие «хазар», предположил, что в них имеется в виду не название племени, а прозвище племенного вождя. Это не имеет значения, поскольку названия

племен, внутриплеменных и межплеменных объединений часто переходили из одного в другое. Если «хазар» представлялся для редактора «Тан хуй-йао» или «Джиу Тан-шу» как «хинг» – «прозвище, родовое имя», то это оказывается второй стадией в трансформации «титул» → «родовое название» → «племенное название» → «этническое название». Тем не менее исторические факты представляются более сложными. Во всяком случае, тот факт, что -z- не является оригинальным звуком в этнониме «хазар», открывает дорогу для правильной интерпретации тюркских заимствований в венгерском языке¹³, а также решения многих вопросов истории хазар.

3. Венгерский язык как источник по истории хазарского языка и этноса

В работе Гамбоца 1912 г. мы находим 227 слов, которые, по его утверждению, являются по происхождению древнетюркскими, точнее, болгаро-тюркскими. Сам этот перечень представляет значительную научную ценность. Вместе с тем достигнутый за последние 90 лет¹⁴ значительный прогресс в изучении истории тюркских языков и истории венгерского языка ставит вопрос о необходимости пересмотра этой проблемы заново.

Со времени выхода в свет работы Гомбоца многие ученые исследовали тюркские элементы в венгерском языке¹⁵. Я не имею возможности здесь входить в детали, достаточно упомянуть, что около 20% из предложенных Гомбоцем этимологий пересмотрены и признаны неверными. Более важным представляется то, что список общего числа заимствований за это время был почти удвоен. Список, подготовленный мной для готовящейся к печати монографии по древнетюркским заимствованиям в венгерском языке, включает около 450 слов.

В этом смысле венгерский язык является наиболее перспективным источником для изучения языка хазар и болгар¹⁶. Среди ряда уместных вопросов я хотел бы упомянуть здесь только проблемы языка-источника, хронологии и семантики.

Существуют два основных кандидата на роль языка-источника древнетюркских заимствований в венгерском языке: хазарский и оногуро-болгарский. Мы, однако, не можем исключить того, что среди тюркских языков, на которых говорили в Восточной Европе с V по X в., не существовали иные, не огурские языки (см.: Róna-Tas, 1998).

Теперь можно увидеть, что проблема хазарского языка становится еще более запутанной, нежели ранее. В Хазарской империи говорили не на одном, а на многих языках. Вполне вероятно, что наиболее распространенным был г-тюркский или огурский язык. Язык оногуро-булгаров также был г-тюркским. Тем не менее в некоторых случаях мы можем различать хазарские и болгарские элементы в венгерском. Существуют два очень важных изменения в языке хазар, которые мы можем датировать IX–X вв. Первое –

это изменение заднего звука k- на x- в начале слова (ср.: qan baliq «столица, город хана» > Xanbalik, другое название для хазарской столицы Итиля, откуда развилась форма Xambalik и позднее Xamlík, и наконец Xamlíx и Xamlíy¹⁷). Другое изменение интервокального звука -d- в межзубный фрикативный звук ð (как th в английском the).

Мы располагаем двумя примерами, в которых два изменения появляются одновременно. Название березы в древнетюркском kading, однако согласно Ибн Фадлану (921–922) оно звучало как хаðing, а мусульманский судья, «кади» был назван хази, что является неточной передачей арабского qādi, которое произносилось хазарами как хаði. В венгерском языке звук x- перешел в h-, как в hajó «корабль» — хауiу < древнетюркское *qauiq (ср. английское kayak — «каное»), венгерское homok — «песок» — хумак, ср. древнетюркское *qum.

Звук -ð- в венгерском перешел в -z-, но только после -g-, венгерское búza «зерно» — bugðai < древнетюркское bugdai, венгерское tüzok — «дрофа» — togðay < древнетюркское bugdaq¹⁸. Это означает, что изменения еще только начинались, когда венгры заимствовали эти слова. Наиболее характерное изменение в языке хазар заключалось в том, что -s- в начальной позиции перед предыдущим и последующим -i- переходило в -š- (ср. название Sharkel). Это было отражено в венгерском, см., например, serke (читается sherke) — «гнида» — sirke < древнетюркское sirke, венгерское sár (читается shar) — «грязь» — šiar < древнетюркское saz¹⁹.

Легче установить периодизацию заимствования или копирования слов. Этот процесс начинается в VI в., и значительное число древнетюркских слов вошло приблизительно до 800 года. Но это еще не все. Некоторые слова могли еще быть заимствованы в IX в.²⁰ Новые данные представляют результаты исследования языка авар, живших в Карпатском бассейне в период с 567 г. до мадьярского вторжения в 895 г. Мы сейчас обладаем новыми данными по языку ранних авар и можем утверждать, что они также говорили на огурском языке²¹. В 670–680 гг. часть болгарских племен присоединилась к аварам, и они начали играть важную роль в Аварской империи.

Франки в первой половине IX в. разгромили Аварский каганат, и это ускорило славизацию его населения. Ко времени прибытия венгров в Карпатский бассейн в 895 г. большая часть аваров уже была двуязычной, тюрко-славянской. Здесь возникает интересный вопрос: не могли ли венгры получить часть своих древнетюркских заимствований уже в Карпатском бассейне? В некоторых случаях мы даем позитивный ответ на этот вопрос²².

Семантика заимствований весьма широка, она включает животноводческие, сельскохозяйственные, садоводческие понятия, термины, относящиеся к политической организации, социальным контактам, верованиям и другие. Они представляют яркую картину повседневной жизни хазар и хазаро-венгерских контактов.

Наибольший интерес представляют сельскохозяйственные и садоводческие понятия, поскольку они отражают не вполне кочевнический характер экономики, несут сильный оседлый компонент тюркского происхождения. Далее я привожу только выборку венгерских слов, связанных с сельским хозяйством и садоводством, без каких-либо лингвистических деталей (на первом месте я даю венгерское слово в соответствии с его современной орфографией, на втором после знака — я даю предполагаемое хазарское слово, за которым, в случае необходимости, следует древнетюркская форма): alma — «яблоко» — alma, árok — «канавы», «канал» — aruq, ágra — «ячмень» — arpa, bor — «вино» — bor, borsó — «горох» — burçae < древнетюркское burçag, búza — «зерно» — bugđai (см. выше), csepű — «цепь» — čeriy < древнетюркское čerig, kender — «конопля» — kendir, gyümölcs — «фрукт» — jemič < древнетюркское čerig, komló — «хмель» — kumlay < древнетюркское kumlag, sarló — «серп» — čarlıy < древнетюркское čarlig, szőlő — «вино-град» — jedlig < древнетюркское jedlig, őrlő — «молот» — övir < древнетюркское ögig-, eke — «плуг» — ekey < древнетюркское ek — «сеять», «выращивать», «пахать»²³.

4. Ранние контакты: хазары и мадьяры в V по VII в.

Когда в V в. н.э. тюрки появились с востока, из казахской степи, венгры жили в южной части Урала, а не на территории современной Башкирии, как это утверждают некоторые ученые²⁴. Изменения в образе жизни были более постепенными, нежели предполагали до настоящего времени. От примитивного сельского хозяйства и животноводства происходил медленный переход к кочевому образу жизни. Вместо ранних иранских и пермских племен венгры вступили в контакт с новыми соседями. Среди этих соседей мы можем предполагать также предков или некоторых из предков хазар²⁵.

В конце VI в. или в самом начале VII в. венгры мигрируют к юго-западу и занимают территорию болгарских племен, которые в свою очередь оставляют этот регион и оседают в междуречье Донца–Днестра–Буга.

В регионе Кубани–Дона венгры вступили в близкий контакт с хазарами, первое упоминание о которых мы находим около 540 г. в Kāpnātag (Деяния Хосрова Ануширвана, арабский перевод Мискавейха (ум. 1030 г.), публикация Grignaschi, 1966)²⁶ и в 555 г. в сирийском географическом приложении к апокалиптической истории Захарии Ритора²⁷.

5. Болгария Куврата, ее новая локализация и ее разгром хазаро-мадьярской коалицией

Согласно византийским источникам, Куврат, правитель болгар, восстал против аваров и провозгласил свою независимость в 635 г. До настоящего времени считалось общепринятым мнение (основанное преимуще-

ственно на исследованиях Моравчика), согласно которому Булгарская империя Куврата располагалась в районе Кубани. Это мнение нуждается в настоящее время в пересмотре. Идентификация могилы Куврата Вернером и его кольца-печатки Зайбтом (Werner, 1984), новая интерпретация некоторых отрывков из «Армянской географии» Анания Ширакаци [ранее цитировался как Псевдо-Мовсес Хоренаци, сейчас издан в редакции Хьюсена (Hewsen, 1992)], пересмотр сочинений Феофана и Никифора, точнее, их совместного источника, а также путевых заметок Константина Багрянородного демонстрируют, что Булгария Куврата находилась в районе Днепра, а не в районе Кубани²⁸.

Этот вывод имеет исключительную важность, поскольку история независимой Хазарской империи начинается в 670 г., когда хазары в союзе с венграми разгромили булгар. Одна группа булгар – кутригуры – перешла Дон и поселилась на его левом берегу. Другая группа мигрировала на Нижний Дон и основала Дунайскую Болгарию; еще одна нашла убежище среди аваров в Карпатском бассейне. Также небольшие группы булгар появились в Далматии и даже в Италии. Булгары, во главе которых находился Бат Байан, перешли под хазарский контроль, позднее ушли на север и медленно начали двигаться к северо-востоку. Их потомки позднее появятся как волжские булгары.

6. Миграция мадьяр из региона Кубани в Этелькёз, район Днепра–Дуная, конец VII в.

После разгрома булгар хазары преследовали их до Дона. Власть хазар достигла Крымского полуострова и в большей или меньшей степени распространилась над всеми причерноморскими степями. Переселение венгров в регион, оставленный булгарами, должно было быть политическим решением хазар. Венгры постепенно заняли территорию между Днепром и Нижним Дунаем, где они выступили в роли пограничников. Это и есть земля, называемая венграми Этелькюзю²⁹ (Месопотамия) и описанная позднее Константином Багрянородным. До конца VII в. венгры защищали западные границы Хазарской империи. Проблема Леведии и Этелькюзю широко обсуждалась в венгерской литературе, однако я не могу здесь входить в эту дискуссию³⁰.

7. Хазаро-мадьярские политические отношения в VIII–IX вв.

В первый период жизни венгров в Этелькюзю их отношения с хазарами были весьма тесными. Это отразилось, помимо прочего, в том, что главный венгерский вождь имел хазарскую жену. Очень тесные отношения возможно также проследить в зеркале хазарских заимствований в венгерском языке.

Около 800 г. н.э. ситуация изменилась. Три восставших хазарских племени, называемые «хабарами» или «каварами»³¹, оставили хазар и присоединились к венгерскому межплеменному союзу. Если бы венгры находились под тяжелым хазарским гнетом, не было бы никакого смысла искать у них убежища. С одной стороны, можно с уверенностью сказать, что венгры не были полностью независимы от хазар. Полностью независимый правитель в степях брал титул кагана, а с венграми этого не произошло. В сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» мы находим интересную историю. Она связана с тем, что за некоторое время до этого хазарский правитель хотел поставить Леведия, главного вождя венгров, первым архонтом венгров. Леведий, однако, воспротивился такой чести и предложил это предоставить другому роду, его главе Алмушу или его сыну Арпаду. Так и произошло, Арпад был избран. Эта история, записанная со слов венгерских посланцев в Константинополе, долгое время воспринималась буквально.

Я думаю, однако, что эта история была несколько искажена. Род Леведия, лояльный по отношению к хазарам, был отстранен, а род Алмуша захватил верховную власть. Это было представлено как жест «благородства» Леведия. Несмотря на это, хазарский правитель формально признал переход власти.

Отношения между венграми и хазарами в IX в. были очень похожи на отношения между правителем волжских булгар и хазарами в X в. После 800 г. хазарский суверенитет над венграми носил лишь формальный характер.

8. Роль Хазарской империи в образовании мадьярской племенной конфедерации. Кавары. Существовало ли сакральное царство у мадьяр?

В первый период, до 800 г., венгерская политическая организация находилась под существенным влиянием хазарской власти. Она была организована как племенная конфедерация, однако имела над собой представителя хазарской власти, наиболее вероятно обладавшего титулом йилтевер³².

Рисплинг (1990) показал, что на монетах волжских булгар необходимо читать вместо ал-Амир Барман ал-Амир Йилтевер, поскольку -t- написано с -та-. Ранняя форма *ilteber* изменилась на *yilteber* > *yiltever*.

После 800 г. заново пришедшие три племени каваров были объединены в одно и присоединены в качестве восьмого племени к семи венгерским племенам (венгерское *Hetümojer*, *Hétmagyar* – «Семь мадьяр»). Кавары играли важную роль в конфедерации. Крепость Саркел была построена около 838 г., вероятнее всего, против венгров. В 862 г. западные источники упоминают уже вторжение венгров на территорию Франкской империи.

Похожие записи отмечены в 881, 892 и 904 гг. Хотя в западных хрониках лишь однажды (под 881 годом, в Зальцбургских анналах) упоминаются кавары (cowarī), можно с уверенностью говорить о том, что они играли важную роль во всех венгерских кампаниях на западе.

Существует известное описание венгров, датированное временем около 870 г. Наиболее вероятно, что это часть второго сочинения Ибн Хордадбе-ха (написанного около 885–886 гг.), однако взято непосредственно у ал-Джайхани (ум. в 941 г.).

Это сообщение дошло до нас из более поздних сочинений Ибн Руста и персидского автора Гардизи. Согласно тексту этого сообщения, венгры имели формального правителя, обладавшего титулом *kūnde*, и реального правителя, стоявшего во главе войск, а также управлявшего другими делами, – *jīla*. Эта система была изменена ко времени завоевания Карпатского бассейна. Правителем стал Арпад, он стал *kūnde* и оставался в то же время реальным правителем. Вторым вслед за ним следовал *jīla*, а третьим в этой иерархии был *karkha*. В качестве модели для этой системы была выбрана хазарская. В дальнейшем произошло то же самое, что и с Каролингской династией во время ее возвышения, когда Карл Мартелл, майордом или главнокомандующий при династии Меровингов, захватил власть и основал династию Каролингов.

У венгров нельзя проследить следов сакрального царства. Некоторые ученые вслед за К. Цегледи (Czeglegy, 1966, 1974) утверждали, что сакральное царство существовало у венгров и было видоизменено под влиянием хазар. Эта гипотеза недоказуема. Соправительство слабого царя и сильного военнoкомандующего является лишь одним из условий реализации сакрального царства. Венгры под натиском печенегов и дунайских булгар вынуждены были пересмотреть свою политику. Для эволюции сакрального царства не осталось времени.

9. Хазары, печенеги и венгры: венгерское завоевание Карпатского бассейна в 895 г.

В 894 г. венгры разгромили дунайских булгар. В том же году печенеги под нажимом огузов перешли Волгу и попытались прорваться в Хазарию. Эта попытка оказалась неудачной. В начале 895 г. армия венгров перешла Карпаты и атаковала булгар. Византийская администрация, обещавшая нанести удар с юга, не сдержала своего обещания. У дунайских булгар оказались развязанными руки, и в союзе с печенегами они схватили в двойные клещи венгров, которые оставили Этелькюзю и заняли восточную часть Карпатского бассейна. Печенеги стали хозяевами причерноморских степей от Дона до Нижнего Дуная. Это изменило баланс сил вокруг Хазарии.

10. Хазаро-венгерские отношения в X в.: переписка Хасдая ибн Шапрута бен Ицхака и царя Иосифа

Осуществляли ли венгры какие-либо контакты с хазарами после Завоевания 895 г.? Некоторые источники описывают такие контакты, носившие торговый характер. Византийские источники повествуют о торговых поездках венгров на восток, очевидно к хазарам, а также к венграм, которые вместе с булгарами ушли в Волго-Камский регион. В трактате «Об управлении империей» мы читаем: «Через некоторое время печенеги, напав на турок (т.е. на венгров), изгнали их вместе с архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь турки по сей день. С тех пор турки не испытывали войны от печенегов. К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания» (цит. по: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991, под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. С. 162–163).

Часть хорезмийцев, которые играли значительную роль в жизни Хазарии в X в., также нашли свой дом в Венгрии. Венгерские источники называют их «хализ». В знаменитом письме Хасдая ибн Шапрута к хазарскому царю Иосифу мы читаем, что письмо было послано через евреев, живущих в стране Hungrin, т.е. венгров. Они передали письмо через Русь и Булгар к правителю хазар. В письме царя Иосифа мы читаем, что его власть простиралась до «печенегов»³³, и эти печенеги кочевали до границ *«венгров»³⁴, «и они многочисленны, как песок, который на берегу моря во множестве. Все они служат (мне) и платят мне дань» (см.: Коковцов, 1932. С. 102).

Заключение

История венгров и хазар тесно связана друг с другом. Лингвистические данные весьма обильны с венгерской стороны до конца IX в. Со второй половины IX в. письменные источники также помогают нам воссоздать картину хазаро-венгерских отношений. Несмотря на это число нерешенных вопросов остается больше, чем решенных, и решения могут быть достигнуты лишь путем тесного сотрудничества нескольких ученых.

Примечания

- 1 Эта статья является расширенной и отредактированной версией моей книги на венгерском языке «A honfoglaló magyar nép» (Венгры в период Завоевания). Budapest, 1996, 2-е изд. 1997.
- 2 Питер Голден в своей лекции *The Khazars in Modern Research – Past Achievements and Future Goals and Prospects* (см. статью в данном томе) затрагивает историю венгерских

- исследований хазар. Он, разумеется, должен был быть изобретателем в силу ограниченности местом и временем. В данном разделе я предлагаю периодизацию и упоминаю лишь некоторые проблемы, не затронутые им.
- 3 Это, разумеется, излишне упрощение. Вамбери, который изменял свою точку зрения на протяжении жизни, имеет огромные заслуги в изучении контактов венгров и тюрков в раннем Средневековье. Он был полон гениальных идей, обладал уникальными знаниями в области тюркских языков, однако в то же время его исключительная фантазия не всегда находилась под должным критическим контролем.
 - 4 Эта работа была опубликована на венгерском языке в 1908 г.
 - 5 Согласно изложенному ранее мнению Гомбоца (мы будем его называть Гомбоц 1), венгры мигрировали с севера, а первые их контакты с булгаро-тюрками произошли в районе Волги. Позднее Гомбоц изменил свое мнение (мы будем его называть Гомбоц 2) и предположил, что эти контакты начались южнее и намного раньше, около VI в. н. э., к северу от Кавказа.
 - 6 Лигети был вице-президентом Венгерской академии наук, президентом ее Восточной комиссии, основателем *Acta Orientalia*, главой факультета Центральной Азии, Института изучения Китая и Дальнего Востока, а также некоторое время стоял у главы факультета тюркологии в Будапештском университете. Почти все венгерские ученые-ориенталисты (тюркологи, монголоеды, тибетологи, синологи и др.) после 1945 г. были его учениками, или, по меньшей мере, он сыграл значительную роль в их карьере.
 - 7 Я знаю об этом только из личной беседы с проф. Л. Лигети. До настоящего времени я не смог обнаружить никаких иных документальных подтверждений, относящихся к этой лекции. Она была прочитана вскоре после окончания Второй мировой войны, когда деятельность Венгерской академии еще не стабилизировалась.
 - 8 Эта книга вышла в свет (декабрь 1986 г.) за несколько месяцев до смерти автора (24 мая 1987 г.). Он хотел бы посвятить больше времени работе над книгой, однако чувствовал, что его время на исходе. В этой книге есть две главы, посвященные хазарам. Первая (Хазары и кабары. С. 353–360) посвящена изучению ранней истории и периода расцвета Хазарской империи. Во второй (Упадок Хазарской империи. С. 366–370) обсуждается ее история в X в. и хазарский вклад в венгерский язык и политическую структуру венгров. Важные замечания по хазарской проблеме заброшены по всей книге, однако они с трудом могут быть собраны.
 - 9 Было бы несправедливо утверждать, что венгерская наука не занималась хазарской проблемой. Кроме того, исследователи уделяли основное внимание изучению филологических и лингвистических проблем, пытаясь в то же время обойти исторические. Этому есть много причин. Одна из них в том, что после прихода к власти коммунистов в Венгрии многие ученые определили себя как лингвисты, поскольку историки были вынуждены полностью освоить марксистскую идеологию, тогда как лингвисты могли обходиться несколькими цитатами. Постоянный антисемитизм был другой причиной. В качестве третьей причины я должен указать на то, что не было достаточно компетентного гебраиста, который был бы заинтересован в изучении хазарской истории. Профессор Шейбер, которого я неоднократно просил о сотрудничестве с нами, всегда отвечал отказом, хотя и был готов помочь по другим вопросам.
 - 10 Эта надпись раньше называлась Тариатской по имени местности, в которой была найдена. Позднее она получила название надписи Терхин-гола (реки Терхин) и ошибочно упоминалась как Терхинская. Терхинская надпись (753–754) вместе с надписью Теза (750) и Мойин-Хрской или иначе Шине-Усунской надписью (759/760) была написана восточнотюркским руническим письмом и относится к первому периоду существования Уйгурского каганата. Название хазар появляется на всех них, и все три надписи должны изучаться вместе.
 - 11 В данной статье я также разбирал ранние попытки этимологии названия хазар. Я показал, что никогда не существовало тюркского слова *kaz* «herumschweifen». Это слово было выдуманно Вамбери и затем взято у него Паве де Куртейле. Слово, которое молодой Немет взял из кумыкского языка, является местной диалектной фор-

- мой тюркского каб. К сожалению, это несуществующее слово цитируется и повторяется учеными спустя десятилетия.
- 12 Во всяком случае турецкое слово является поздней и вторичной формой от турецкого глагола *kis* – «укорачивать», «резать», «экономить» < древнетюркское – «сжимать», «сдавливаться», «щипать».
- 13 К этому, разумеется, следует добавить то, что происхождение этнического названия само по себе еще не дает прозрачного намека на язык народа, к которому оно относится. Французы не говорят на германском франкском языке, точно так же и русские не используют язык русов-норманнов.
- 14 Этот список впервые был опубликован на венгерском языке в 1908 г.
- 15 Лучший обзор находится в: Benkő, 1993–1994.
- 16 См. статью М. Эрдала в этом томе.
- 17 По вопросу об этих формах и их возможных прочтениях см.: Golden, 1980, с. 230–234.
- 18 В чувашском языке заднебное *-k-* стало *-x-*, а *-d-* через *-δ-* → *-z-* → *-k-*.
- 19 В своей книге я рассматриваю все критерии, по которым древнетюркские заимствования в венгерском языке были классифицированы, а также и процесс адаптации слов в фонетической системе древневенгерского языка (Róna-Tas, 1999, с. 106–109).
- 20 Константин Багрянородный упоминает, что кавары выучили язык мадьяров и в то же время говорили еще и на собственном языке. Венгры могли заимствовать некоторые слова от каваров уже после того, как те присоединились к венгерскому племенному союзу, однако маловероятно, что они копировали хазарские слова после того, как стали практически независимы около 800 г.
- 21 Как я показал в моих работах (Róna-Tas, 1996 и Róna-Tas, 1999, с. 209–212), «жуанжуани», или «азиатские авары», и по крайней мере одна из основных частей аваров в Европе говорили на огурском языке.
- 22 См., например, слово *terem* – «зал», ранее «большая юрта» (Róna-Tas, 1996).
- 23 Многие из этих тюркских слов являются по происхождению совсем не тюркскими, как, например, слово, обозначающее яблоко, о чем см.: Erdal, 1993.
- 24 См. Fodor (1982), Kristo (1996). В моей книге (Róna-Tas, 1999) я изложил свою аргументацию в пользу того, почему мы должны исключить теорию Волго-Камской «прародины» венгров. Мы можем проследить в этом регионе венгров лишь с IX в., когда они пришли туда вместе с волжскими булгарами.
- 25 У меня нет возможности в рамках этой статьи предложить комплексное обсуждение проблемы этногенеза хазар. Можно с уверенностью говорить о том, что огурские племена приняли участие в формировании хазарского племенного союза. Эти огурские племена мигрировали на восток во второй половине IV века и достигли региона Нижней Волги и Северного Кавказа во второй половине V в. В это время венгры находились в южной части Урала. Весьма вероятно, что тогда и начались их контакты. Тем не менее первые письменные источники, фиксирующие хазаро-венгерские контакты, относятся к периоду не ранее VII в.
- 26 Эти сведения недавно были привлечены Людвигом (Ludwig, 1982), который проанализировал данные, опубликованы Гриньяски (Grignaschi, 1966, см. также 1972). Наиболее ранние сведения о двух эпизодах, упомянутых в Karnatag, относятся к периоду между 540 и 544 г. Это должно быть время первых контактов персидского правителя Хосрова Ануширвана с хазарами, или, по крайней мере, когда таковые упомянуты в источнике.
- 27 Название хазар появляется в форме XSR в перечне северных народов. Тем не менее, хотя уже первый издатель текста идентифицировал это имя с хазарами, позднее Маркварт утверждал, что это название племен акациров. Это невозможно, поскольку форма «акацир» является вторичной латинской передачей имени, в оригинале звучавшего как «акатир». Несмотря на весь авторитет Маркварта, его утверждение не может быть принято. Сирийский текст имел также, помимо византийских, среднеперсидские источники и передает то же самое название как *Kāpnātag*. В таком случае первое упоминание хазар должно быть датировано между 540 и 555 г. Это не обязательно означает, что хазары прибыли именно в это время, они могли находиться на Северном Кавказе несколькими десятилетиями раньше.

- 28 Данные результаты были приведены в: Róna-Tas, 1999.
- 29 Тюрское слово *etil* – «река» было заимствовано также венграми. Вторая часть этого географического названия в современном венгерском *köz* – «промежуточное пространство», в современной венгерской научной литературе этот регион называется *Etelköz*. В сочинении Константина Багрянородного он появляется как *Atelkouzou*.
- 30 Согласно Константину Багрянородному, венгры сначала жили в местности, называемой *Леведия* по имени их главы *Леведия*. Отсюда они ушли в *Этелькюзю*. Пристальный анализ текста показывает, тем не менее, что *Леведий* жил в *Этелькюзю*, а *Леведия*, если вообще она существовала когда-либо под этим именем, обозначала лишь территорию племени *Леведия*, а не всех венгров. По отдельным вопросам этой дискуссии см.: Róna-Tas, 1999. С. 325–329, 413–421, содержащую также другую литературу по теме.
- 31 Произношение племенного имени было именно «кавар», не только потому, что *beta* в греческом тексте того периода всегда так произносится, но и потому, что в латинских источниках оно появляется как *Cowari* (Зальцбургские анналы).
- 32 Хазарский эквивалент восточного древнетюркского титула *elteber* (не имеет ничего общего со словом *el* – «народ», «государство»), отмеченного Ибн Фадланом. Его чтение как *yltavar*, из-за эмпатического *t*, необоснованно. Это орфографическое написание сравнительно позднее, в любом случае позднее сочинения Кашгари, который работал во второй половине XI в. Мы имеем ясный пример с передними гласными **Alp ilteber* в «Истории Кавказской Албании» Мовсеса Дасхуранци и в сочинении Левонда (см.: Golden, 1980. С. 147–150, 197–198).
- 33 Коковцов прав, что мы должны ожидать вместо *Всга- Вспа(k)*.
- 34 В тексте Пространной версии *Xgri'im*, в оксфордской рукописи Краткой версии *Xigdi'im* (см.: Коковцов, 1930. С. 83). Я не сомневаюсь, что здесь имеются в виду именно венгры, хотя написания этого имени кажутся странными и нуждаются в дополнительных объяснениях.

Библиография

- Altheim F. (1959) *Geschichte der Hunnen*. Berlin.
- Bazin L. (1981–1982) *Pour une nouvelle hypothèse sur l'origine des khazars // Materialia Turcica*. P. 7–8, 51–71.
- Bencő L. (Hrsg) (1993–1994) *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen I–II*, Budapest.
- Czeglédy K. (1966) *Das sakrale Königtum bei den Steppenvölkern // Numen, International Review for the History of Religions*, 13. P. 14–26.
- Czeglédy K. (1974) *A szakrális királyság a steppei népeknél (a kazároknál és a magyaroknál) [The Sacral Kingship among the Nomadic Peoples (the Khazars and the Magyars)] // Magyar Nyelv*. P. 11–17.
- Fodor I. (1982) *In Search of a New Homeland, the Prehistory of the Hungarian People and the Conquest*, Budapest.
- Golden P.B. (1980) *Khazar Studies. An Historico-philological Inquiry into the Origins of the Khazars I–II*, Budapest.
- Golden P.B. (1992) *An Introduction to the History of the Turkic People*, Wiesbaden.
- Gombocz Z. (1912) *Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache*, Helsinki, MSFOu 30.
- Grignaschi M. (1969) *La Nihayatu-l-'arab fī akhbāri-l-Furs wa-l-' Arab // Bulletin d'Études Orientales*, 22. P. 15–67.
- Grignaschi M. (1972) *La Nihayatu-l-'arab fī akhbāri-l-Furs wa-l-' Arab et les Siyāru mulūk-i-'ājam du Ps. Ibn-al-Muqaffa // Bulletin d'Études Orientales*, 26. P. 83–184.

Hamilton J.R. (1955) *Les Ouigurs à l'époque des Cinq Dynasties, d'après les documents chinois*, Paris.

Hewsen R.H. (1992) *The Geography of Ananias of Sirak (Ašxarha'ouc')*. The Long and the Short Recensions, Wiesbaden.

Klashtornyj S.G. (1983) *The Tariat (Terkhin) Inscription // Acta Orientalia Hungarica*, 36. P. 335–366.

Klashtornyj S.G. (1985) *The Tes Inscription of the Uighur Böğü Khagan // Acta Orientalia Hungarica*, 39. P. 137–156.

Коковцов П.К. (1932) *Еврейско-Хазарская переписка в X веке*, Л.

Kristó Gy. (1996) *Hungarian History in the 9th century*, Szeged.

Ligeti L. (1981) *The Khazarian Letter from Kiev and its Attestation in Runiform Script // Acta Linguistica Hungarica*, 31. P. 5–18.

Ligeti L. (1986) *A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban [The Turkic Connections of the Hungarian Language before the Conquest and in the Age of the Árpáds]*, Budapest.

Ludwig D. (1982) *Osteuropäische Geschichte. Struktur und Gesellschaft des Chazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen*, Münster.

Rispling G. (1990) *The Volga Bulgarian Imitative Coinage of Al-Amir Yaltawar ('Barman') and Mikail b. Jafar // Jonsson K. – Malmer B. (Eds.). Sigtuna Papers. Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989. [Commentationes de Numinis Saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova Series 6]*

Róna-Tas A. (1982) *A kazár népnévről [On the Ethnonym Khazar] // Nyelvtudományi Közlemények*, 84. P. 349–380.

Róna-Tas A. (1983) *Újabb adatok a kazár népnév történetéhez [New Data on the History of the Ethnonym Khazar] // Nyelvtudományi Közlemények*, 85. P. 126–133.

Róna-Tas A. (1996a, 1997) *A honfoglaló magyar nép. Bevezetés a korai magyar történelem ismeretébe [The Magyars of the Conquest. An Introduction into the Ancient History of the Magyars]*, Budapest.

Róna-Tas A. (1996b) *Ugor, ogur or ugor? Remarks on the name «Finno-Ugrian» // Mészáros E. [Ed.]. Ünnepi könyv Mikola Tibor tiszteletére [Festschrift in honour of Tibor Mikola]*, Szeged. P. 265–269.

Róna-Tas A. (1996c) *An «Avar» word: terem // Berta Á. – Brendemoen B. – Schönig C. [Eds.]. Symbolae Turkologicae*, Uppsala. P. 181–188.

Róna-Tas A. (1998) *Western Old Turkic // Johanson L. [Ed.] The Mainz Meeting. Proceedings of the Seventh International Conference on Turkish Linguistics, August 3–6, 1994, Wiesbaden*. P. 619–626.

Róna-Tas A. (1999) *Hungarians and Europe in the Early Middle Ages*, Budapest.

Senga T. (1990) *The Toquz Oghuz Problem and the Origin of the Khazars // Journal of Asian History*, 24. P. 57–69.

Shineküü M. (1980) *Orhon-Selengijn runi bičgijn šine dursgal*, Ulanbaatar.

Tekin T. (1982) *The Tariat (Terkhin) Inscription // Acta Orientalia Hungarica*, 37. P. 43–86.

Werner J. (1984) *Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren*, München.

Перевод с английского М. Гольдельмана

ХАЗАРСКИЙ ЯЗЫК

Вопрос о языке хазар, который является предметом настоящего исследования, является предметом споров с тех пор, как в начале XVIII в. появились первые сообщения о хазарах. В то время считалось, что хазары — это тюркский народ, говоривший на тюркском языке. Однако в XIX в. появились сообщения о том, что хазары — это еврейский народ, говоривший на иврите. В XX в. появились сообщения о том, что хазары — это финно-угорский народ, говоривший на финно-угорском языке. В настоящее время большинство ученых считают, что хазары — это тюркский народ, говоривший на тюркском языке. Однако в последние десятилетия появились сообщения о том, что хазары — это еврейский народ, говоривший на иврите. В настоящее время большинство ученых считают, что хазары — это тюркский народ, говоривший на тюркском языке.

Все ученые, высказывавшие свое мнение о языке хазар, считают их тюркским народом, говорившим на тюркском языке. О том же свидетельствуют и известия нескольких современных хазарам арабских историков¹. Так что осмысление сохранившихся данных об их языке является задачей лингвистов-тюркологов. В настоящее время подобные исследования, однако, находятся в состоянии застоя. Всплеск активности в этом направлении наблюдался в начале 1980-х гг., когда П. Голден (Golden, 1980), Н. Голб и О. Прицак (Golb, Pritsak, 1982) и Д. Людвиг (Ludwig, 1982) опубликовали соответствующие материалы. Помимо прочих достоинств, диссертация Д. Людвига содержит приложение с дополнением к списку хазарских слов Голдена. Работа Л. Базена (Vazin, 1981–1982) также существенна для данной языковой проблемы. Пятилетие, последовавшее за этим интенсивным поиском, отмечено появлением многочисленных обзоров, в том числе достаточно подробных, и работ, присоединяющихся к высказанным взглядам или отвергающих их. В последние же двенадцать лет не было написано ничего, что могло бы прояснить многие, все еще остающиеся открытыми вопросы, касающиеся языка, на котором могли говорить хазары.

С тем скудным материалом, которым мы располагаем, продвигаться дальше действительно трудно. Не слишком вероятно, что будут открыты новые арабские, греческие, сирийские, персидские, еврейские или кавказские источники, содержащие неизвестные элементы хазарского языка. В настоящее время можно сказать, что реальный прогресс может быть достигнут, только если будет открыта достаточно длинная хазарская двуязычная надпись или, по крайней мере, новая хазарская надпись, содержащая достаточно восточнотюркских рунических знаков, чтобы быть понимаемой.

Представляется, что в известных на сегодняшний день надписях мы имеем лишь краткие ряды непонятных знаков, относительно которых даже неизвестно, составляют ли они сингармонические сочетания подобно восточнотюркскому руническому письму; ни одна из попыток их расшифровки не может считаться убедительной². В этих обстоятельствах можно только суммировать и комментировать то, что было уже сделано в отношении источников на других языках. До сих пор не предпринималась попытка обобщения, учитывающая как работу П. Голдена, так и критические отзывы на нее, а также другие высказывавшиеся идеи, например предположения О. Прицака. Решение проблемы хазарского языка может также многое прояснить относительно их самоидентичности, равно как истории и структуры расселения тюрков в Восточной Европе. Прочная основа для наших гипотез важна прежде всего в рамках описания тюркских языков и исторических взаимоотношений между ними, а также для того, чтобы работы по ранней истории хазар не основывались на псевдолингвистических аргументах.

В числе современных тюркских языков отдельную ветвь образует чувашский, на котором говорят преимущественно в Чувашской республике, расположенной между Татарстаном и Москвой. Его ближайшим родственником является волжско-булгарский, ныне мертвый язык, зафиксированный в надписях XIII и XIV вв., которые были найдены в основном на территории Татарстана³. Видимо, эта ветвь включала и другие, ныне исчезнувшие, диалекты, о чем могут свидетельствовать заимствования в венгерском⁴. Ученые согласны в том, что чувашско-булгарская ветвь выделилась из других тюркских языков на достаточно ранней стадии, несомненно раньше, чем появились древнейшие тексты, которыми мы располагаем: орхонские надписи начала VIII в. Наиболее дискуссионным вопросом относительно языка хазар является его предполагаемая принадлежность к этой aberrантной чувашско-булгарской ветви. Большинство ученых считает, что он входил в нее, но, например, Голден (1980) склоняется к противоположному мнению. Наши суждения на этот предмет должны сейчас быть более обоснованы, чем в начале 1980-х гг., поскольку теперь мы знаем об этой ветви много больше: ряд ученых, особенно Андраш Рона-Таш, произвели исследования в грамматической и лексической областях, проливающие свет на историю чувашского языка, его контакты с окружающими языками и др., в последние десятилетия появились также новые волжско-булгарские надписи. Волжско-булгарский предстает достаточно выделяющимся из общетюркского, но, тем не менее, «нормальным» тюркским языком. Надпись греческими буквами на кувшине из Надь-Сент-Миклоша также соответствует тому, что можно ожидать от источника X в. на чувашско-булгарском⁵. Все, что мы знаем, никак не соответствует мнению Поппэ, Прицака и некоторых других о том, что булгарско-чувашская ветвь является неким образом промежуточной между тюркскими и монгольскими языками, ко-

торые считаются этими авторами генетически родственными. Ни в коей мере не исключая возможности такого генетического родства, я склонен считать безоговорочную принадлежность всей болгаро-чувашиской ветви к тюркским языкам твердо установленным фактом. Есть некоторые особенности, общие для чувашского и монгольского (например, потеря конечного *k* основы) (*stem-final*), но это вторичное развитие; напротив, раннемонгольский мог получить тюркские слова из языка болгарского типа, употреблявшегося еще на территории, смежной с родиной монголов. Языковые элементы, принесенные монгольским вторжением XIII в., легко идентифицировать, и нет никаких надежных свидетельств наличия какого-либо монгольского языка к западу от Урала до времени Чингисхана⁶. Таким образом, попытка объяснить хазарский языковой элемент посредством основы или суффикса, известных только из монгольского, должна быть отвергнута.

Понимаемое ядро хазарского языка – не только титулы⁷, но и денотативные существительные, такие, как *dog*, «тризна», *čiček*, «цветок», *it*, «собака», *bulan*, «лось», прилагательное *alp*, «доблестный», слова, означающие «белый», «желтый», «черный», агентивный (*agentive*) суффикс + *el*, присутствующий в нескольких хазарских словах, уменьшительный суффикс + *ak*, суффикс + *čln*, употребляющийся в словах, означающих цвет, – все это определено и исключительно тюркское⁸. Можно добавить еще несколько терминов, до сих пор не идентифицированных как тюркские, например, титул *Čaviš-yigar*, в транскрипции Голдена **Jāvašišar*, обозначающий должность, которая должна соответствовать *çavuş-başı* в османской администрации. В древнетюркской административной системе *čaviš* – это те, кто строил войска на поле боя и отвечал за придворный церемониал; термин известен начиная с орхонских надписей. Хазарский термин *Čaviš-yigar* должен был обозначать должностное лицо, отвечающее за хазарские войска – за *čaviš*, поскольку *yī-gar* означает «тот, кто собирает, созывает»⁹. Другой пока не идентифицированный термин, приведенный Голденом (1980. С. 247), передается как *‘l-gǝd dh*; в числе упомянутых в его списке языковых элементов это единственный, не являющийся ни именем собственным, ни топонимом, ни титулом: он относится к разновидности походной закрытой повозки. Возможно, это попытка написать **čadāra*, поскольку *d* и *r* выглядят похожими и в рукописях, написанных арабским письмом, могут смешиваться, если слово незнакомо¹⁰; в таком случае это слово будет вариантом термина *čatir* (тюркск.) / *čador* (перс.), *šator* (венг.) и т.д., означающего «палатка, шатер» и подробно рассмотренного Г. Дерфером (Doerfer, 1967. С. 16–22).

Ни для одного из хазарских титулов и имен, для которых не находится очевидной тюркской интерпретации, не доказана принадлежность к какой-либо иной языковой группе. Даже иранские термины (например, патроним *Kundājīk*, как его объясняет Голден) так малочисленны, что их следует

считать заимствованиями откуда-либо еще. Д. Людвиг (1982. С. 356–357) представил данные об одном слове, делающие весьма вероятным предположение, что хазарский язык должен быть особенно архаичным вариантом тюркского: он показал, что *dog*, вариант термина *yog*, «поминальный пир, тризна», об употреблении которого в эпоху первой тюркской династии в VI в. известно из греческих источников, употреблялся также и хазарами¹¹.

Ввиду архаичности языка (которую подразумевает его ранняя фиксация) следует очень осторожно рассматривать данные, которые можно счесть отрицающими болгарско-тюркскую или общетюркскую принадлежность хазарского языка, принимая во внимание возможность появления некоторых характерных особенностей одной или другой языковой ветви на стадиях более поздних, чем хазарские свидетельства. Эта проблема уже поднималась в рецензиях на книгу Голдена (Golden, 1980). Голден утверждал, что титул *tudun* свидетельствует против отнесения хазарского языка к болгарско-чувашской ветви, так как в нем нет звукового сдвига (shift) $d > r$, однако на самом деле переход $d > r$, вероятно, можно датировать позднее VII в. – времени, когда было зафиксировано это слово¹². Проблема d/r рассматривается также в работе Erdal (1993. С. 137–141). Предложенное $/s/$ в титуле *Čavīš-yīgar* или *Bolušči* (тюркское имя хазарского полководца X в., еврейское имя которого – *Pésah*, Песах) может рассматриваться как свидетельство против болгарско-чувашской квалификации этого языка: известно, что общетюркское $/s/$ в этой тюркской группе проявляется как $/ll/$. Факты, относящиеся к $/s/$ и $/ll/$, в действительности не указывают на взаимосвязь один к одному, поскольку некоторые примеры общетюркского $/s/$ на самом деле происходят из прототюркского $/llč/$. Таков случай с реципрокально-кооперативным (reciprocal-cooperative) суффиксом $-Xš-$ (как показывает свидетельство из монгольского) или случай с *baš*, «голова». В обоих этих примерах волжско-болгарский сохраняет $/llč/$, чувашский содержит $/s/$, а не $/ll/$. Термин *Bolušči* (означающий «помощник, сторонник») может быть принят как болгарско-чувашский, если считать, что второй слог содержит этот реципрокально-кооперативный суффикс ($*bol- uš- uš + čī > bol- uš + čī$ по синкопированию) (syncopation); то, что основа глагола оканчивается на $/ll/$, должно было быть диссимилирующим фактором (поскольку нормальная замена d/r блокируется перед $/r/$). С другой стороны, термин *Čavīš-yīgar* может представлять реальную проблему для теории, относящей чувашский к болгарско-чувашской ветви.

Другой много дискутируемой¹³ проблемой для этой теории является само имя *хазары*. В нем содержится $/z/$, в то время как наиболее известной особенностью этой ветви является то, что общетюркские $/z/$ проявляются здесь как $/r/$. Соответственно всевозможные решения, предлагаемые для объяснения происхождения этого имени, всегда исходят из формы, имеющей $/s/$ в качестве второго согласного; затем предполагается, что это $/s/$

озвончалось между гласными. Но с этой идеей связана проблема отсутствия свидетельств того, что хазары, или в данном случае булгары, озвончали согласные между гласными. Несомненно, это характерно для чувашского, но эта особенность, видимо представляющая собой недавний местный феномен, роднит его с кипчакскими языками. Судя по слову *Atil* или *Ātil* (хазарское название Волги и хазарского города на ее берегах), хазарский язык не озвончает согласные между гласными, иначе в этом имени вместо /t/ было бы /d/. Не происходило этого и в других тюркских языках до XII в., что и настраивает скептически относительно всех подобных этимологий, предлагающихся для имени хазары. Однако ротацизму в середине слова могло препятствовать /r/ на его конце: известно, что тюркские языки часто избегали двух последовательных /r/. Даже если бы /z/ было изначально, то по этой причине это не могло бы быть реальным доказательством того, что язык не принадлежал к болгарско-чувашской группе.

Но есть ли позитивные свидетельства, показывающие, что хазарский язык принадлежал к болгарско-чувашской ветви тюркских языков? Еще один термин, не приведенный Голденом (1980), но, предположительно, относящийся к Хазарскому государству, – это название реки в описании Крыма VIII или IX в., написанное по-гречески как *καρισίον* и переведенное как *μαύρον νερόν*, то есть «черная вода». Я бы предложил чтение его как *kara sīw* или, поскольку [š] не могло быть записано греческим письмом, как *kara šīw*. В раннем общетюркском всегда «вода» – *suw*, но в чувашском – *šiv*, с неделабализованным гласным. В волжско-булгарской надписи 1307 г. река называется *šīw*, как и в источнике VIII–IX в. Будет ли неделабализованный гласный в слове «вода» свидетельствовать в пользу отнесения хазарского к болгарско-чувашской группе? Я так не думаю: хазарская форма этого слова идентична с формой, которую слово «вода» должно было иметь в прототюркском, как это показано в Erdal (1991. С. 177). Губной согласный должен был вторично лабиализовать гласный, как это произошло во многих древнетюркских словах. Сигма в *σιον* также могла стоять вместо [š]; если бы мы имели позитивное свидетельство в пользу произношения с [š], группировка с болгарским, вероятно, могла бы быть принята, поскольку никакой другой ранний тюркский язык не демонстрирует этот феномен (хотя он присутствует в классическом монгольском).

Shibboleth – название города, передающегося в греческом как *Σάρκελ* (Саркел) и в еврейском как *שרכל* или *שרכל*¹⁴. Вторая часть этого названия должна была быть заимствована из утерянного среднеперсидского, родственного санскритскому *gr̥ha*, «дом», русскому *gorod*, «город», готскому *garths*, «дом», и т.д. В тюркских языках этот элемент сохраняется в турецком и азербайджанском суффиксе +*gil*, употребляющемся в отношении группы людей, каким-то образом (например, как члены семьи) приданных лицу, в отношении которого употреблено существительное, служащее основой. Турецкое +*gil* не похоже на типичные суффиксы тем, что не следует син-

гармонизму (vowel harmony) и безударно и, таким образом, выдает свое происхождение в качестве отдельного слова. Хазарское *sār*, «белый, бледный», первая часть названия города, переводится в греческом как *αδρῶν* и *λευκῶν*; это не идентично хазарскому *sāriġ*, что должно было означать «желтый» и послужило основой для названия другого города, *Sariġ šin*. Как отметил Tezcan (1975. С. 104–107)¹⁵, общетюркский, кроме *sariġ*, также содержит слово *sār*, «бледный». С долгой гласной оно засвидетельствовано в туркменском¹⁶. В османском и анатолийском диалектах, так же как и в карачаево-балкарском на Северном Кавказе, на территории хазар, а также в киргизском *saz* означает «бледный цвет лица». Якутское *ās*, которое должно было произойти от *sāz*, означает «шкура белой лошади», а казахский и киргизский имеют дериват *saz+ar-u*, «бледнеть». Из этого *sāz*, очевидно, было образовано глагольное производное на *+I-*, типа, рассмотренного в Erdal (1991, 5.42)¹⁷. Затем оно было расширено до *sāri-g* при помощи обычного форматива *-(X)g*. Правильное родственное классического монгольского *šira* – это *sāz* (а не *sāriġ*, как принято думать), так же как монгольское *bora*, соответствует тюркскому *boz*, «серый, светло-коричневый»: тюркское */z/* регулярно соответствует монгольскому */r/*, монгольское *[š]* – */s/* перед */i/*, а тюркское долгое *ā* в других случаях также отражается в монгольском как */i/*. Чувашское *šur* также происходит из *saz*, поскольку означает «белый, бледный». Чувашское *šurā* могло, по звуковым законам, произойти либо из *saz*, либо из *sariġ*, но имеет то же значение, что и *šur*¹⁸. Хазарское *Sar* или *Šar* соответствует *saz*, а не *sariġ* – и по значению, и по форме. Оба слова были «заимствованы» венгерским: венгерское *sár*, «желтый», происходит от первого слова, а венгерские *sarog* и *sárga* происходят от второго. Древнейший – 1332 г. – пример венгерского *sár*, приведенный в работе Róna-Tas et al. (1995. С. 26), упоминает «лошадь цвета *sar*» – в точности как в якутском *ās* на противоположном конце Евразии. Судя по замене *z>r* в первой части названия *Sarkel* или *Šarkel*, хазарский должен был принадлежать к болгарско-чувашской ветви тюркских языков, превращался ли сибилант в *š* или нет. Крепость Саркел была построена в 838 г. хазарами и для хазар и не была унаследована от какого-либо тюркского племени, которое могло бы ранее прийти на эту территорию. Поэтому название должно было быть хазарским, а не взятым из какого-то другого тюркского языка. Тем не менее не все данные указывают на включение хазарского в болгарско-чувашскую ветвь. Могли также существовать различные хазарские диалекты с изоглоссами, различающимися в моментах, из которых сейчас можно обнаружить только немногие; возможно, имело место диахроническое, контактно-связанное развитие в направлении к или от болгарской ветви, или, возможно, хазарский наконец занял промежуточное положение в отношении этих изоглосс.

Обратимся теперь к работе Голба и Прицака (1982), содержащей публикацию Голбом двух средневековых еврейских рукописей: одна содержит просьбу о помощи некоему еврею, имеющему материальные затруднения, а другая является описанием отрезка хазарской истории в еврейской перспективе. Внимательного рассмотрения требуют «алтаистический» комментарий Прицака к обеим публикациям и исторические замечания, основанные на его представлениях об «алтайских» словах, на обнаружение которых он претендует. Тексты представлены в книге как новые источники, открывающие неизвестный хазарский языковой материал. Все рецензии на нее были написаны специалистами по иудаике или истории Восточной Европы, принявшими компетенцию Прицака в исторической тюркской лингвистике за аксиому. Не все согласились со всеми аспектами интерпретации Голба. Например, С. Шварцфукс (Schwarzfuchs) указал на две проблемы. Во-первых, еврейский текст на самом деле не говорит «мы, община Киева, извещаем вас о причиняющем беспокойство деле» и т.д., как переведено Голбом, а «мы извещаем вас, община Киева, о причиняющем беспокойство деле...» Поэтому, по крайней мере, возможно, что письмо было послано не из Киева, а в Киев, что делает шаткой основу всех извлеченных из письма заключений, касающихся хазар и истории Киева. Письмо могло взывать к общине Киева о помощи, упоминая, что другие еврейские общины также призываются это сделать. Вторая проблема, обнаруженная Шварцфуксом в тексте, это идея, что прозелитами могли быть *когены* и *левиты*, титулы, несомненно, патрилинейно унаследованные от библейских времен. Это влечет заключение, что подписавшие письмо (или их отцы, упомянутые в составе патронимов), имеющие нееврейские имена, могли быть не хазарами, обращенными в иудаизм, а евреями, принявшими нееврейские имена. Известно, что с античных времен это случалось многожды, пример чему имя *Kalonymos*, являющееся сложным греческим. Этой же точки зрения придерживается А.Н. Торпусман (1989. С. 51), специалист по восточно-европейской ономастике, занимавшийся именами: он приводит несколько примеров восточноевропейских евреев, носивших в разные исторические периоды нееврейские имена¹⁹. По его мнению, нееврейские имена этого документа скорее славянские, а не тюркские; это опять-таки, я думаю, элиминирует хазар из письма. В. Орел (1997) показал, что одно из имен, если не два, действительно славянское.

До сих пор ни один тюрколог не озаботился прокомментировать трактовку Прицаком несемитских имен и нарицательных существительных в двух средневековых еврейских документах, опубликованных Голбом. Среди тюркологов лингвистические спекуляции Прицака, кажущиеся учеными, но, к сожалению, очень часто весьма вольно обращающиеся с информацией, приспособившая ее к служению его аргументам, никогда не принимались всерьез. Следует провести различие между именами и апелляциями, написанными еврейским письмом, к которым я перейду ниже, и краткой

рунической пометой, появляющейся в самом конце одного из этих текстов. Это слово, которое по большей части может быть интерпретировано посредством восточнотюркских рунических букв, было прочитано Прицаком как *hokurüm* и переведено как «Я прочел». Это прочтение, хотя, вероятно, и удовлетворяет правдоподобному текстуальному и историческому контексту, также несет в себе проблемы. Последняя буква слова далека от обычного рунического *m*, которое должно было бы состоять из двух пар параллельных линий, сходящихся в правом углу письма. Эта буква могла бы также читаться как переднее *k*, что давало бы в качестве третьего слога слова *ök* или *ük*. Более того, первая буква только гипотетически трактуется как лигатура семитского *he* с рунической буквой *o* или *u*, на самом деле напоминающей *wāw*. Относительно этой буквы Прицак обращается к знаку, появляющемуся во фрагменте надписи на камне, выполненной руническими письменами и опубликованной Томсеном (1910). Томсен считает его арамейским *he*, употребленным как числительное «5» (как это делается и ныне). Что и могло бы по форме быть близко числительному в «Листе» (Blatt) Томсена, так это целиком первая буква последнего слова исследуемой рукописи из генизы, а вовсе не крайне правая половина; из такого сравнения букв вытекало бы чтение *hakurüm*, а не **hokurüm*. Действительно, вертикальная линия с правой стороны выглядит гораздо слабее и легче, чем остальная часть первой буквы; если это просто случайное пятнышко на пергаменте, первый слог должен был бы читаться как *äl*. В общем же, из шести рунических знаков совершенно не вызывает сомнений только один. Слово неоднократно цитировалось тюркологами, согласными в том, что оно демонстрирует переход от *d* к *r*, типичный для болгарско-чувашской ветви тюркских языков. Я сам показывал (Erdal, 1993), что, если оно прочитано правильно, *hoqu*²⁰ удовлетворяет также и реконструкции праистории глагола *oqī-*, «читать, выкрикивать, декламировать». В случае, если письмо было послано в Киев, как на самом деле говорит еврейский текст, а не из Киева, оно могло, например, происходить из болгарского царства на Нижнем Дунае, процветавшего до X в. В таком случае помета цензора являлась бы болгарским, а не хазарским свидетельством. Следует добавить, что в хазарском слове *tudun* в VII в. хазары не меняли интервокальное *d* на *r*, как происходит в болгарском; возможно, для хазарского это никогда не было характерно. Это должно быть еще одним указанием против Хазарии как источника письма, если, повторяем, чтение *r* может быть принято. Если моя интерпретация (Erdal, 1988) греческой надписи из Надь-Сент-Миклоша верна, в дунайском болгарском *d* должна была перейти в *r* уже в первой половине IX в. Дунайская Болгария, возможно, могла быть тем царством, откуда было послано письмо, если это не был Киев.

Теперь обратимся к нееврейским именам, рассматриваемым Прицаком. Относительно подписавших первое письмо трактовка имени *יִסָּף בֶּר קוֹפִּין* (Golb, Pritsak, 1982. С. 40), к сожалению, должна быть признана несерьез-

ной: Прицак считает его идентичным названию кубанской реки, поименованной византийским автором VI в. Менандром Протектором *Κωφην ποταμόζ*, и, далее, имени болгарской племенной группы, кочевавшей в VII в. между Доном и Кавказом на территории, называемой *Kup' i Bulgar*. Почему кто-либо должен был носить имя племени и/или реки, не рассматривается: все «объяснение» основано исключительно на звуковом сходстве²¹.

Другой подписавший – это שמשון יהודה המכונה סורטר. Прицак производит последнее слово из имени сабириков, которые, как он говорит, на самом деле назывались *Sāwār*, *Sābir* или *Sāvīr*. Последние две буквы он относит к суффиксу *-tei*, который он находит в имени *Bülertei*; у Юсупова (1960. С. 106) и в монгольском языке. Суффикс *-tei* действительно очень распространен в монгольском, соответствуя тюркскому суффиксу *+IXg*. В тюркском, однако, он не встречается (хотя, естественно, он содержится в некоторых центральноазиатских топонимах, где ныне обитают тюрки). Даже если в будущем и будет доказано, как думают некоторые ученые, родство тюркской и монгольской языковых семей, все равно нельзя считать приемлемой попытку интерпретации тюркского слова как содержащего этот суффикс, не предполагая заимствования. Такое заимствование было бы, конечно, возможно начиная с XIII в., когда монголы заполнили Восточную Европу. Это также означает, что волжско-болгарские надписи (являющиеся темой работы: Юсупов, 1960) могли бы содержать этот суффикс, будучи написаны в эпоху монгольского господства. Это упущение в ходе рассуждений Прицака, «решение» загадок ранней Восточной Европы через обращение к монгольскому типично для многих его воображаемых этимологий. В соответствующие столетия монголы были охотничьими племенами, жившими где-то к югу от озера Байкал, и еще не превратились в конных кочевников-скотоводов. Для этого времени еще не допустимо предполагать какое-либо монгольское население в Восточной Европе или на Кавказе, и возможность генетических связей между двумя языковыми группами не может служить подтверждением перехода языковых элементов вне того, что может быть реконструировано как их общая основа. Таким образом, много более вероятны три другие объяснения этого слова. Одно связывает его с народом, называемым *Sabartoi Asfaloi* Константином Багрянородным, *Sevordik'* – армянскими и *Sawardiyah* – арабскими источниками, который отождествляется с некоей венгерской группой и не должен смешиваться с сабирами (предположение Арпада Берты). В. Орел (1997) предлагает «исправление» слова, что приводит его к славянскому имени. Однако никакое исправление не является необходимым: выражение סורטר заставляет нас ожидать סורטר – прозвище, а не этническая принадлежность; это единственное появление סורטר в тексте. Глядя на это слово без предвзятых алтаистических представлений, я бы предложил его чтение как германское: *swartā* в готском и древнескандинавском означает «черный» или «темный»²². Мне кажется, что это вполне плодотворное предположение, учитывая долговременное

пребывание готов и скандинавской руси в этой части Восточной Европы. В конце концов, на некоем готском языке, как засвидетельствовано послом Рубруком, говорили в Крыму даже в османские времена, когда этот и все другие восточногерманские языки в других местах давно вымерли.

Обратимся теперь к другому несемитскому имени – כּוּבָר כּוּר (Kubar). Прицак (с. 36–37) связывает патроним с *Kavari*, названием племени, которое, согласно византийскому императору и писателю X в. Константину Багрянородному, присоединилось к протовенграм где-то в понтийской степи. Прицак далее связывает это имя со словом, появляющимся в арабском переводе книги Иосиппон (Flusser, 1978–1980), выполненном в X в. в Сицилии или Южной Италии. Согласно этой книге, один из сыновей Тогармы (внука Иафета, согласно Быт 10:3) звался *Turki* или – в некоторых рукописях книги Иосиппон – *Turk*. Прицак утверждает, что Гаркави (1874. С. 300) отметил, что одна из рукописей арабского перевода этой книги заменяет *Turk(i)* словом, пишущимся как כּוּר (так!). Эту форму כּוּר Прицак хочет читать как *Kiātar*, что, в свою очередь, он принимает за патроним, обнаруживаемый в еврейском письме, а также за источник патронима *Yuvāri*, открытого на одной или, возможно, двух волжско-булгарских надгробных надписях (Erdal, 1993). Ранний **Kāvar* с долгой гласной в первом слоге действительно в волжско-булгарском должен дать **Kuavar*, но имеющийся у нас *Yuvāri* не может восходить к такой форме: **Kuavar* даст *Yuvār*, в современном чувашском, но не в волжско-булгарском. Таким образом, Прицак совершает несколько филологических и лингвистических ошибок: смешивает стадии развития языка с ошибкой приблизительно в 500 лет; предлагает произвольную замену чтения рукописи, издания которой он не имеет, а видел только отдельную цитату; рукопись, к которой он обращается, не упоминая, когда она могла быть написана, является всего лишь переводом источника, который сам по себе содержит имя предка-эпонима тюрок; этот неясный рукописный вариант в конце концов принимается за чье-то собственное имя, хотя существование такой практики неизвестно.

Достаточно об имени отца כּוּבָר כּוּר. Последний слог имени самого כּוּר, *-ta* полагается тем самым монгольским суффиксом, о котором Прицак думал, что он его идентифицировал в конце כּוּר; этот монгольский суффикс означает «имеющий» (подобно английскому *-ed* в словах типа *bearded* или *spectacled*). Первая часть, утверждает он, является именем печенежского правителя IX в. – *Κωσταζ*, приведенным опять-таки Константином Багрянородным. Причиной того, что имя правителя (Прицак называет его губернатором) пишется в документе через *g*, а не через *k*, является, как он утверждает, то, что для передачи фрикативного *gh* греки использовали гамму, а не точку (stop); *s*, продолжает он, было опущено суффиксом. *Κωσταζ*, вне сомнения, очень частое греческое имя, как утверждает источник Прицака, Моравчик. Конечное является греческим но-

минативным суффиксом: это сокращенный вариант имени Κωνσταντίνος, которое носит сам автор – император. **Kostata* должно бы было быть формой, переходной между этими двумя, впоследствии усеченной благодаря гаплогогии. Орел (1997) показал, что вариант с начальным *g* действительно зафиксирован как славянское имя в XI–XII вв. В таком случае Прицак мог быть прав, упоминая имя печенежского правителя; он только не осведомлен (или игнорирует) относительно его греческого и, конечно, исходно латинского происхождения. Мы уже указывали, почему монгольский суффикс *-tai* не содержится в данном тексте; даже если бы это было исторически возможно, его значение здесь бы не подошло, поскольку он не был бы присоединен к личному имени, чтобы образовать другое личное имя. В данном случае такое допущение и не необходимо, поскольку двусложный вариант должен был иметь трехсложного предшественника. Торпусман (1989) указал на это и другие внутренние противоречия в позиции Прицака и привел это и подобные имена из славянских источников IX–XVII вв. Он придерживается другой, славянской этимологии этого имени, считая его производным при помощи **-ent*, от *gostʹ*, «гость»; эта этимология столь же убедительна, как греческая.

Два других собственных имени документа, которые Прицак пытается объяснить, – это 𐌆𐌆, являющееся патронимом, и 𐌆𐌆, имя одного из подписавших. Оба они начинаются последовательностью 𐌆𐌆, представляющей, согласно Прицаку, слово *man* со значением «великий» (проф. Рона-Таш рассматривал его в нескольких статьях). *MNS*, говорит Прицак (с. 40), «передает алтайское (булгарская группа) *lās/* также со значением «великий», о чем свидетельствует, например, имя *Attila* (<*Ās-tila*). В чувашском языке действительно засвидетельствована форма *mānas* (<*mān ās*)». Тем не менее в чувашском не содержится *mānas*, а только *mānaś*, что означает «гордый» или «надменный»; чувашское *lś/* никогда не происходит из *s*. Чувашский содержит существительное *as*, которое действительно происходит из общетюркского *ās*, но означает «память, воспоминание». Аналогично тому, как предложенная (впервые в 1956 г.) Прицаком этимология имени *Аттила* не нашла признания²³, мы должны заключить, что предложение относительно *MNS* является чистой фантазией. Наконец, для *MNR* предлагается чтение *Man-ār* со значением «великий человек». Это единственное предположение Прицака относительно первого документа, которое могло бы быть принято, хотя выражение «великий человек» едва ли засвидетельствовано в качестве имени собственного. Даже если *Man-ār* – верное объяснение имени и оно хазарское, то это тоже не помогает нам продвинуться в разрешении вопроса, на каком языке говорили хазары: ныне слово *man* сохранилось только в чувашском, но некогда оно было употребительно также и в других тюркских языках.

Хазарские слова во втором документе, опубликованном Голбом и Прицаком, а до них Шехтером и затем Коковцовым, уже рассматривались

Голденом (1980). Большинство интерпретаций Прицака нехазарских элементов в этом втором еврейском тексте, названий местностей, народов и государств сомнительны, поскольку включают произвольные исправления, но в данном случае они нас не касаются. Что же нас касается, так это случаи, когда он обращается к истории болгаро-чувацкого языка (гунско-чувацкого, как он его называет), чтобы поддержать свои этимологии. Во-первых, название хазарского города *Xamlīx*, расположенного где-то на нижней Волге (возможно, около ее эстуария у Каспийского моря), где хазарский правитель обычно собирал десятину с купцов, пливших по реке. Прицак (с. 153 и след.) отвергает прежние объяснения, наиболее вероятное из которых – деривация из *xan balīx*, «город правителя» (через ассимилированное **Xambalīx*). Вместо этого он предлагает происхождение имени из древнеславянского названия Каспия – *Хвалисьское Море. Xvalis'*, полагает он, – сложное слово, состоящее из *As*, имени древнего центральноазиатского народа, упомянутого в источниках, плюс *Xvali*. Поскольку тюрки изначально не знали звукосочетания *xv*, они, как он говорит, изменили это имя на *Xali*, добавили «алтайский» собирательный суффикс *+an*, что дало **xalin*, далее, в соответствии с фонетическими законами, зафиксированными в чувашском, опустили *l* перед *n* и затем заменили конечное *n* на *m*, что дало *Xam*. Опять-таки здесь есть многочисленные ошибки. Потеря *l* в чувашском должна быть недавним явлением, во всяком случае, более поздним, чем, например, появление конечного *m* там, где другие тюркские языки имеют *n*; собирательный суффикс *+an* редок в монгольских, как и в тюркских языках, нигде не добавляется к иноземным словам и не продуктивен в болгаро-чувацком.

Другой случай, когда Прицак был введен в заблуждение алтайской гипотезой, – это форма названия города *Sarigšī n*. Сначала (с. 152) он произвольно предлагает чтение *Sarigčī n*, аргументируя его тем, что арабское письмо употребляет *shīn* для записи звука [č], затем приписывает последний слог к монгольскому женскому суффиксу, добавленному к *sarig*, «желтый». В действительности многие древние монголы различали род, но древние тюрки – никогда: в этом важное типологическое различие между двумя языковыми группами. Тем не менее тюркский суффикс *+čln* употребляется с рядом слов, обозначающих цвет, например, *kōkčī n*, *karalčī n*, *borčī n* и т.д. Таким образом, словообразование является вполне тюркским, а производное прилагательное *sarišin*, «белокурый», до сих пор живет в турецком и азербайджанском.

Подводя итог, можно сказать, что глубокий скептицизм вызывают все этимологии, пытающиеся любой ценой показать, что слово, считающееся хазарским, является алтайским, привлекая ad hoc все мыслимые фонетические процессы и все языки всех периодов существования алтайского мира. К сожалению, мне представляется, что Голб и Прицак (1982) не внесли непосредственный вклад в наше знание хазарского языка, хотя часть материала, который был образцовым образом сделан доступным, является, вне

сомнения, важной базой для дальнейшего изучения ранней истории восточноевропейского еврейства. Таким образом, единственной надеждой решения проблемы хазарского языка остается расшифровка свидетельств, представляемых надписями, – задача, на которой следует сконцентрировать усилия всем ученым, заинтересованным в ее решении.

Примечания

- 1 Известно, что в Хазарском государстве жило очень много различных этнических групп, что и сегодня характерно для территории, входившей в эту державу. Эти группы говорили на различных языках, многие из которых, несомненно, принадлежали к индоевропейской или кавказской языковым семьям. Строго говоря, слово, зафиксированное как употреблявшееся в Хазарии, не обязательно должно было принадлежать главенствующему народу – хазарам.
- 2 Одним из таких примеров является слово, обсуждаемое в статье С. Кляшторного (1991); он приводит также и другие попытки в этой области.
- 3 См.: Erdal, 1993 о его документации и описании, а также месте среди тюркских языков. Чувашская и Татарская республики являются соседями, они расположены по разные стороны Волги.
- 4 Последнее плодотворное исследование в этой области выполнено профессором Рона-Таш (Róna-Tas) и его учениками, в том числе Эвой Чаки (Eva Czaki).
- 5 Это небольшой дунайско-булгарский текст, рассматриваемый в: Erdal, 1988; он представляет язык булгар, продвинувшихся на запад к Дунаю.
- 6 Свидетельством, выдвигающимся в поддержку мнения о раннем присутствии в Восточной Европе монголоязычных этнических групп, является имя аварского хана, завоевавшего Венгрию и воевавшего с Византией: Баян, означающее «богатый» и соответствующее тюркскому *bay* с тем же значением. Мне это свидетельство не представляется решающим: *bayan* могло быть формой прилагательного в прототюркском, все еще употребляемой аварами в VI в. (т.е. более чем на два столетия ранее древнейшего прямого тюркского свидетельства) и заимствованной в монгольский раньше, чем было утеряно конечное основы *lal* (фактически *+n* является суффиксом).
- 7 Титулы часто передаются от одного народа к другому и, таким образом, не являются доказательством этнической принадлежности; лучшая сводка хазарских титулов приведена в: Golden, 1980.
- 8 Я имею в виду, что впечатление тюркского языка создает общая масса этих языковых элементов. *Čiček* можно также обнаружить в современном греческом или монгольском, *čl* было заимствовано многими азиатскими и южно-восточноевропейскими языками; конечно, в хазарском оно также могло быть заимствованием.
- 9 Кляшторный (1991. С. 114) предлагает исправление *uā*, третьей от конца буквы этого титула, на *nū'n*, выдвигает интерпретацию, включающую названия двух птиц (одно – в усеченной форме); это предположение для меня совершенно неприемлемо.
- 10 Голден приводит единственную дошедшую до нас арабскую рукопись, упоминая при этом, что существует ранний персидский перевод этого источника; следовало бы выяснить, как там передано это слово.
- 11 Поскольку хазары контактировали с западными тюрками и даже некоторое время были их вассалами, неудивительно, что они заимствовали у последних некоторые лексические элементы. Тем не менее заимствование этого термина, явственно обозначающего традиционную религиозную практику, представляется маловероятным, если только хазары не приняли религию западных тюрков; к тому же связи между двумя государствами представляются скорее политическими, чем культурными.

- 12 См.: Johanson, 1983.
- 13 Например, Golden, 1980, Róna-Tas, passim, Bazin, 1981–1982.
- 14 Разница между двумя формами состоит в постановке диакритической точки, употребление которой не является (и не являлось) обязательным на первом месте. В еврейском есть также другая определенная буква для выражения звука /s/, но эта буква не употреблялась ни в одном из ранних примеров, где появляется это название в еврейском написании.
- 15 За ним следует Tekin, 1979. С. 129. Tezcan, 1975 остается неопубликованным.
- 16 В таких фразах, как *dan sâzi*, «ранний утренний свет». Глагол *ağarmak* в *tan yeri ağarmak*, турецком соответствии этой фразы, происходит от *ak*, «белый».
- 17 Как *sâmiz*, «откормленный, ожиревший», дал *sâmri-*, «жиреть», *sekiz*, «прыжок», дал *sekri-* «прыгать», а *yaviz*, «плохой», дал *yavri-*, «слабеть», так же и при помощи того же суффикса дал глагол **sâri-* сохранившийся только в чувашском *šur-* «белеть». Переход *s>š* перед долгими гласными, *a>u* и потеря конечного /n/ нормальны для чувашского.
- 18 *Šura pit*, например, означает «бледный цвет лица»; ср. также деноминальный глагол *shur''ax-* «белеть или бледнеть».
- 19 Приношу свою искреннюю благодарность П. Голдену, ознакомившему меня со статьей Торпусмана.
- 20 См. этот глагол в указателе слов к указанной работе.
- 21 Между прочим, Прицак использует название реки Кубань в своей интерпретации слова, читающегося как *ḡu* во втором тексте, ранее изданном Шехтером. *ḡu* должно быть названием политического образования: оно упомянуто в одном ряду с именем *Maqedoon*, вне сомнения относящимся к Византийской империи, которой на протяжении X в. правила Македонская династия. Я думаю, что это слово вряд ли может быть интерпретировано, поскольку ему предшествует лакуна и оно не соответствует ни одному известному имени. Прицак бесстрашно заявляет, что *'ayin* было «ошибочно употреблено для передачи персидского *ghayin*, в свою очередь использованного для передачи иностранного *q*. Это имя, – добавляет он, – изначально не было персидским, а было заимствовано персами от кубанских болгар». Далее он утверждает, что типичной особенностью «гуннско-булгарской группы», как он называет чувашско-булгарскую ветвь, «было то, что конечный *n* после лабиальных превращается в *m*». Таким образом, согласно Прицаку, «становится ясно, что *ḡu* текста Шехтера восходит к исходному **Qubam* (<*Quban*)». В этом ходе мысли *так много* произвольных допущений *ad hoc*, что обсуждать их было бы непозволительной тратой времени и места.
- 22 Ср., например, *den sorte* в датском; южногерманский превращает конечный *t* основы в аффрикату, что дает в современном стандартном немецком *der Schwarze*.
- 23 Общепризнанно (и как утверждают такие авторитеты в отношении гуннов, как Otto Maenchen Helfen), что это имя является германским уменьшительным, зафиксированным, например, в качестве имени англосаксонского епископа.

Библиография

- Bazin L. Pour une nouvelle hypothèse sur l'origine des Khazar // *Materialia Turcica* 7–8, 1981–1982. P. 51–71.
- Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen*, Bd.3, Wiesbaden, 1967.
- Erdal M. The Turkic Nagy-Szent-Miklós Inscription in Greek Letters // *Acta Orientalia Hungarica*. 42. P. 221–234.

Erdal M. Old Turkic Word Formation Approach to the Lexicon. 2 vols. Wiesbaden, 1991. (Turcologica 9).

Erdal M. Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993. (Turcologica 13).

Flusser D. Sefer Yosippon. 2 vols., Jerusalem, 1978–1980.

Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. 17. 1874.

Golb N. and Pritsak O. Khazarian Hebrew Documents. Ithaca, 1982.

Golden P. Khazar Studies. 2 vols. Budapest, 1980.

Johanson L. Рецензия на: Golden 1980 // Acta Orientalia 44. 1983. P. 232–236.

Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.–Л., 1960.

Кляшторный С.Г. Рунические граффиты из Приазовья // Varia Eurasistica. Festschrift für Professor András Róna-Tas. Szeged, 1991. С. 111–116.

Ludwig D. Struktur und Gesellschaft des Khazaren-Reiches im Licht der schriftlichen Quellen. Diss. Münster, 1982.

Орел В. О славянских именах в еврейско-хазарском письме из Киева // Paleoslavica V (1997). P. 335–338.

Róna-Tas A., в соавторстве с Árpád Berta, Éva Csáki, Éva Nagy, Klára Sándor. A Handlist of the Turkic Loanwords in Hungarian. Рукопись. Budapest, 1995.

Schwarzfuchs S. Рецензия на Golb and Pritsak, 1982.

Tekin T. Once more Zetacism and Sigmaticism // Central Asiatic Journal. 23. 1979. P. 118–137.

Tezcan S. Eski Uyurca Hsüan tsang biografisi. X. Bölüm. Doçentlik Tezi Ankara, 1975.

Thomson V. Bin Blatt in Türkischer «Runen» schrift aus Turfan // SPAW. 1910. P. 296–306.

Торпусман А.Н. Антропонимия и межэтнические контакты народов Восточной Европы в Средние века. I. Имя Гостята в еврейской рукописи из Киева первой половины X века // Имя – Этнос – История (под ред. В.А. Никонова и др.), М., 1989. С. 48–66.

Перевод с английского И.И. Соколовой

АЗИАТСКИЙ АСПЕКТ РАННЕЙ ИСТОРИИ ХАЗАР

Хазарская традиция в сохранившемся донныне виде почти не содержит воспоминаний о далеком прошлом. Во всяком случае, в письме царя Иосифа, кроме генеалогического древа потомков Тогармы, замечается, что предки хазар были малочисленны и «они вели войну за войной с многочисленными народами, которые были могущественнее и сильнее их» (Коковцов, 1932. С. 92).

Если не принимать во внимание анахроническое упоминание хазар у Мовсеса Дасхуранци, первая достоверная фиксация этого этнонима, относящаяся к середине VI в., содержится у Псевдо-Захария Ритора в списке тринадцати народов, «живущих в шатрах» (Пигулевская, 1941. С. 163; Czeglédy, 1961. С. 239–246). Список охватывает перечень народов, обитавших в степях, на Северном Кавказе и в Средней Азии, что не позволяет определить места обитания хазар, упомянутых там на седьмом месте. А.П. Новосельцев относит первые проявления военной активности хазар к 90-м гг. VI в., но, по мнению М.И. Артамонова, самостоятельно хазары проявили себя лишь в середине VII в. (Новосельцев, 1990. С. 86; Артамонов, 1962. С. 171).

Все это, однако, сведения и соображения достаточно общего характера. Едва ли не единственными конкретными упоминаниями о начале хазарской истории в византийской и ближневосточной историографии остаются два взаимосвязанных сообщения в «Хронографии» Феофана и «Бревиарии» Никифора (начало IX в.). Вот сообщение Феофана: «... После того как они (болгары) разделились таким образом на пять частей и стали малочисленны, из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря» (Чичуров, 1980. С. 61). Здесь, по крайней мере, определены исходные даты – вскоре после смерти Кубрата (642 г.)¹ – и исходная территория хазарской экспансии.

Местоположение Берсилии (Берзилии) не раз обсуждалось в специальной литературе. Наиболее полные сводки на этот предмет составлены П. Голденом (Golden, 1980. С. 143–147) и А.В. Гадло (Гадло, 1979. С. 65–68). Берсилию обычно локализуют на Северном Кавказе, но А.В. Гадло, опираясь главным образом на «Географию» Анания Ширакаци (конец VII в.), убедительно показал, что в начале VII в., когда барсилы впервые упомянуты Феофилактом Симокаттой, их коренной территорией был так называемый «Черный остров», т.е. земли в междуречье Кумы и Волги, лучшие пастбища Северного Прикаспия. В то время хазары были частью барсилов, но к концу VII в. ситуация поменялась – первые полностью подчинили вторых, а старшей женой хазарского кагана была женщина «из народа барсилов» (Гадло, 1979. С. 62). Представление об изначальной генеалогической близости барсилов и хазар сохранилось в мусульманской этногеографической традиции (там же).

Еще более скудные сведения о хазарах содержит иная группа источников – китайская историография, а также один из текстов сериндийского круга. В перечнях уйгурских племен VII–VIII вв. сочинения, относящиеся к танскому своду источников, упоминают племенное название *коса*, надежно реконструируемое синологами как *касар/казар* (Hamilton, 1955. С. 3). В среднеперсидском тексте из Турфана (Махрнамаг, 825 г.) упомянут один из вождей племени – Хазар-тегин (Golden, 2000. С. 292).

Здесь нужно вернуться к более широкому историческому контексту. Уйгуры были одним из древнейших племенных союзов Центральной Азии, генетически связанным с позднегуннскими государствами. В III–V вв. уйгуры входили в еще более крупное племенное объединение, которое в китайских хрониках носило название *гаочэ*, или *гаоцзюй* (букв. «высокие телеги»). Они успешно противостояли попыткам императоров Северного Китая из династии Тоба Вэй и каганов жуань-жуаней (авар) подчинить их племена. В конце V в., воспользовавшись ослаблением жуань-жуаней, их вожди присвоили себе каганскую титулатуру. В начале VI в. потомкам основателей уйгурской династии пришлось выдержать не всегда успешную борьбу с эфталитами и жуань-жуанями в Восточном Туркестане. С VI в. их племенной союз стал именоваться в китайских хрониках *теле* (из тюрк.-монг. **тегрег* «телега, повозка»). Скорее всего, название «тележники», очевидно очень древнее, не было их самоназванием и пришло в китайский литературный обиход из языка соседних с теле племен (Hamilton, 1962. С. 25–26). В ходе непрерывных войн значительная группа племен теле мигрировала на запад, в степи Юго-Восточной Европы, но большая часть осталась в Центральной Азии. Еще до возникновения Тюркского каганата, в 546 г., центральноазиатские теле были подчинены великим яггу Бумыном, ставшим в 551 г. первым тюркским каганом. Эта часть теле, еще в IV в. возглавленная племенем *сеяньто* (*сыры* тюркских надписей) и их династийным родом Ильтэр, образовала тогда союз «десяти племен». Однако в 600 г., в результате меж-

дусобных войн с племенем *сикер*, сиры вышли из союза «десяти племен», где первенство перешло к уйгурам с их династийным родом Яглакар (Кляшторный, 1986. С. 153–164). Новое объединение получило в китайских источниках устойчивое наименование «*девять племен*».

И вот, обратившись к тюркским руническим памятникам VIII в., мы наконец выясняем самоназвание теле и их центральноазиатской племенной группировки: в текстах они названы *токуз огузами* – «девятью огузами». Теперь, возвращаясь к западным источникам, повествующим о событиях V в., мы обнаруживаем там фонетически более архаичную форму того же имени – *огур*. Те племена теле, которые, согласно смутной китайской информации, ушли в V в. к Западному морю, появились в Прикаспии и Причерноморье под своим собственным общим названием *огур*, но разделенные на многие племенные союзы – оногуров (*он огур* – «десять огуров»), кутригуров [*хутур огур* – «тридцать (племен) огуров»], сарыгуров (*сары огур* – «белых огуров») и т.д. Произошел, казалось бы, окончательный раскол «тележников» на западную группу *огурских* племен, сохранивших преобладавшие в их среде архаичные тюркские диалекты, и восточную группу *огузских* племен, где архаичная языковая норма *огур* сохранилась лишь в этнониме *уйгур* (Кляшторный, Султанов, 2000. С. 134–139). Естественно, и на западе, в Припонтийских степях, и на востоке, в Монголии и Джунгарии, среди огуров и огузов сохранились одни и те же племенные группы с одними и теми же самоназваниями. Одной из таких групп и были хазары.

Такова самая общая схема событий V–VI вв., подтвердить которую какими-либо сведениями и конкретными указаниями источников еще недавно не представлялось возможным. Но теперь обозначился первый информационный просвет.

В 1969 и в 1976 гг. возглавляемый мною отряд советско-монгольской историко-культурной экспедиции обнаружил в Северной Монголии в Хангайской горной стране две стелы с древнетюркскими руническими надписями. По названиям рек, в долинах которых были обнаружены стелы, памятники были названы Терхинским и Тэсинским. Оба памятника были разбиты и сильно пострадали от эрозии. Тем не менее сохранившиеся части текста донесли до нас крохи бесценной информации не только актуального, но и историографического характера (Klyashtorny, 1982. С. 335–366; Klyashtorny, 1985. С. 137–156). Обе стелы были воздвигнуты по повелению первых государей возникшего в 744 г. Уйгурского каганата – Элетмиш Бильге-кагана и его сына Бегю-кагана – в 753 г. (Терхинская) и в 762 г. (Тэсинская).

Историографические разделы обеих надписей, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, достаточно близки по содержанию. Главная идея историографических разделов этих текстов, казалось бы, парадоксальна – уйгурские каганы VIII в., чьи владения находились в Монголии и Туве, считали себя наследниками и преемниками древних вождей, которые возглавляли огуру-огузские племена евразийских степей за сотни

лет до них. И оба уйгурских государя, именовавшие себя каганами «десяти уйгурских (племен)» и «девяти огузских (племен)», сочли нужным напомнить об этом своим соплеменникам и своим подданным в высеченных на камне надписях-декларациях. Они возвеличили тех, кто возглавлял племена и создавал Эль – кочевую империю, и осудили других, разрушавших Эль в междоусобицах и межплеменных войнах. Память уйгурских историографов охватила несколько эпох созидания и разрушения Элей – более чем полутысячелетний период.

В начальных строках история сливалась с мифом о сотворении и легендами о каганах-основоположниках: «Когда в давние времена были сотворены [Голубое Небо вверху и Бурая Земля внизу, между ними обоими возникли сыны человеческие. Над сынами человеческими] уйгурские каганы на царство сели. [Они были] мудрые и великие каганы. [Триста лет] они на царстве сидели, триста лет тем своим Элем правили. Потом их народ погиб» (Тэс, стк. 7–8).

Легенда о начале сохранилась только в Тэсинской надписи и реконструируется с помощью совершенно идентичных тюркских повествований, высеченных на камне на тридцать лет раньше и воздвигнутых невдалеке, в долине р. Орхон. Но место тюркских каганов заняли уйгурские, а первый тюркский каган Бумын был вставлен как общий легитимный государь в список древних уйгурских каганов: «ЙОлыг-каган... Бумын-каган (эти) три кагана на царстве сидели, двести лет на царстве сидели. Их народ, придя в неистовство, погиб... из-за двух именитых истоцился и погиб. Кадыр Касар и Беди Берсил, прославленные огузы... (тогда погибли)» (стк. 16–18). Так повествует о времени после Бумына Терхинская надпись. А вот сохранившиеся строки с повествованием о тех же событиях Тэсинской надписи (стк. 9–10): «...Из-за вождей бузуков (их народ), придя в неистовство, истоцился и погиб. Из-за ничтожного Кюля, из-за двух именитых истоцился и погиб... Беди Берсил и Кадыр Касар тогда погибли. Тот мой народ затевал многие (междоусобные) распри и ссоры».

Время и пространство междоусобных войн, в которых погибли «прославленные огузы», определяется упоминанием Бумына – это время и пространство Первого Тюркского каганата после смерти Бумына, т.е. вся евразийская степь до Боспора Киммерийского во второй половине VI в. Междоусобная война, длившаяся в Эле двадцать лет и приведшая к распаду царства, началась в 582 г. и завершилась в 603 г. Имена трех каганов, царствовавших тридцать лет после Бумына, либо не сохранились, либо скорее всего и не были упомянуты, ибо цель повествования – обозначить смену эпох и назвать виновников бед и несчастий, избавление от которых принесла следующая в повествовании собственно уйгурская династия, династия Яглакаров – ее Элетмиш Бильге-каган обозначает словами «мои предки» (Терхинская надпись, стк. 18).

Ключевое слово в цитированном отрывке Тэсинской надписи – термин *бузук*. Сохраненное позднейшей огузской традицией (легендами об Огуз-хане, предке-эпониме огузских племен) и зафиксированное мусульманской историографией (Захир ад-дин Нишапури, Ибн ал-Асир, Рашид ад-дин) устойчивое деление огузов на два крыла, два объединения племен – *бузуков* и *учуков*, как теперь ясно, восходит к глубокой древности. Бузуки, правое крыло, соотносимое с восточной ориентацией, в квазиимперских и имперских структурах огузов имели преимущества старшинства. Только из их среды выдвигался великий хан (каган), номинальный глава всех огузов, а иерархическое положение аристократии бузуков, их племенных вождей, было более высоким, чем статус учуков.

Ко времени, о котором говорится в надписях, времени Бумын-кагана и его первых наследников, в двусоставной тюрко-огузской структуре Тюркского эля место бузуков занимали десять тюркских племен, одно из которых, Ашина, было каганским племенем. После распада каганата на восточную и западную части деление на бузуков и учуков в Восточнотюркском, а позднее и Уйгурском каганатах сменилось делением на телисов и тардушей, восточное и западное крылья, которые вместе с каганским центром-ставкой (*орду*) формировали военно-административную структуру Эля. В Западнотюркском каганате, в «народе десяти стрел» (как они сами себя называли), сложилась или проявилась иная древняя структура – деление на *дулу* и *нушиби*, восточное и западное объединения племен, соперничество между которыми часто приводило к междоусобным войнам.

В повествовании автора Тэсинской надписи вся вина за раскол и распрю возлагается на бузуков – вождей собственно тюркских племен, что совпадает с реальной событийной канвой, известной по другим источникам. Более всего в этой распре пострадали западные огузы-огуры, и авторы обеих надписей сочли нужным отметить гибель двоих, назвав их имена и их племена – вождя берсиллов Беди и вождя хазар (касар) Кадыра. Оба упоминания позволяют оценить прежде всего место обоих племенных союзов в исторической памяти огузов, в той политической картине ушедшего мира, с которым было связано и имперское величие, и крушение тюрко-огузского дуумвирата в евразийской степи.

Другое, не менее интересное наблюдение – и хазары, и берсилы косвенно причислены к учукам, т.е. к западному крылу огузо-огузских племен. Обстоятельство тем более важное, что в позднейшей огузской традиции конца I – первой половины II тысячелетий берсилы и хазары уже не фигурируют. Так же как сирь (сеяньто китайских хроник), они выпали из огузских объединений и создали собственные имперские структуры примерно в одно и то же время (сирь – в 630–647 гг.).

И наконец, еще одна особенность цитированных фрагментов – в обоих случаях вождь берсиллов и вождь хазар упомянуты вместе. В представлении уйгурского историографа взаимосвязь между этими племенами была

столь же очевидна, насколько очевидна она и для западной, византийской и мусульманской, историографических традиций.

Подводя краткий итог наших наблюдений и нашего анализа древнеуйгурских рунических текстов, следует, очевидно, констатировать, что ранняя история хазар и берсиллов-барсиллов не только взаимосвязана, но и генетически привязана к огууро-огузским племенам и на раннем этапе политически обусловлена становлением и распадом тюрко-огузского дуумвирата в Центральной Азии.

Примечание

1 О дате смерти Кубрата см.: Оболенский, 1998. С. 72.

Литература

Артамонов, 1962: Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Гадло, 1979: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа в IV–X вв. Л., 1979.

Кляшторный, 1986: Кляшторный С.Г. Кипчаки в рунических памятниках // *Turcologica*. 1986. К 80-летию академика А. Н. Кононова. Л., 1986.

Кляшторный, Султанов, 2000: Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000.

Коковцов, 1932: Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Новосельцев, 1990: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Оболенский, 1998: Оболенский Д. Византийское Содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

Пигулевская, 1941: Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л., 1941.

Чичуров, 1980: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

Czegledy, 1961: Czegledy K. Bemerkungen zur Geschichte der Chazaren // *Acta Orientalia Hungarica*, 1961, t. XIII, fasc. 3.

Golden, 1980: Golden P. *Khazar Studies*, vol. 1. Budapest, 1980.

Golden, 2000: Golden P. *Nomads of the Western Eurasian Steppes: Ogurs, Onogurs and Khazars // Philologiae et Historiae Turcicae Fundamenta*. T. I, Berlin, 2000.

Hamilton, 1955: Hamilton J.R. *Les Ouïghours à l'époque des Cinq Dynasties*, Paris, 1955.

Hamilton, 1962: Hamilton J.R. *Toquz-Oquz et On-Oyghur // Journal Asiatique*, 1962, t. 250.

Klyashtorny, 1982: Klyashtorny S.G. The Terkhin inscription // *Acta Orientalia Hungarica*, 1982, t. XXXVI, fasc. 1–3.

Klyashtorny, 1985: Klyashtorny S.G. The Tes Inscription of the Uighur Bögü Qaghan // *Acta Orientalia Hungarica*, 1985, t. XXXIX, fasc. 1.